

В. И. Марковин

**ДАГЕСТАН
И ГОРНАЯ ЧЕЧНЯ
В ДРЕВНОСТИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М 27

В. И. МАРКОВИН

ДАГЕСТАН И ГОРНАЯ ЧЕЧНЯ В ДРЕВНОСТИ

КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Б/Н

Дорогой и уважаемый Магомедов! Книга посвящена истории и культуре Дагестана и Горной Чечни. Это очень интересная и важная работа. Желаю Вам успехов в работе и в науке. С уважением, В. И. Марковин

364051 ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
г. ГРОЗНЫЙ пр. ПОБЕДЫ №22
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОСТУПИЛА
В ДАР ОТ ЧИТАТЕЛЯ

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364051 г. Грозный, пр. Победы 22

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ г. ГРОЗНОГО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ Р
Р. М. МУНЧ.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
И Е С С Е Н А
ПОСВЯЩАЮ

ВВЕДЕНИЕ

Одним из сложных периодов в истории населения Северо-Восточного Кавказа является эпоха бронзы, особенно та ее фаза, которую часто называют эпохой поздней бронзы. Именно в этот период человек начинает осваивать железо, переходит к более интенсивным формам ведения хозяйства.

Культуру этого времени предлагали называть «хорчоевской» (А. П. Круглов), «каякентско-хорчоевской» (Е. И. Крупнов), рассматривали ее как особую археологическую культуру (Е. И. Крупнов, А. А. Иессен, К. Ф. Смирнов, Р. М. Мунчаев и др.) и даже как определенный этап в развитии местных племен (В. И. Канивец, В. М. Котович и др.). Спорными являлись и предлагаемые датировки «каякентско-хорчоевской» культуры. Однако эта интересная эпоха в истории древних народов Северо-Восточного Кавказа еще не достаточно изучена. А. А. Иессен, узнав о выборе именно этой темы, писал

мне, что подобная тема потребует «очень детальной и тщательной разработки»¹. Полевые исследования в составе Северо-Кавказской экспедиции (начальник Е. И. Крупнов), личные разведки в Дагестане, изучение материалов, добытых археологами и краеведами, а также музейных коллекций в Москве, Ленинграде, Махачкале, Грозном, Дербенте, в музее школы № 5 г. Буйнакска, беседы и споры с товарищами позволили осветить некоторые вопросы, связанные с каякентско-хорчоевской культурой. В данной работе я ставил перед собой задачу возможно полнее охарактеризовать особенности памятников этой культуры, уточнить их датировку, реконструировать быт носителей культуры и наметить районы расселения отдельных племен.

¹ Письмо А. А. Иессена к автору от 29 июля 1961 г.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Человеческая культура неразрывно связана с той географической средой, в которой она возникла. Это правильно для современности и тем более верно для отдаленных эпох, когда жизнь населения в большей степени зависела от особенностей географической среды. Известный географ Элизе Реклю одно из крупных своих произведений специально посвятил «влиянию» почвы, климата и всего окружающего на исторические события»¹.

Кавказ Элизе Реклю очень справедливо рассматривает как грань между двумя мирами — степным и горным: на севере — культуры кочевников, на юге — «относительной цивилизации»².

Благоприятные географические условия ускоряют развитие человеческого общества, определяют возникновение тех или иных форм хозяйства, влияют на характер межплеменных связей. Чрезмерная щедрость природы, как и ее суровость, подавляют развитие человеческого общества, мешают такому процессу. В силу этого человек всегда и всюду создавал себе «искусственную» (преобразованную им) среду с тем, чтобы еще больше развивать эту искусственную среду, приобретать еще большую власть над природой»³.

Окружающая природа влияла и на религиозные представления людей, накладывала на них свой отпечаток.

Таким образом, та или иная географическая среда является одним из важных факторов в исторической жизни человека, недооценивать который нельзя. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Всякая историография должна исходить из этих конкретных природных основ и тех их видоиз-

менений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»⁴.

Кавказ — страна с чрезвычайным разнообразием ландшафтов. И если обратиться только к северо-восточной его части, то и здесь можно встретить «сухие солончаковые полупустыни Прикаспия и яркие ковры сочных высокогорных лугов, лабиринты глубоких ущелий и бескрайние степные просторы»⁵.

Северо-Восточный Кавказ (современные Дагестан и Чечено-Ингушетия) можно довольно четко разделить по линии Малгобек — Грозный — Махачкала на две части — степную и горную. Степная часть на севере незаметно смыкается со степями Ставрополя, Калмыкии и Астраханщины, горная граничит на юге с Грузией и Азербайджаном. Эта граница представляет собой основательный отрезок Главного Кавказского хребта от горы Базар-Дюзи на востоке до массива Тебулос-Мта на западе. Большая часть гор приходится при этом на Дагестан — страну с исключительно резко пересеченным рельефом.

Горный Дагестан — обособленная страна, имеющая форму треугольника, ограниченного с востока Каспийским морем, а с юго-запада и запада — мощными хребтами. Средняя высота горной части страны 960 м⁶. Известный географ Б. Ф. Добрынин делит Дагестан на ряд физико-географических районов. Горную часть страны он членит на Внутренний горный Дагестан и Высокогорный Дагестан. В «низовой» части выделяет Предгорный Дагестан, Приморскую низменность и как особую область рассматривает Терско-Сулакскую низменную полупустыню (Кумыко-Ногайскую плоскость — как часть Прикаспийской низменности). Горную

часть Дагестана он подразделяет в широтном направлении на Северный и Южный Дагестан⁷.

Территорию Чечено-Ингушетии также можно расчленить, выделив в ней низменную часть, предгорную, горную и высокогорную области⁸.

Прикаспийская низменность представляет собой волнистую, местами плоскую равнину, единственными всхолмлениями на которой являются многочисленные курганные группы. Низменность наклонена в сторону Каспийского моря и сложена в основном морскими осадочными породами. Прикаспийская низменность неоднородна: в ряде мест она пересечена мощными массивами песков⁹. Некогда степные районы были обитаемы, на что указывают многочисленные археологические находки¹⁰.

Терско-Сулакская низменность является частью Прикаспийской низменности. Эта так называемая Кумыкская степь представляет собой равнину («плоскость»), расчлененную долинами рек, высохшими озерами и покрытую полынью растительностью и ксерофитами (сухотлюбивыми растениями)¹¹.

На обширной Кумыкской степи разбросано огромное количество курганов («тюбе»). Довольно много разнообразных археологических памятников выявлено в бассейнах мелководных рек Аксай, Яман-Су, Ярык-Су. Вероятно, их руслами древние племена пользовались как дорогами, чтобы пройти вверх в глубь гор Андийского хребта. К сожалению, основная территория Кумыкской степи археологически почти не изучена.

К югу от низовьев р. Сулак простирается небольшая Присулакская низменность — собственно, продолжение Кумыкской степи. Здесь у станций Темиргое, Алмало, Пельтиевское можно видеть обширные зоны развеваемых песков.

⁷ Б. Ф. Добрынин. Ландшафты Дагестана. «Землеведение», т. XXVII, вып. I—II, М., 1924, стр. 94, 112, карта; М. Эльдаров. Географ Б. Ф. Добрынин. «Дагестанская правда», 12 мая 1955 г.

⁸ В. В. Рыжиков. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1965, стр. 5 и сл.

⁹ С. А. Водовозов. Ногайская степь. «Природа», 1955, № 2, стр. 73, 76; В. В. Рыжиков. К вопросу о генезисе и морфологии песков Кумо-Каспийской низменности. «Изв. Грозненского ин-та и Музея краеведения», вып. 2-3, 1950, стр. 13; Он же. О природном районировании Ногайской степи. «Изв. Грозненского обл. краеведческого музея», вып. 7-8, 1956, стр. 181—183; П. Г. Язани. Терско-кумские пески, их закрепление и использование в сельском и лесном хозяйстве. Грозный, 1955, стр. 10—15.

¹⁰ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 85.

¹¹ И. И. Чеботарев. Рельеф и грунтовые воды Кумыкской степи (Дагестан). «Изв. ВГО», т. 66, вып. 6, 1934, стр. 827—833.

В районе сел. Кумтор-кала¹² среди развеянных песчаных участков, так же как и в Ногайских песках, встречаются археологические находки¹³, а на скалах Нарра-Тюбинского хребта обнаружены древние изображения.

К югу от г. Махачкала до устья р. Самур протянулась узкая полоса Приморской низменности, известной в истории как Дербентский проход. Ширина низменности различна: у г. Махачкала, Дербента — 2—5 км, сильно расширяется она лишь в дельте р. Самур. Низменность сложена песками, глинами и известняками-ракушечниками, образующими две террасы; первая из них обрывается непосредственно у моря, вторая, прикрытая чахлам кустарником, расположена ближе к предгорьям¹⁴. На второй террасе разбросаны многочисленные курганные группы (Таркинская, Кяхулайская, Придербентские), здесь же находится развеянный участок урочища Тарнаир (ныне в черте г. Махачкала) с массой археологических находок. На границе с низменностью расположены известные куро-аракские поселения у сел. Великент и хутора Мамай-Кутан.

Дербентский проход — это действительно самый удобный путь, ведущий в Закавказье и страны Востока, так как здесь нет бурных рек и крутых обрывов.

Каспийское море, омывающее Приморскую низменность, образует огромные песчаные пляжи с массой раковин моллюсков *Cardium* sp., *Didacna trigonoides* (Pallas) и др., использовавшихся в древности в качестве подвесок, бус и т. д. Дагестанское побережье очень богато рыбой, тюленями, водоплавающей птицей¹⁵.

Предгорная полоса в пределах Чечено-Ингушетии начинается Терским и Сунженским хребтами — очень низкими горными цепями. Сейчас этот участок покрыт степной растительностью. Раньше здесь простирались большие лесные массивы. Вырубка их привела к продвижению степи¹⁶. Между Сунженским и Терским

¹² А. А. Майоров. Эоловая пустыня у подножия Дагестана. Махачкала, 1928; А. Ф. Виктор, Б. А. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микучи, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, стр. 13. М. М. Эльдаров. Песчаная гора Сары-Кум. «Дагестанская правда», 15 августа 1956 г.

¹³ Н. Морев. О памятниках искусства и старины в Дагестане. «Изв. Дагестанского музея». Махачкала, 1926, стр. 10—11.

¹⁴ А. Ф. Виктор и др. Дагестанская АССР, стр. 13, 14; К. К. Гюль и др. Физическая география..., стр. 31—33.

¹⁵ Б. А. Шлямин. Каспийское море. М., 1954, стр. 61—64.

¹⁶ В. В. Рыжиков, В. А. Белогуров. Краткий физико-географический очерк Грозненской области. «Изв. Грозненского обл. ин-та и Музея краеведения».

¹ Элизе Реклю. Человек и земля, т. I, СПб., 1905, стр. 1.

² Там же, стр. 434—438.

³ Г. В. Плеханов. О материалистическом понимании истории. Сочинения, т. VIII, М., 1936, стр. 248, 249.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 19.

⁵ Е. П. Маслов. Северный Кавказ. М., 1950, стр. 3.

⁶ К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. Д. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, стр. 24.

хребтами и массивом Черных гор расположена вытянутая с запада на восток Сунженская, или Грозненская, наклонная равнина, перерезанная руслами многочисленных рек, впадающих в р. Сунжу (Аргун, Гойта, Гехи, Асса с Фортангой и др.). Большое количество различных археологических находок с этой равнины хранится в музее г. Грозного.

Черные горы (Лесистый хребет), тянущиеся к югу от г. Грозного, имеют куэстово-складчатое строение, т. е. один склон у них крутой, другой пологий. Крутым склоном они обращены к Грозненской равнине. Черные горы покрыты широколиственными лесами, состоящими в основном из бука (чинара), карагача и других пород¹⁷. Леса занимают обычно северные склоны Черных гор и Пастбищного хребта, идущего несколько южнее и параллельно Черным горам. Для речных долин, пересекающих оба хребта, характерны мощные расширения в виде котловин, занятых обычно современными селениями.

Чеченская историческая область Ичкерия с центром в сел. Ведено (высота 750 м) сплошь покрыта лесами. Только у сел. Хорохой (высота 1000 м) леса постепенно редкуют и ландшафт приобретает горный характер, меняются и геологическое строение гор — мощные отложения галечников и глин Ичкерии сменяются скалами мергеля¹⁸.

В предгорьях расположено известное Сержен-Юртовское поселение III тысячелетия до н. э. и эпохи раннего железа. На границе с высокогорной зоной и Дагестаном находится другой известный памятник — Хорохоевский могильник.

Предгорный и Горный Дагестан имеет свою систему хребтов, более сложную, чем параллельно идущие Терский и Сунженский, Лесистый и Пастбищный хребты. Здесь «перед Водораздельным хребтом и высокими массивами Бокового располагается целая горная страна... почти совершенно замкнутая хребтами Андийским и Салатау с севера, а хребтом Гимринским и другими хребтами Сулако-Каспийского водораздела — с востока»¹⁹. Предгорная зона Дагестана

вып. 1, 1948, стр. 15; С. Д. Ширяев. Грозненская область. Грозный, 1955, стр. 10, 52.

¹⁷ Н. И. Кузнецов. В джблях Дагестана. «Изв. РГО», т. 49, вып. 1—3. М., 1913, стр. 247; С. Д. Ширяев. Указ. соч., стр. 56.

¹⁸ П. М. Ерохин. Горные курорты Чечни. «Зап. Северо-Кавказского краевого горского НИИ», т. 1. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 8—17; Б. Алферов. Геологические исследования в районе дер. Ведено (Черные горы). «Изв. Геологического комитета», т. 44, № 9. Л., 1926, стр. 871—877.

¹⁹ Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. М., 1954, стр. 126.

растянулась на 200 км. Она представляет собой множество небольших складчатых хребтов, вытянутых в основном параллельно Каспийскому морю. Ширина предгорий различна — от 25 до 40 км. Горы предгорий достигают высоты 1200 м, сложены в основном породами третичного возраста — известняками-ракушечниками, песчаниками и глинами. В предгорных районах расположены обширные долины и понижения. Отдельные части предгорий Дагестана соединяются между собой перевалами (Атлы-Буюнский по дороге в г. Буйнакск, Парнак-Баш за курортом Талги, на горе Окюз-тау за г. Буйнакском и др.). Более сложные перевалы (Кизылярский на стыке Гимринского хребта и хребта Чонкатау, Гимринский за сел. Каранай и др.) связывают предгорную часть Дагестана с горной.

Растительность дагестанских предгорий различна. В нижней части, близ низменности, склоны гор покрыты травами степного типа и кустарниковыми зарослями. В южном Дагестане в той же зоне встречаются участки лиановых лесов. Выше на каменистых склонах растут колючие травы и кустарники. В верхней полосе предгорьев сухие степи сменяются сочным разнотравьем и широколиственными лесами. Животный мир предгорий близок фауне низменности²⁰.

Зона предгорий наиболее благоприятна для жизни человека и в климатическом отношении, так как здесь умеренно-теплый климат, а в южных районах он близок субтропическому. Благоприятные и легкодоступные районы предгорий Дагестана издревле привлекали к себе людей. В зоне предгорий известно большое количество самых разнообразных археологических памятников: курганы в местности Каркома-хола за ст. Манас, Карабудахкентский могильник II и поселение, Таркинский могильник (близ г. Махачкала), Миатлинское курганное поле, могильник у сел. Маджалис.

Над поясом предгорных хребтов поднимаются гораздо более высокие и мощные стены Внутреннего Дагестана. Эта труднодоступная горная страна со сложной схемой орографии вытянута в виде треугольника с северо-запада на юго-восток на 230 км²¹. Горы Внутреннего Дагестана сложены из мягких и твердых пород, которые, сочетаясь в разных комбинациях,

²⁰ Б. Ф. Добрынин. Ландшафты Дагестана, стр. 101—103; А. Ф. Виктор и др. Дагестанская АССР, стр. 83—86, 94.

²¹ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926, стр. 9; Он же. Горный Дагестан и элементы его ландшафта. «Землеведение», кн. I—II. М., 1917, стр. 71; Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа, стр. 126.

«образуют одну из самых диких по природе и недоступных не только на Кавказе, но и на всем земном шаре горных стран»²².

Северную часть горного Дагестана пересекают четыре реки, так называемые Койсу (Андийское, Казикумукское, или Лакское, Кара-Койсу, Аварское). Они являются притоками р. Сулак, и только эта река выплывает на плоскость, образуя грандиознейший каньон, который по праву сравнивают с каньоном р. Колорадо²³. По южной части, несколько геологически отличающейся от северной, протекает р. Самур с притоками, образующими широкие долины с хорошо выраженными террасами.

Внутренний Дагестан характеризуется большим количеством платовых гор (Хунзахское, или Чин-Меэр, Гунибское, Шуну-Даг у сел. Кумух, Кегерское и др.) с почти отвесными склонами²⁴. Природа этой части Дагестана своеобразна. Растительность в основном ксерофитная — засухоустойчивая, многие растения характерны только для Дагестана (различные астрагалы и пр.). На северных склонах, на высоте 1,400—2,300 м, встречаются сосновые леса, у сел. Цудахар имеется грабовый лес²⁵. В районе Гуниба (Верхний Гуниб), Согратля растут березовые рощи с двумя видами берез — обыкновенной белой и реликтовой (третичной) березой Радде (*Betula Raddeana Trautv.*).

Животный мир горного Дагестана богат — олени, медведи, косули, орлы, горные куропатки и масса других животных и птиц живут в лесах и среди скал. Благоприятен и климат этой части Дагестана — лето здесь теплое, а зима довольно сухая²⁶. «Судя по видовому составу животных, — пишет зоолог К. Н. Золотов, — можно предполагать в Дагестане III—II тысячелетий до н. э. наличие жаркого и несколько сухого климата, изменяющегося к средним векам в сторону похолодания и большего количества осадков»²⁷.

Горный Дагестан был обитаем с древнейших пор, на это указывает хотя бы Чохская мезолитическая стоянка, расположенная на высоком

²² А. Ф. Лейстер, Г. Ф. Чурсин. География Кавказа. Природа и население. Тифлис, 1924, стр. 20.

²³ Б. Ф. Добрынин. Сулакский каньон в Дагестане. «Изв. РГО», т. XXV, № 1, 1917, стр. 50—101.

²⁴ К. К. Гюль и др. Физическая география..., стр. 42.

²⁵ Н. А. Буш. Ботанико-географический очерк Кавказа. М.—Л., 1935, стр. 82—86.

²⁶ Л. С. Берг. Природа СССР. М., 1955, стр. 278—280; К. К. Гюль, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Природа Дагестана. Махачкала, 1959.

²⁷ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 291.

плато Турчи-Дага (Кегера — около 1700—1900 м над уровнем океана)²⁸. Здесь много памятников эпохи бронзы — могильник у сел. Чох, Гунибское поселение, поселение Мекеги, могильник у сел. Ирганай, могильник Гоно, могильник в сел. Анди и др.

Предгорный и горный Дагестан — это те районы, в которых сложились основные культурные черты, отличающие древний Дагестан от соседних территорий — Чечни, Грузии, Азербайджана.

Горная Чечня не столь замкнута как описанная часть Дагестана. Она труднодоступна, но не изолирована естественными преградами — хребтами. В отличие от лесистой Ичкерии горная Чечено-Ингушетия — верховья рек Аргуна, Фортанги, Ассы, Арм-Хи — представляет собой довольно узкие ущелья с глубокими скалистыми обрывами, прерываемыми широкими котловинами²⁹. Значительная часть горной Чечни сложена галечниками, мергелями. На территории горной Чечни обнаружено немного памятников эпохи бронзы. Главным из них является могильник Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово в ущелье р. Чанты-Аргун.

Высокогорная часть Чечено-Ингушетии и Дагестана представляет значительный участок Главного, или Водораздельного хребта от так называемых Хевсурских Альп (от района Военно-Грузинской дороги) до горы Базар-Дюзи (Самурские Альпы) в Дагестане. Это район оледенений, но они меньше, чем в центральной части хребта, здесь южные склоны часто вообще лишены льда³⁰. Снеговая линия проходит на высоте 3500—3700 м. Многие вершины Северо-Восточного Кавказа превышают 4000 м (Тебулос-Мта — 4494 м, Аддала-Шухгельмеэр — 4153 м, Диклос-Мта — 4275 м, Дюльты-Даг — 4131 м, Базар-Дюзи — 4485 м и др.). Через Главный хребет ведут перевалы в Грузию, Азербайджан. Горцы высокогорных районов пользуются ими сейчас, как и в глубокой древности. Таковы перевалы Кодорский (2357 м), Вантлашетский (2154 м), Махчал-Россо (2962 м), Диндидагский (2318 м), Салаватский (2852 м), Харамля (2174 м) и др.³¹ Перевалы использо-

²⁸ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 100—101.

²⁹ П. М. Ерохин. Горные курорты Чечни, стр. 29—30; К. Долгов. Географический очерк Терской области. «Сборник сведений о Терской области», вып. 1. Владикавказ, 1878, стр. 51; П. И. Знаменский. Физико-экономический очерк Чеченской автономной области. Грозный, 1929, стр. 7 и сл.

³⁰ С. В. Калесник. Горные ледниковые районы СССР. Л.—М., 1937, стр. 41—42.

³¹ А. Ф. Виктор и др. Дагестанская АССР, стр. 28—32.

вались и в древности, на что указывают многие находки закавказских вещей в этих пограничных с Закавказьем районах Дагестана.

Чечено-Ингушетия и Дагестан, если учитывать потребности человека в древности, не очень богаты полезными ископаемыми. Здесь нет меевика, из которого делали прекрасные боевые топоры. Выходы медных руд известны в Дагестане у сел. Бежита, по главному хребту (по рекам Яктиль, Тлейсерух), в южном Дагестане (по рекам Динди-Чай, Даки-Чай, Дала-Чай и др.)³², в Чечено-Ингушетии в районе сел. Итум-кале, в верховьях р. Ассы и по р. Арм-Хи³³. Сурьмяной блеск имеется на р. Шаро-Аргун в Чечне³⁴. Встречаются месторождения его и в Дагестане (сел. Койды)³⁵. Олова (касситерита) на Северо-Восточном Кавказе нет³⁶.

Такова краткая характеристика географических условий Северо-Восточного Кавказа. В исторически не столь отдаленные от нас эпохи Внутренний горный Дагестан, заселенный очень

³² Л. А. Варданянц. О месторождениях цветных металлов в Дагестанской АССР. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», т. I. М.—Л., 1935, стр. 82 и сл.

³³ П. П. Сушинский. Горные богатства Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1931, стр. 98; П. И. Знаменский. Физико-экономический очерк..., стр. 41, 42.

³⁴ В. В. Седелщикова. Геологическая экспедиция в нагорную Чечню осенью 1926 г. «Зап. Северо-Кавказского краевого горского НИИ», т. II. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 18.

³⁵ И. Д. Стороженко. Месторождения сурьмы, висмута, вольфрама и олова. «Природные богатства Северо-Кавказского края». М.—Пятигорск, 1935, стр. 272.

³⁶ А. А. Иессен. Олово Кавказа. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 193 и сл.

густо, страдал от недостатка посевных площадей. Главное место в хозяйстве горцев занимало скотоводство па высокогорных пастбищах. Чечня в этом отношении исторически оказалась в лучшем положении — широкая плоскость, масса котловин делали здесь возможным хлебопашество. Несомненно, растительный покров на Кавказе в изучаемую эпоху был несколько иным, чем сейчас, но говорить о существенной разнице нельзя³⁷.

Горные реки служили серьезным препятствием для передвижений. Однако и такие реки преодолимы. Утром, когда льды в верховьях сковываются морозом, уровень воды в реках спадает и часто они становятся доступными для перехода вброд. Во многих местах их каньоны узки. Достаточно перебросить бревно, чтобы их перейти. Инженеры и географы в XIX в., когда начиналась Кавказская война, изучали режимы местных рек и нашли десятки способов для пересечения самых бурных рек Чечни и Дагестана³⁸.

Несмотря на свою суровость, Северо-Восточный Кавказ является краем, где люди жили с глубокой древности и создали высокую своеобразную культуру, в определенной степени продиктованную местными природными условиями.

³⁷ В. П. Малеев. Основные этапы развития растительности Средиземноморья и горных областей Юга СССР (Кавказа и Крыма) в четвертичный период. «Труды Гос. Никитского бот. сада», т. XXV, вып. 1-2. Симферополь, 1948, стр. 23—28.

³⁸ А. Берже. Прикаспийский край. «Кавказский календарь на 1857 г.» Тифлис, 1856, стр. 283—285.

ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ПРОБЛЕМА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Успешные полевые исследования последних лет, отдельные монографии и статьи позволяют в определенной степени представить уровень культуры эпохи бронзы и исторические процессы, связанные с ней.

Нужно считать совершенно своевременным выделение специфической дагестанской культуры эпохи бронзы¹, для памятников которой особенно показательна лощеная керамика и керамика, покрытая грубой обмазкой. Эту культуру II тысячелетия до н. э. характеризуют в разных физико-географических зонах (в предгорьях и высокогорных районах) такие памятники, как могильники Карабудахкент II, Гоно, Гинчи, Верхнегунибское поселение и др.² Несомненно генетическая связь культуры эпохи бронзы Дагестана с культурой предшествующего времени (III тысячелетие до н. э.), памятники которого представлены поселениями куро-аракского типа и рядом высокогорных поселений (Мекеги, Чинна и др.). Синтез пришлой, закавказской в своей основе куро-аракской культуры³ и местных культурных традиций,

прослеживаемых с эпохи неолита⁴, и дал те характерные культурные черты, которые отличают древние дагестанские племена от населения Закавказья и Северного Кавказа.

Дагестанская культура охватывала горные районы страны с выходом на правый берег р. Самур; в полосе горной Чечни, примыкающей к Дагестану, проходила зона контактов между дагестанскими и северокавказскими племенами. Особенно ярко такие связи прослеживаются на материалах могильника Гатын-Кале в ущелье р. Чанты-Аргун⁵. Установлено продвижение северокавказских племен эпохи бронзы в северные пределы равнинных и предгорных районов Дагестана (курганы по р. Сулак)⁶.

Дагестанским археологам удалось реконструировать быт и занятия (земледелие, скотоводство) древних племен страны в эпоху бронзы⁷. За последние годы оживилось также изучение типично степных культур II тысячелетия до н. э. По всему Северному Кавказу выявлены памятники, оставленные племенами так называемой катакомбной культуры⁸. В пределах Чечено-Ингушетии их захоронения обнаруже-

¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 252.

² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент. МИА, 1958, № 68, стр. 145 и сл.; В. Г. Котович. Археологические работы в Горном Дагестане. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 25—36; М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X. Махачкала, 1962, стр. 166 и сл.; В. М. Котович. Указ. соч.; Она же. Верхнегунибское поселение. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 88 и сл.; В. И. Каннивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. III. Махачкала, 1957, стр. 158, 159.

³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 1962, № 100; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 26 и сл.; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник..., стр. 95—98; 190—191.

⁴ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. VIII. Махачкала, 1960, стр. 335.

⁵ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. ДЧИ. М., 1963, стр. 49 и сл.

⁶ МАД I. Махачкала, 1959 (см. статьи В. И. Каннивеца, С. С. Березанской, Н. П. Костюченко).

⁷ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник..., стр. 211—222; В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX. Махачкала, 1964, стр. 279 и сл.; Она же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3, стр. 5—13.

⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. 24, 1955, стр. 94 и сл.; А. А. Иерусалимская. Предкавказский вариант катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 43 и сл.; В. И. Марковин. Северный Кавказ в эпоху бронзы. МИА, 1960, № 93, стр. 69 и сл.

ны у сел. Бамут и ст. Мекенской⁹, а отдельные находки — в районе г. Грозного¹⁰. Эти племена, не имевшие своей достаточно развитой металлургии, с середины II тысячелетия до н. э. потянулись на Кавказ не только с целью освоения новых земель, но и за металлом¹¹. Их внедрение на территорию Дагестана не оставило заметного отпечатка в культуре местных племен. Курганы с катакомбами у ст. Манас содержали чисто местный инвентарь, характерный для аборигенов¹². Очевидно, подобный материал был найден и в других аналогичных захоронениях, исследованных еще в XIX в. в Южном Дагестане. Сейчас трудно выделить локальные группы памятников эпохи бронзы Дагестана. Но, несомненно, что с накоплением материалов такие группы будут прослежены.

Эпохе бронзы Северо-Восточного Кавказа в трудах исследователей уделено большое внимание, однако ее поздний период освещен более чем фрагментарно. Сейчас памятники этого времени в литературе принято объединять под названием «каякентско-хорчоевской культуры». Остановимся на некоторых вопросах, связанных с ее изучением.

Термин «каякентско-хорчоевская культура», предложенный Е. И. Крупновым¹³, объединяет целый ряд памятников, наиболее характерные из которых обнаружены в двух селениях: Каякент в Дагестане и Хорчой в Чечне.

В 1898 г. во время строительства Дербентской железнодорожной ветки в сторону г. Баку, на 78-й версте, у ст. Каякент, рабочие обнаружили могилу, «в которой был найден пстлевший скелет в сидячем положении и кувшин при нем» (предполагалось, что разрушается «старинное магометанское кладбище»¹⁴). На место работ по поручению Археологической комиссии

⁹ Е. И. Крупнов. Мекенские курганы. «Изв. Чечено-Ингушского республ. краевед. музея», вып. 10. Грозный, 1961, стр. 53—71; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Мекенской. ДЧИ, стр. 9 и сл.; Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. «Новое в советской археологии». МИА, 1965, № 130, стр. 92—96.

¹⁰ В. И. Марковин. Северный Кавказ в эпоху бронзы, стр. 72—75, 80.

¹¹ И. В. Сияндын, У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники на территории Калмыкской АССР. Элиста, 1966, стр. 8; В. А. Фисенко. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Автореферат канд. дисс. Л., 1967, стр. 19, 20.

¹² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 167 и сл.

¹³ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI. М., 1940, стр. 14.

¹⁴ Письмо из канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 21 февраля 1898 г. № 2329. Архив ЛОИА, д. 45, 1898 г.

выехал В. И. Долбежев — преподаватель Владикавказского реального училища. В низкой береговой полосе Каспия непосредственно у здания железнодорожной станции он раскопал 34 погребения в каменных ящиках¹⁵. В. И. Долбежев констатировал, что в погребениях «не обнаружено никаких признаков изделий из железа»¹⁶. Материалы этого могильника и послужили одной из опор для выделения особой культуры.

Отдельные разрозненные находки, близкие каякентским (височные подвески, браслеты, бусы, керамика), любители археологии довольно тщательно собирали в последующее время, но эти предметы не изучались (работы А. Л. Млокосевич, Е. И. Козубского, Н. В. Орла и др.)¹⁷.

Совершенно правы А. П. Круглов и М. И. Артамонов, которые замечают, что до работ советских ученых в Северо-Восточной части Кавказа «могильник у ст. Каякент стоял совершенно изолированно среди других памятников Кавказа»¹⁸. Первую попытку систематизировать археологический материал Дагестана предпринял в 1932—1935 гг. А. А. Иессен. На составленной им карте отмечены могильники с каменными ящиками у селений Новый Чиркей, Ишкарты, Турчи¹⁹. Судя по описанию, они близки каякентским. Но только в 1937 г. А. П. Кругловым был обнаружен могильник у сел. Хорчой (Харачой) в Чечне (рис. 1), ставший вторым опорным пунктом для выделения культуры. А. П. Круглов раскопал здесь 50 могил, погребальный ритуал которых и инвентарь напоминают каякентские захоронения. Однако и этот памятник не был должным образом осмыслен исследователем. В дальнейшем Е. И. Крупнову впервые удалось сопоставить материалы Каякентского могильника и памятников Закавказья (Кедабек, Лагодехи, Ходжалы)²⁰. Продолжая изучать Хорчоевский могильник, А. П. Круглов был близок к выделению особой хорчоевской культуры²¹. Просмотрев материалы А. А. Иессена о распространении топоров ко-

¹⁵ В. И. Долбежев. Археологические раскопки близ станции железной дороги Каякент Дагестанской области. Архив ЛОИА, д. 45, л. 76 и сл.

¹⁶ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 53, 141—156.

¹⁷ Р. М. Мунчаев. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. «Материалы научной сессии по истории народов Дагестана». М., 1954, стр. 15 и сл.

¹⁸ А. П. Круглов, М. И. Артамонов. Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. Архив ЛОИА, д. 41, стр. 35, 1938 г., л. 6.

¹⁹ А. А. Иессен. Работы на Сулаке. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 33, 34, 36.

²⁰ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 5—17.

²¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во

Рис. 1. Долина у сел. Хорчой

банского типа²², он замечает: «Мне представляется возможным предположить, что на территории Северо-Восточного Кавказа к тому же времени (кобанскому.— В. М.) относятся памятники типа Хорчой и Кая-Кента, которые не находят «точек соприкосновения» с кобанскими могильниками»²³. В посмертное издание монографии А. П. Круглова уже редакцией были внесены термины «могильники каякентско-хорчоевского типа» и «каякентско-хорчоевская культура»²⁴. Памятники культуры в этой монографии датируются IX—VIII вв. до н. э.²⁵ Анализ керамики могильников в Хорчое и Каякенте позволил А. П. Круглову проследить «отчетливо намечающиеся различия в керамике II—I тысячелетиях до н. э. КСИМК, XIII, 1946, стр. 133.

²² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 152—153.

²³ А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», № 35, вып. 13, серия ист., 1949, стр. 124, 127.

²⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 92, 93.

²⁵ Там же.

из могильников хорчоевского типа, с одной стороны, и из могильников у Каякента и Берекя, с другой». Однако эти различия, по его мнению, могут быть «с большим основанием объяснены некоторой разновременностью тех и других погребальных комплексов»²⁶. Как видно, А. П. Круглов намечал пути выделения двух локальных групп в каякентско-хорчоевской культуре. Его труд, посвященный эпохе бронзы Северо-Восточного Кавказа, характеризуется историзмом, умением схватить главное, трезвым подходом к материалу²⁷.

Большое значение для изучаемой темы имеют труды Е. И. Крупнова. Он впервые обратил внимание на большое научное значение Каякентского могильника²⁸. Несмотря на однообразие материала, его аморфность, отсутствие датирующих предметов, Е. И. Крупнов по пер-

²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 66.

²⁷ В. И. Марковин. Ценный труд по археологии Северного Кавказа. «Изв. ЧИНИИ», т. III, вып. 1. Грозный, 1963, стр. 166—168.

²⁸ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 7—13.

вому впечатлению склонен был рассматривать каякентский комплекс «как более древний, чем памятники I тысячелетия до н. э.»²⁹, но затем, путем сопоставления каякентских материалов с закавказскими (в первую очередь из Кедабека), датировал его временем «около середины I тысячелетия до нашей эры, не позднее VI—V вв. до нашей эры»³⁰. С появлением новых раскопочных данных Е. И. Крупнов изменил эту датировку, проследив развитие культуры в целом от 1200 до 700-х годов до н. э.³¹ Как видим, беглое замечание, сделанное исследователем еще в 1940 г., к настоящему времени получило определенное развитие. В главном труде, посвященном культуре, — статье «Каякентский могильник — памятник древней Албании», Е. И. Крупнов делает очень интересное и заманчивое в своих исторических перспективах предположение о том, что люди, оставившие Каякентский могильник, являются «самыми северными представителями» того населения Закавказья, которое двигалось под натиском халдов к горам Северного Кавказа, «не желая быть плененным и проданным в рабство или переселенным, как практиковалось халдами»³². Это бежавшее население Е. И. Крупнов, основываясь на данных Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и др., считает осколками «этиунов — удинов»³³, некогда живших в стране Этиуни (по долине р. Арпа-Чай, притоку Аракса в Армении, как думает М. В. Никольский, или по всему южному Закавказью — по Б. Б. Пиотровскому)³⁴. Конечно, при первой датировке Каякентского некрополя VI—V вв. до н. э. такое предположение казалось не только правдоподобным, но и логичным, ибо именно период VII—VI вв. до н. э. в истории Урарту характеризуется жестокой эксплуатацией племен древнего Закавказья³⁵ и именно в это время могло начаться бегство местного населения от тирании, совершавшейся во имя бога Халда. Однако новая датировка Е. И. Крупнова

(1200—700 гг. до н. э.) в определенной степени нивелирует его первое интересное построение о древних каякентцах как об «этиунах — удилах». И снова возникает вопрос: кто же они, эти каякентцы? Если древние жители, хоронившие в Каякентском могильнике, являлись «самыми северными представителями закавказских беженцев», то не отпадает ли тогда вопрос об общности их культуры с культурой населения, хоронившего своих соплеменников в Хорочое? Ведь Хорочой находится северозападнее Каякента еще на 170 км.

Несмотря на указанные противоречия, статья Е. И. Крупнова «Каякентский могильник — памятник древней Албании» имеет большое научное значение — работа построена на интересных сопоставлениях, дагестанские материалы в ней поданы на широком историческом фоне.

Послевоенные годы для изучения археологических памятников Дагестана были особенно плодотворны. В 1947 г. Е. И. Крупнов предпринял раскопки Таркинского могильника (сел. Тарки близ г. Махачкала)³⁶. Тогда среди погребений сарматского времени были исследованы пять могил, относящихся к каякентско-хорочоевской культуре. В статье, посвященной раскопкам, Е. И. Крупнов придерживается в основном взглядов, высказанных им в 1940 г.³⁷

В 1948—1949 гг. Таркинский могильник исследовался К. Ф. Смирновым³⁸. Он предпринял тогда же и разведки по склонам горы Тарки-тау. Всего в те годы было открыто 14 погребений интересующей нас культуры. К. Ф. Смирнов, учитывая находки ранних предметов (листовидных ножей) в таркинских ящиках, склонен датировать памятники культуры «от начала I тысячелетия до н. э. до раппескифского времени, т. е. VII—VI вв. до н. э.»³⁹, а вскрытые таркинские комплексы рассматри-

вать в виде промежуточных, ибо они имеют в инвентаре «общие черты как с каякентской, так и с хорочоевской» локальными группами⁴⁰. К. Ф. Смирновым были тщательно изучены находки, особенно керамика могильников (создана типология и т. д.).

В дальнейшем Дагестанская археологическая экспедиция, руководимая им, открыла еще несколько могильников каякентско-хорочоевской культуры, а также исследовала гробницы культуры, впущенные в курганы у ст. Манас⁴¹.

Материалы дореволюционных раскопок и работы советских археологов, относящиеся к периоду до 1953 г., легли в основу диссертации Р. М. Мунчаева «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана». В ней Р. М. Мунчаев, проанализировав материалы эпохи бронзы, находит возможным говорить о каякентско-хорочоевской культуре как «генетически связанной с предшествующим этапом развития местной культуры», правда с оговоркой, что в материалах этого предшествующего этапа еще нет «характерных форм сосудов и орнамента каякентско-хорочоевской культуры»⁴². Как видно, Р. М. Мунчаев не разделяет мнения Е. И. Крупнова о пришлое характере этой культуры. А. А. Иессен также считал, что каякентско-хорочоевская культура должна быть рассмотрена как «генетически восходящая к местной культуре предшествующего времени»⁴³.

В 1954 г. Р. М. Мунчаев проводит разведочные работы в районе сел. Чох (Центральный Дагестан), где раскрывает три склепа. Для одного из них установлен обряд вторичного погребения. Материалы Чоха Р. М. Мунчаев датирует рубежом II—I тысячелетия до н. э. Могильник у сел. Чох, как отмечает исследователь, позволяет расширить ареал культуры «в глубь центральной части нагорного Дагестана». Кольцевидную форму чохских склепов Р. М. Мунчаев склонен рассматривать как черту, характерную для «особой группы памятников каякентско-хорочоевской культуры, связанной с определенной этнической общностью»⁴⁴. Однако дальнейшее изучение чохских материалов показало,

что не всегда легко отделить памятник изучаемой культуры от памятников предшествующей эпохи и что ее ранний этап развития действительно уходит в древность. В настоящее время чохский материал нашел свое хронологическое место в том же ряду, что и могильник Гинчи⁴⁵.

Полевые исследования В. И. Канивца, В. Г. Котовича, И. П. Костюченко, М. И. Пиккуль⁴⁶ позволили не только собрать новый материал по данной культуре, но и сделать кое-какие обобщения. Остановимся на более интересных и важных для темы мнениях.

В. И. Канивец, рассматривая памятники узколокального района — бассейна р. Сулак, делит их хронологически на три этапа: «сигитминский» — рубеж III—II тысячелетий до н. э. и начало II тысячелетия до н. э., «миатлинский» — начало и вторая половина II тысячелетия до н. э. и «каякентско-хорочоевский» — последняя треть II тысячелетия до н. э. и рубеж II—I тысячелетия до н. э.⁴⁷ Последний этап, по его мнению, характеризуется «единообразием и цельностью культуры»⁴⁸.

Таким образом, В. И. Канивец сохраняет для выделенного им третьего, позднего этапа старое, традиционное название, взятое от культуры, и рассматривает его как закономерную ступень в развитии местных племен. В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов в работе, посвященной итогам археологического изучения Дагестана, выступают с критикой положений, выдвинутых В. И. Канивцом. Их точка зрения сводится к следующему. 1) Значительное удревнение и вытекающая отсюда растянутость «каякентско-хорочоевского» этапа неправомерны, ибо культура этого времени слишком однородна. 2) Культура существует «два-три столетия» и может быть отнесена к рубежу II—I тысячелетий до н. э. При этом она не синхронна кобанской и другим культурам I тысячелетия до н. э. 3) Различные вариации внутри памятников культуры отражают «многоплеменный состав населения Дагестана того времени», хотя и полностью соответствуют «этнической общности» носителей культуры⁴⁹.

²⁹ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 9.

³⁰ Там же, стр. 16.

³¹ Е. Крупнов. A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord. VI Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Moscou, 1962, стр. 11—13, рис. 3; Он же. Раннежелезный век Северного Кавказа. (Опыт датировки памятников материальной культуры). «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIV, Махачкала, 1965, стр. 339—341.

³² Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 17, 18.

³³ Там же.

³⁴ М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. МАК V, М., 1896, стр. 86; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1952, стр. 32, 70.

³⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 105.

³⁶ Могильник известен с 1902 г., в 1941 г. на него обратил внимание краевед М. И. Исаков. См. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1951, № 23, стр. 209, 212—215, 221, рис. 5; М. И. Исаков. Археологическая раскопка Таркинского могильника. «Труды I научной сессии Дагестанской научно-иссл. базы АН СССР». Махачкала, 1947, стр. 278—280.

³⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник..., стр. 221, 222, 225.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 1951, № 23, стр. 230—257; о работах этого времени см. также: А. М. Твердохлебов. Об археологических работах в Дагестане в 1947—1948 гг. «Труды II научной сессии Дагестанской научно-иссл. базы АН СССР». Махачкала, 1949, стр. 95—102, а также его многочисленные статьи в газете «Дагестанская правда» за 1948—1952 гг.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 254.

⁴⁰ Там же, стр. 257.

⁴¹ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 170, 179, 184—186, рис. 16.

⁴² Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 13.

⁴³ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. «Тезисы докладов на конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г.» М., 1956, стр. 15.

⁴⁴ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 41—47, рис. 11.

⁴⁵ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана..., стр. 342.

⁴⁶ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 86 и сл.; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. Там же, стр. 136 и сл.; М. И. Пиккуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. Там же, стр. 157 и сл.

⁴⁷ В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД I, стр. 50, 51.

⁴⁸ Там же, стр. 51.

⁴⁹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана..., стр. 344, 345.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. М. Котович в монографии, посвященной Верхнегунибскому поселению, развивая мнение В. Г. Котовича о хронологии памятников Дагестана, оперирует тремя этапами, которые отражают последовательное развитие дагестанской археологической культуры. Эти этапы таковы: «карабудахкентско-гонобский» — конец III — начало II тысячелетия до н. э. — первые века II тысячелетия до н. э. (без уточнения); «манасско-гпнчинский» — 1700—1400 гг. до н. э. и «каякентско-хорочоевский»⁵⁰. Этот последний этап (речь идет не о культуре, а об этапе) В. М. Котович датирует 1400—1100 гг. до н. э., исходя из того, что он «сохраняет непосредственную преемственную связь с культурой предшествующего этапа». Последняя дата (1100 г. до н. э.) «определяется началом бытования в Дагестане памятников переходного этапа от бронзы к раннему железу»⁵¹.

Таковы основные взгляды ряда ученых, высказанные ими в разные годы. Как видно из этого беглого обзора, каякентско-хорочоевская культура остается и по сей день научно слабоосмысленной, хотя без тщательного изучения вопросов, связанных с этой культурой, трудно изучить и последующее время — эпоху железа.

До сих пор неясна датировка культуры. Существуют следующие мнения по этому вопросу:

А. П. Круглов (1938 г.) — начало I тысячелетия до н. э.

А. П. Круглов (1940 г.) — IX — VIII вв. до н. э.

Е. И. Крупнов (1940 г.) — начало I тысячелетия до н. э. — VI — V вв. до н. э.

Е. И. Крупнов (1962—1964 гг.) — XII — около VII в. до н. э.

А. А. Нессен — с XII — XI до VIII в. до н. э.

К. Ф. Смирнов — от начала I тысячелетия до н. э. до VII — VI вв. до н. э.

Р. М. Мунчаев — рубеж II — I тысячелетий до н. э.

В. И. Канивец — последняя треть II — рубеж II — I тысячелетий до н. э.

В. Г. Котович — рубеж II — I тысячелетий до н. э.

В. М. Котович — XIV — XI вв. до н. э.

Следовательно, единства во взглядах ученых почти нет. Е. И. Крупнов доводит данную культуру до 700 г. до н. э., считая ее в какой-то мере синхронной кобанской, а В. И. Канивец и

В. М. Котович склонны целиком относить ее к эпохе бронзы.

Нет единства и в вопросе о ее происхождении, хотя сейчас почти все исследователи считают ее местной. Но тогда чем объяснить сходство материалов Каякента с материалами из могильников в Кедабеке (Азербайджан), с отдельными керамическими находками из Лагодехи (Грузия), Шудуха, Пендбада и Баду в Азербайджане⁵²? Чем объяснить стилистическое сходство некоторых наскальных рисунков на Апшероне (сел. Шуваланы-Мардакяны) с дагестанскими и сходство керамики Апшерона из древних культовых сооружений⁵³ с керамикой каякентско-хорочоевской культуры? В новейших трудах археологов эти факты просто не рассматриваются. В работах, посвященных древнейшим страницам истории Дагестана, также не нашли место эти интересные совпадения, на которые еще в 1940 г. указывал Е. И. Крупнов. В «Очерках истории Дагестана» каякентско-хорочоевская культура рассматривается как характерная «только для Дагестана», носители которой вели обмен с «соседними областями Кавказа — Грузией, Азербайджаном и другими»⁵⁴. В «Истории Дагестана», написанной Р. М. Магомедовым, повторяется мнение, высказанное М. И. Пикуль в «Очерках истории Дагестана»⁵⁵. Близкая точка зрения высказана и в последней сводной работе «История Дагестана»⁵⁶. Как видно, каякентско-хорочоевская культура, несмотря на свою слабую изученность, приобрела в научных трудах черты, ставшие традиционными.

Мы не остановились в своем кратком обзоре на некоторых новейших исследованиях памятников Чечни (работы М. И. Пикуль, Е. И. Крупнова, В. И. Козенковой, Р. М. Мунчаева, В. И. Марковина) и беглых высказываниях, связанных с их интерпретацией. Это будет сделано в дальнейшем изложении попутно. Наша задача в этом обзоре сводилась к одной цели — показать важность специального исследования, посвященного каякентско-хорочоевской культуре.

⁵² Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник..., стр. 17, 20, табл. II, 3, 4; А. П. Круглов. Предскифские памятники..., стр. 124—126, рис. 6 (карта).

⁵³ Г. М. Асланов. Новый комплекс археологических памятников Апшерона. «Материалы сессии, посвященной итогам археол. и этногр. исследований 1964 г. в СССР» (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 85.

⁵⁴ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, § 3, стр. 16, 17 (раздел написан М. И. Пикуль).

⁵⁵ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 11—13.

⁵⁶ «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 54 и сл.

В 1939—1940 гг., когда А. П. Круглов работал над своей монографией, было известно всего 11 погребальных памятников культуры (Хорочой, Каякент, Берекей, Маджалис, Гаваз-Кутан, Буйнакск, Дарго, Белгатой, Урма, Гагатль, Ведено) и остатки двух поселений (у селений Белгатой и Анди)¹. Позже, в 1948—1950 гг., К. Ф. Смирнов в работе, посвященной памятникам сел. Тарки, упоминал уже 18 могильников, обнаруженных в Чечне и Дагестане². Прошло не столь много времени после выхода в свет работ А. П. Круглова и К. Ф. Смирнова, однако, количество археологического материала сильно возросло. Считаем необходимым хотя бы очень сжато остановиться на всех тех памятниках и некоторых отдельных находках, которые положены в основу нашего исследования (рис. 2)³.

ПАМЯТНИКИ ЧЕЧНИ

1. Самым северо-западным пунктом находки интересующего нас материала является сел. Шали в Чечне. Здесь в 1913 г. была обнаружена крупная височная подвеска, свернутая из расплюсченной бронзовой пластины⁴. Подобные подвески известны из Хорочоевского могильника⁵.

2. В районе сел. Сержень-Юрт на поселении кобанской культуры в основании верхнего слоя

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68. Работа вышла с добавлениями К. Х. Кушнаревой и под ред. А. А. Нессена.

² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 1951, № 23, стр. 254—257.

³ Иллюстрации к работе выполнены автором.

⁴ Гос. Эрмитаж, инв. № 451, сборы Ш. Борщикова. См. В. И. Марковин. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни. «Археолого-этнографический сборник. Изв. ЧИНИИ», т. VII, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 124—125, рис. 3, 1.

⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 106, рис. 28, 3 и др.

были найдены обломки керамики «каякентско-хорочоевского типа» с поверхностью, обмазанной жидкой глиной, и фрагмент бронзовой подвески⁶.

3. В сел. Курчалой в 1961 и 1964 гг. производились раскопки мощного зольника (величина слоя до 2,7—3,4 м). Находки в верхних слоях зольника состоят в основном из керамики, покрытой грубой обмазкой и залощенной, костяных проколов, отдельных обломков бронзовых изделий, пряслиц, костей животных. Материал этого зольника очень важен для характеристики быта носителей изучаемой культуры⁷.

4. В районе сел. Дуба-Юрт, на правом берегу р. Аргун, А. П. Круглов нашел обломки баночного сосуда⁸. Эту находку он включил в число памятников изучаемой культуры⁹.

5. В районе сел. Ишхой-Юрт, в долине р. Аксай, обнаружен могильник. В 1961 г. раскопано три ящика с керамикой, покрытой обмазкой (рис. 3, 2). В ящиках 1, 2 обнаружены скорченные костяки (лежат на правом и на левом боку), обращенные головой на юг. В

⁶ А. А. Перусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 40; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 79; В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1963, стр. 71.

⁷ Зольник находился на склоне с падением слоев до 45°, что способствовало сдвигам, смывам, образованию подушек. Четкой стратиграфии трудно ожидать от таких наслоений, но все же можно заметить три мощные прослойки. Материал нижних напластований более архаичен. См. В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 64—67; Он же. Материалы по археологии..., стр. 122, 123.

⁸ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. «Зап. ЧИНИИ», Грозный, 1938, стр. 5.

⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 96, 97.

⁵⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник..., стр. 242—249.

⁵¹ Там же, стр. 249, 250.

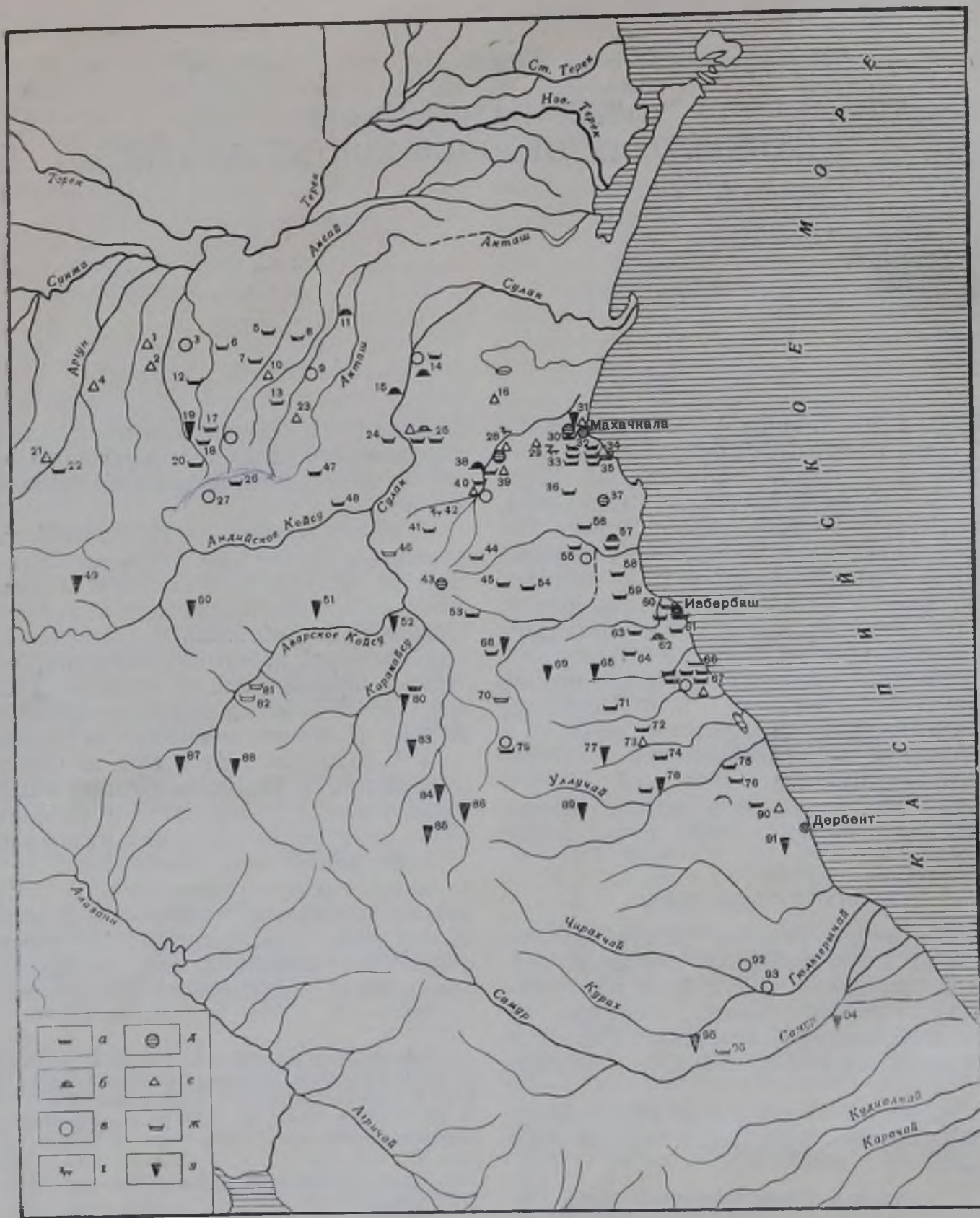

Рис. 2. Распространение памятников каякентско-хорочевской культуры

1 — Шали; 2 — Сержень-Юрт; 3 — Курчалой; 4 — Дуба-Юрт; 5 — Ишхой-Юрт; 6 — Бачи-Юрт; 7 — Согунты; 8 — Шушия; 9 — Новолакское (Банай); 10 — Балан-Су; 11 — Хасав-Юрт; 12 — Гуни; 13 — Зандак (Дагбаш); 14 — Верхний Чир-Юрт; 15 — Миатлы; 16 — Алмало; 17 — Белгатой; 18 — Дарго; 19 — Ведено; 20 — Хорочой; 21 — Советское (Шатой); 22 — Асланбек-Шерипово (Гатын-Кале); 23 — Байтарки; 24 — Старый Чиркей; 25 — Новый Чиркей; 26 — Гагатль; 27 — Анди; 28 — Капчугай; 29 — Ленин-кент (Атлы-Боюн); 30 — Алибур-кент; 31 — урочище Тарнаир; 32 — Тарки; 33 — Агач-аул; 34 — Махачкала; 35 — ст. Тарки; 36 — Талги; 37 — Уйташ; 38 — Халимбек-аул; 39 — Кафыр-Кумух; 40 — Буйнакск (Темир-Хан-Шура); 41 — Манас-аул; 42 — Верхнее Казанище; 43 — Арнас; 44 — Нижний Джугутай; 45 — Дургеги; 46 — Ирганай; 47 — Артлук; 48 — Чирката; 49 — Шарой; 50 — Хуштада; 51 — Хунзах; 52 — Кикунь; 53 — Урма; 54 — Камашура; 55 — Карабудахкент; 56 — Сутай-Кутай; 57 — ст. Манас; 58 — Ачи-Су; 59 — Уллубий-аул; 60 — Изберг (Избергбаш); 61 — ст. Изберг; 62 — Каранай-аул; 63 — Уч-Авлах; 64 — Ленин-кент; 65 — Мюреги; 66 — Инчхе; 67 — Каякент; 68 — Леваши; 69 — Мюреги; 70 — Муги; 71 — Кичи-Гамри; 72 — Мамай-Кутан; 73 — Башликент; 74 — Ак-Яр; 75 — Берекей; 76 — Геджух; 77 — Верхний Гулли; 78 — Маджалио; 79 — Уонша; 80 — Чох; 81 — Гоно; 82 — Гинчи; 83 — Турчи; 84 — Кумух (Казы-Кумух); 85 — Гуши; 86 — Кули; 87 — Кидеро; 88 — Никаро; 89 — Кубачи; 90 — Дагестанские Огни (Даг. Огни); 91 — Бабил-Хади; 92 — Нютюг; 93 — Ашага-Стал; 94 — Кабир; 95 — Капир; 96 — Мугерган

Условные обозначения: а — могильники; б — курганы; в — поселения; г — наскальные изображения; д — остатки культурных слоев; е — отдельные находки; ж — могильники эпохи развитой бронзы; з — отдельные инокультурные находки

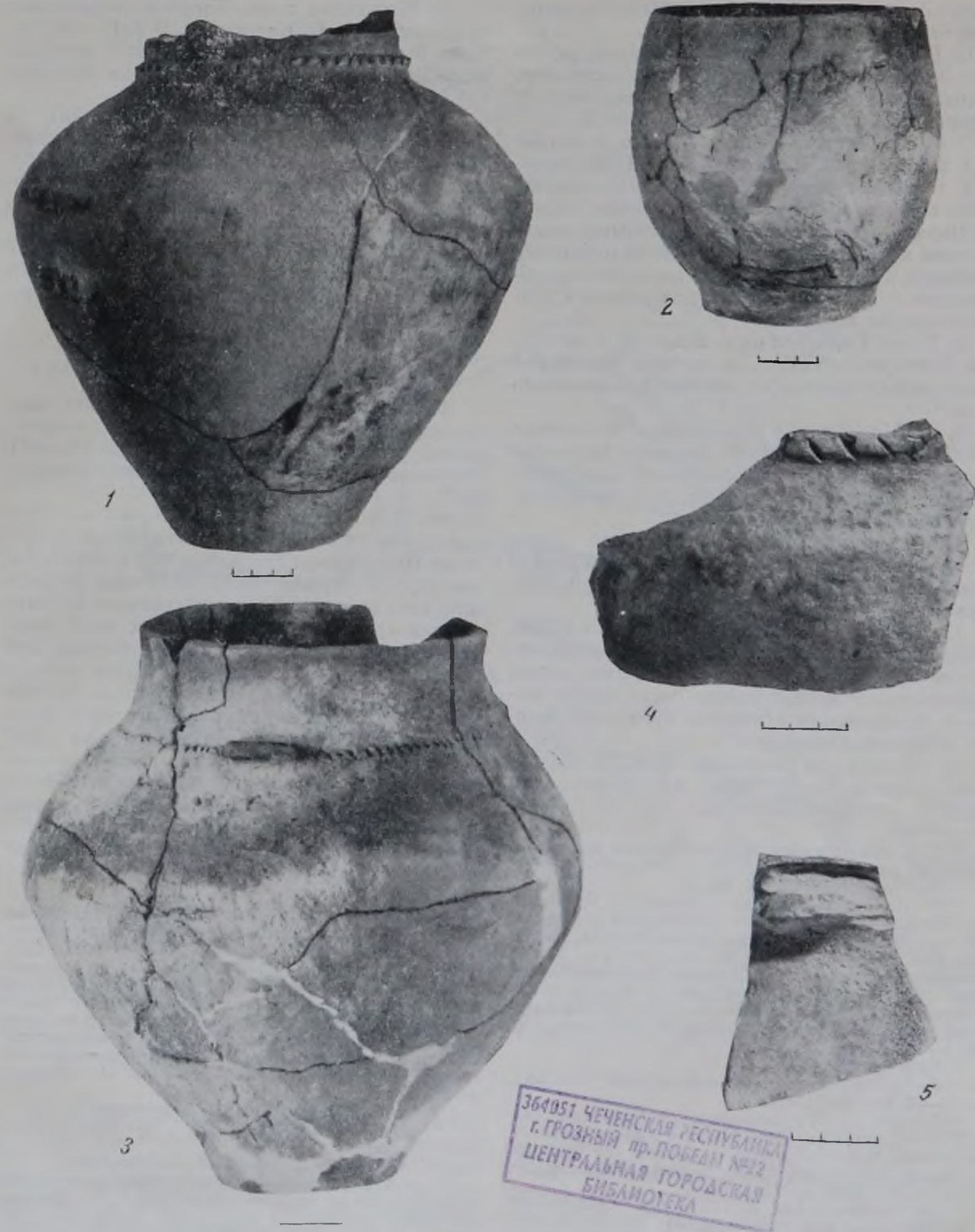

Рис. 3. Керамика различных памятников Чечни

1 — сел. Согунты; 2 — ящик 1, могильник у сел. Ишхой-Юрт; 3 — ящик 1, могильник у сел. Хорочой (раскопки В. И. Марковина); 4, 5 — поселение у сел. Хиндой

ящике 3 скорченный костяк с южной ориентацией был положен спиной вверх¹⁰.

6. В сел. Согунты, в долине р. Аксай, разрушен могильник со скорченными костяками. Сохранился сосуд с гладкой поверхностью, украшенный налепным валиком (рис. 3, 1)¹¹.

7. В сел. Зандак — бывш. Дагбаш, в бассейне р. Ярык-Су, М. И. Пикуль и В. И. Марковин в разные годы исследовался могильник. Всего вскрыто 66 погребений в ящиках и грунте. Наряду с предметами, аналогичными закавказским и кобанским, здесь найдены отдельные предметы и керамика, близкие каякентско-хорочоевским¹². Памятник важен для решения хронологических вопросов.

8. В сел. Байтарки на р. Ярык-Су, в местности Жагларги, в 1965 г. на высокой платформе обнаружена керамика каякентско-хорочоевского типа¹³.

9, 10. Могильник у сел. Белгатой исследовал в 1939 г. А. В. Мачинский. Вскрыто шесть каменных ящиков. Очень своеобразна форма найденных здесь сосудов¹⁴. Неподалеку от могильника обнаружено поселение.

11. Один ящик могильника у сел. Дарго также исследовал А. В. Мачинский. В ящике были найдены два костяка, богатый инвентарь¹⁵.

12. В сел. Бачи-Юрт Р. М. Мунчаев в 1958 г. обнаружил могильник. Расчищена разрушенная могила, от которой сохранилась лишь плита перекрытая. В могиле найден сосуд грубой выделки с налепными валиками, бронзовый браслет и костяная проколка¹⁶.

13. В сел. Гуни Н. В. Орел в 1912 г. обнаружил могильник. Из него происходит один сосуд¹⁷.

¹⁰ В. И. Марковин. Археологические разведки..., стр. 64, 67, рис. 22, II—IV.

¹¹ Там же, стр. 65, 67, рис. 32, 13.

¹² М. И. Пикуль вскрыла 4 могилы, В. И. Марковин — 62. См. М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX. Махачкала, 1961, стр. 298—318; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 84—87, рис. 24; 25; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 46, 47, рис. 18.

¹³ Разведки автора.

¹⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 97—99, рис. 20; 21, 1, 2.

¹⁵ Там же, стр. 100. Поселение, о котором упоминает А. П. Круглов, нами в сел. Дарго не обнаружено.

¹⁶ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 60; Архив ИА АН СССР, д. 1718, 1958 г.

¹⁷ Гос. Эрмитаж, инв. № 177. Сосуд опубликован А. П. Кругловым как происходящий из сел. Ведено. См. А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 145, рис. 70, 5.

14. Могильник в сел. Хорохой обстоятельно опубликован А. П. Кругловым. В 1937—1938 гг. здесь было вскрыто 50 погребений¹⁸. Этот могильник является одним из основных памятников для изучения культуры.

15. На границе Чечни и Дагестана по р. Яман-Су в 1958, 1961, 1962 гг. у дагестанского сел. Шушия было расчищено 18 погребений. Некоторые из обнаруженных могил могильника Яман-Су представляют интерес для изучения культуры¹⁹.

16. В 1963 г. за сел. Хиндой в высокогорной Чечне, близ Дагестана, обнаружено поселение, керамика которого (рис. 3, 4, 5) очень близка хорочоевской²⁰.

ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

17. В 1952 г. М. И. Пикуль и А. Каяев обнаружили остатки поселения каякентско-хорочоевской культуры у сел. Новолакское (Банай). Изучение его дало много интересного материала²¹.

18. В 1902 г. В. И. Долбежев раскопал курган (диаметр около 2 м, высота 1,90 м) в урочище Науруз-Барц (по р. Яман-Су), близ г. Хасав-Юрт. В кургане обнаружено семь погребений, пять из них являлись впускными. Костяки лежали среди осколков каменных плит, скорченно, на левом боку, головой к востоку. При них найдена керамика, угли. Возле шестого костяка находилась кремневая стрела. В седьмой могиле, судя по положению костей, умерший погребен сидя (головой обращен на юг)²².

19. Нижнее Сигитминское (первое) поселение было обнаружено К. А. Бредэ в 1956 г. у сел. Верхний Чир-Юрт, на правом берегу р. Сулак, возле горы Сигитма. Материалы поселения могут быть отнесены к каякентско-хорочоевской культуре²³.

¹⁸ Там же, стр. 100—139. В 1957 г. В. И. Марковин и Н. Г. Полихрониди было вскрыто еще три погребения. См. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1633, 1957 г.

¹⁹ Р. И. Мунчаев. Новые данные по археологии..., стр. 60, 61, рис. 18, 13; В. И. Марковин. Археологические разведки..., стр. 67, 68; Он же. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни, стр. 88; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1967.

²⁰ Разведки автора и М. П. Севостьянова.

²¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 639, 1952 г. (отчет М. И. Пикуль).

²² ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 99—100.

²³ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 25—27; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1590 и 1616, 1956 и 1957 гг. (отчеты К. А. Бредэ).

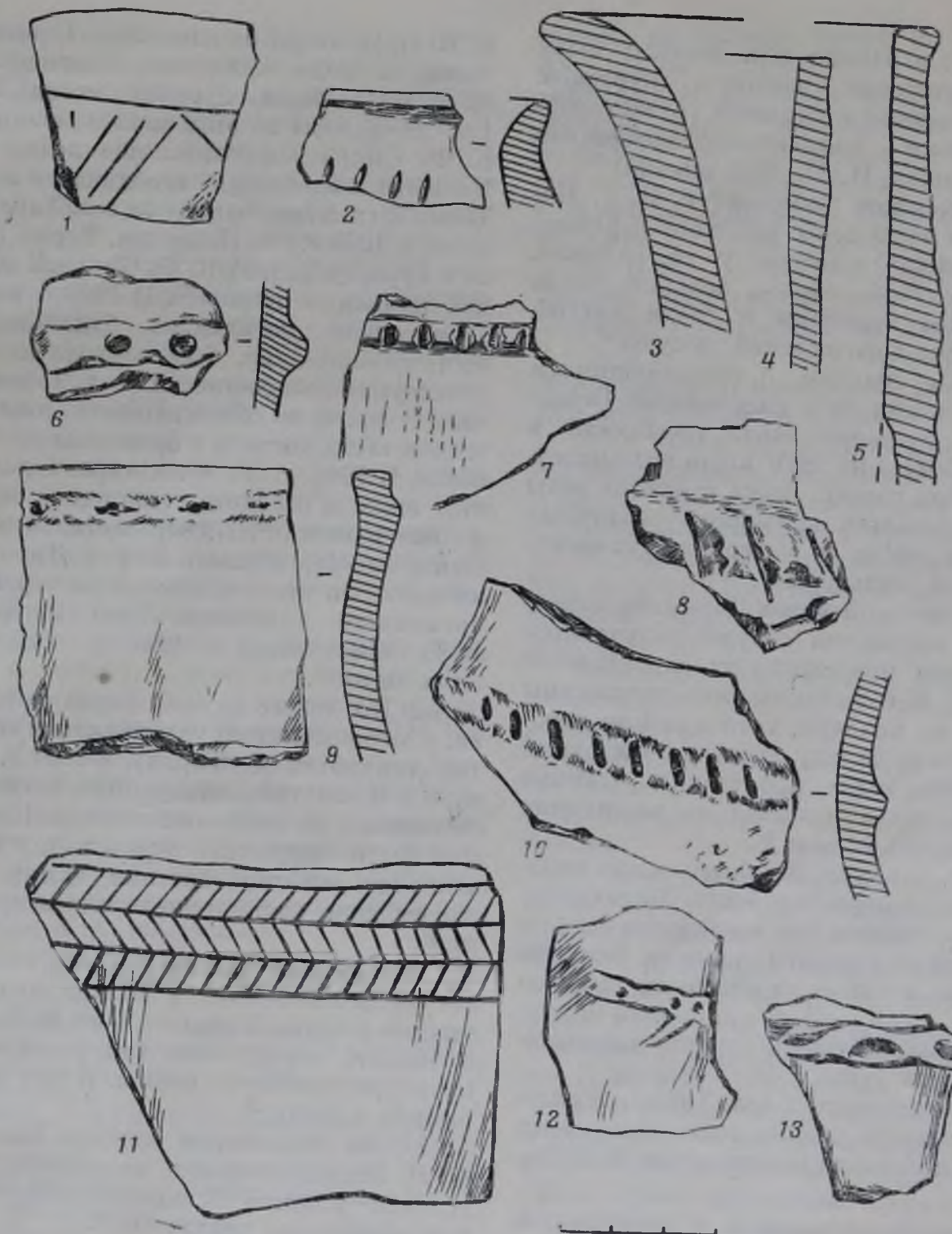

Рис. 4. Керамика различных памятников Дагестана

1, 2 — Гарнаир (район г. Махачкала); 3—6 — могильник на склоне горы Тарки-тау, близ сел. Алибурикент; 7, 8 — культурные слои у скал с изображениями близ сел. Ленин-кент (Атлы-Боюн); 9—12 — культурный

слой у скальной гряды с изображениями. Район сел. Капчугай (9, 10 — сборы В. И. Марковина; 11, 12 — раскопки М. И. Пикуль); 13 — могильник в местности Орта-ёл, близ сел. Карабудахкент

20. В 1956 г. на правом берегу р. Сулак, в районе сел. Верхний Чир-Юрт, напротив хутора Зурамагент, В. И. Канивец и Г. М. Буров произвели раскопки курганов. Некоторые из них содержали погребения в каменных ящиках, относящиеся к изучаемой культуре²⁴.

²⁴ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1626, 1956 (отчет В. И. Канивца и Г. И. Бурова).

21. В 1954 г. в районе хутора Кабарты-Кутан у сел. Верхний Чир-Юрт М. И. Пикуль обнаружен могильник, состоящий из каменных ящиков. Исследовано 12 могил. Материал, по словам исследователя, интересен для изучения формирования культуры²⁵.

²⁵ М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 157—164; Архив ИА АН

22. В 1955 г. в районе сел. Миатлы были предприняты широкие раскопки курганов. Некоторые из местных курганных групп содержали погребения каякентско-хорочоевской культуры (раскопки И. П. Костюченко)²⁶.

23. В 1963 г. мною совместно с Н. Г. Полихрониди были проведены разведки в районе бурунных (сыпучих) песков у ст. Алмало. Здесь среди выдувов собрано большое число обломков древней керамики и среди них обрзцы каякентско-хорочоевской посуды²⁷.

24. Огромные выдувы с обнажившимися культурными слоями (так называемый Тарнапр) вплотную с северо-запада подходили к г. Махачкала. Сейчас на этом месте возвышается Новый поселок города. Здесь в разные годы была собрана большая коллекция различных находок, в том числе и материалы каякентско-хорочоевской культуры²⁸.

25. В краеведческом музее Дагестана имеется небольшая коллекция сосудов изучаемого времени. Все они происходят из окрестностей г. Махачкала²⁹. К сожалению, нам неизвестны обстоятельства их находки, хотя в районе города (в 3 км к северо-западу от него, в местности Чампар) в 1880-х годах производил раскопки К. А. Байер, о чем и доложил на заседаниях V археологического съезда³⁰.

26. В 1951 г. близ сел. Алибурикент на склоне г. Тарки-тау (в окрестностях г. Махачкала) М. И. Пикуль и автором был исследован могильник, состоявший из каменных ящиков. Вскрыто 4 ящика. Только в одном из них были найдены керамика (рис. 4, 3—6) и удлиненно-цилиндрические пастовые бусы³¹, хорошо известные в памятниках культуры.

27—31. В окрестностях сел. Тарки на склонах горы Тарки-тау в разные годы обнаружено и исследовано несколько могильников. В 1947 г.

Е. И. Крупновым на известном Таркинском могильнике среди сарматских захоронений расчищено пять более древних могил. В 1948—1949 гг. работы на этом могильнике продолжал К. Ф. Смирнов и вскрыл еще девять могил³². Им же исследовалась гробница на могильнике Тарки 2 (к северо-западу от сел. Тарки. Открыт мною в 1948 г.)³³. Ниже сел. Тарки (близ шоссе к курорту Талги) К. Ф. Смирнов вскрыл еще два каменных ящика³⁴. В 1948 г. мною выше Таркинского могильника, близ заброшенной ныне каменоломни, был обнаружен еще один (четвертый в окрестностях сел. Тарки) могильник. В одном из обнажившихся ящиков оказались остатки костяка и бронзовая височная подвеска. В 1949 г. К. Ф. Смирнов доисследовал этот ящик и расчистил еще один, выходивший на поверхность³⁵. Пятый могильник расположен у шоссе, идущего из сел. Тарки в г. Махачкала. Он простирается и на территорию современного кладбища. Здесь мною вместе с Л. Г. Серостановой в 1948 г. был расчищен один ящик³⁶.

32. По дороге из сел. Тарки на курорт Талги, у юго-восточного узкого склона горы Тарки-тау (напротив ст. Тарки), в 1951 г. М. И. Пикуль и я осматривали огромное могильное поле, состоявшее из каменных ящиков. Некоторые из них были окружены оградками, у других возвышались менгириобразные камни. Здесь же мы собрали каякентско-хорочоевскую керамику³⁷.

33. В 4 км к юго-востоку от сел. Агач-аул (за горой Тарки-тау), у выхода лоцины в Талгинское ущелье, в обрыве реки М. И. Исаковым в 1955 г. обнаружены три характерных для культуры каменных ящика. В них найдены керамика и кости³⁸.

34. На территории курорта Талги в 1950 г. М. И. Исаков открыл и исследовал могильник. Им было вскрыто 12 ящиков, содержащих большое количество предметов³⁹.

³² Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1951, № 23, стр. 212 и др.; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 232 и др.

³³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 240—242.

³⁴ Там же, стр. 242—243.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 242, 255.

³⁷ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 639, 1951 г. (отчет М. И. Пикуль). Могильник обнаружен В. И. Марковым и Л. В. Бутыко.

³⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 34, № 441. Пользуюсь также устными пояснениями автора.

³⁹ М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 126—132.

35. В зоне распространения наскальных изображений у сел. Ленин-кент (Махачкалинский р-н) под одной из скальных гряд обнаружена керамика каякентско-хорочоевского типа⁴⁰.

36. В районе сел. Капчугай среди скал с древними рисунками также найдена подобная керамика. Таков культурный слой у скальной гряды 6⁴¹, возле которой пробные раскопки провела М. И. Пикуль⁴²; культурный слой изучаемого времени обнаружен и в урочище Хожа-Тов-Арт⁴³.

37. В 70-х годах XIX в. А. В. Комаров производил разведки в районе укрепления Евгеньевского (сел. Старый Чиркей). Здесь им обнаружен кромлех диаметром в 2 м (в отчете упоминается как «большая могила»), около которого «в разных направлениях» группируются каменные ящики. В них встречены один-два сосуда, бронзовые браслеты⁴⁴. О каменных ящиках, вытянутых с северо-востока на юго-запад, упоминает и Штейн (1880-е годы)⁴⁵.

38. В районе указанного укрепления (правый берег р. Сулак), а возможно и у сел. Новый Чиркей, в конце XIX в. курганы с каменными ящиками копали Д. Н. Анучин и Е. И. Козубский⁴⁶. В историческом музее хранятся происходящие из Нового Чиркея бронзовый листовидный нож, две височные подвески и глиняная чашечка. Эти вещи довольно позднего облика найдены в каких-то II и V курганах⁴⁷. Памятники в районе указанных двух селений упоминаются также А. А. Иессеном⁴⁸.

В 1958 г. Н. Д. Путинцева раскопала один

⁴⁰ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 157. Памятник обнаружен в 1953 г. совместно с И. Г. Полихрониди.

⁴¹ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 334. В разведках в районе сел. Капчугай принимали участие Л. В. Бутыко, И. Г. Полихрониди, В. Ф. Черепанов (1948—1952 гг.).

⁴² Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль за 1953 г.).

⁴³ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 47, № 605.

⁴⁴ А. К. (А. В. Комаров). Древние могилы в Дагестане. «Изв. КОРГО», т. I, вып. 4. Тифлис, 1872, стр. 113, 114.

⁴⁵ Штейн. О пещерах и могилах Дагестана. «Труды предварительных комитетов V АС в Тифлисе», т. I. М., 1882, стр. 427.

⁴⁶ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. «Изв. РГО», т. XX, 1884, стр. 446—447; А. А. Zakharov. Contributions to the Archaeology of Daghestan. II Kazubski's Excavations in Northern Daghestan. ESA, VI, Helsinki, 1931, стр. 159—166; А. А. Иессен. Работы на Сулаке. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 34.

⁴⁷ ГИМ, инв. № 42838.

⁴⁸ А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 37—38.

курган на правом берегу р. Сулак, у оврага Ачи (район Нового Чиркея). В нем обнаружен каменный ящик, окруженный оградкой из мергелевых плит, поставленных на ребро. В ящике находился костяк, лежавший скорченно на правом боку, обращенный головой на юго-восток. При нем найдены сосуд, браслет, бусы, полусферические колпачки (рис. 5)⁴⁹.

39. Н. Д. Путинцевой в районе сел. Новый Чиркей, близ оврага Ачи, обнаружен второй могильник, состоящий из каменных ящиков. В одном из них находился скорченный костяк на правом боку, повернутый головой на юго-запад. Найдены сосуд и клык кабана⁵⁰.

40. В 1959 г. Н. Д. Путинцева произвела разведочные раскопки могильника на левом берегу р. Сулак, в 10 км от сел. Старый Чиркей, у горы Бураган-Шоб (речка Ах-Су). Ею зафиксировано 60 каменных ящиков, ориентированных с юга на север. Некоторые из них окружены каменными оградками. Собран интересный инвентарь (рис. 6)⁵¹.

Таким образом, данные, собранные дореволюционными археологами, подтвердились в новейшее время.

41. В Государственном музее Грузии хранятся браслеты и бусы, найденные в 1913 г. Г. Н. Бамматовым в сел. Кафыр-Кумух⁵². Эти находки близки предметам, найденным М. И. Исаковым на курорте Талги⁵³. В 1965 г. в сел. Кафыр-Кумух обнаружен могильник, из одного раскрытого ящика извлечены сосуд с небольшой ручкой, бронзовые листовидный нож, два браслета, пластинчатая подвеска, сердоликовые и пастовые бусы, пластинчатая подвеска из золота и деревянная резная доска (сообщение В. М. и В. Г. Котовичей)⁵⁴.

42. В районе сел. Халимбек-аул (местность Хатра-тубе) известны небольшие курганные насыпи. В одной из них обнаружен каменный ящик, ориентированный с юга на север. В нем «сидел» скелет. Найденные обломки керамики с орнаментом в виде выпуклых дуг аналогичны керамике изучаемой культуры⁵⁵.

43. В 1898 г. Ф. А. Афанасьев по дороге из г. Буйнакса (тогда г. Темир-Хан Шура) в сел. Агач-кала, близ р. Атлан-Озень, раскопал

⁴⁹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1842, 1958 г. (отчет Н. Д. Путинцевой).

⁵⁰ См. д. 1842.

⁵¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950, 1959 г. (отчет Н. Д. Путинцевой).

⁵² Гос. Музей Грузии, пив. № 147-13.

⁵³ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 128, рис. 53.

⁵⁴ «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 81.

⁵⁵ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 3, д. 25 (картотека А. П. Круглова).

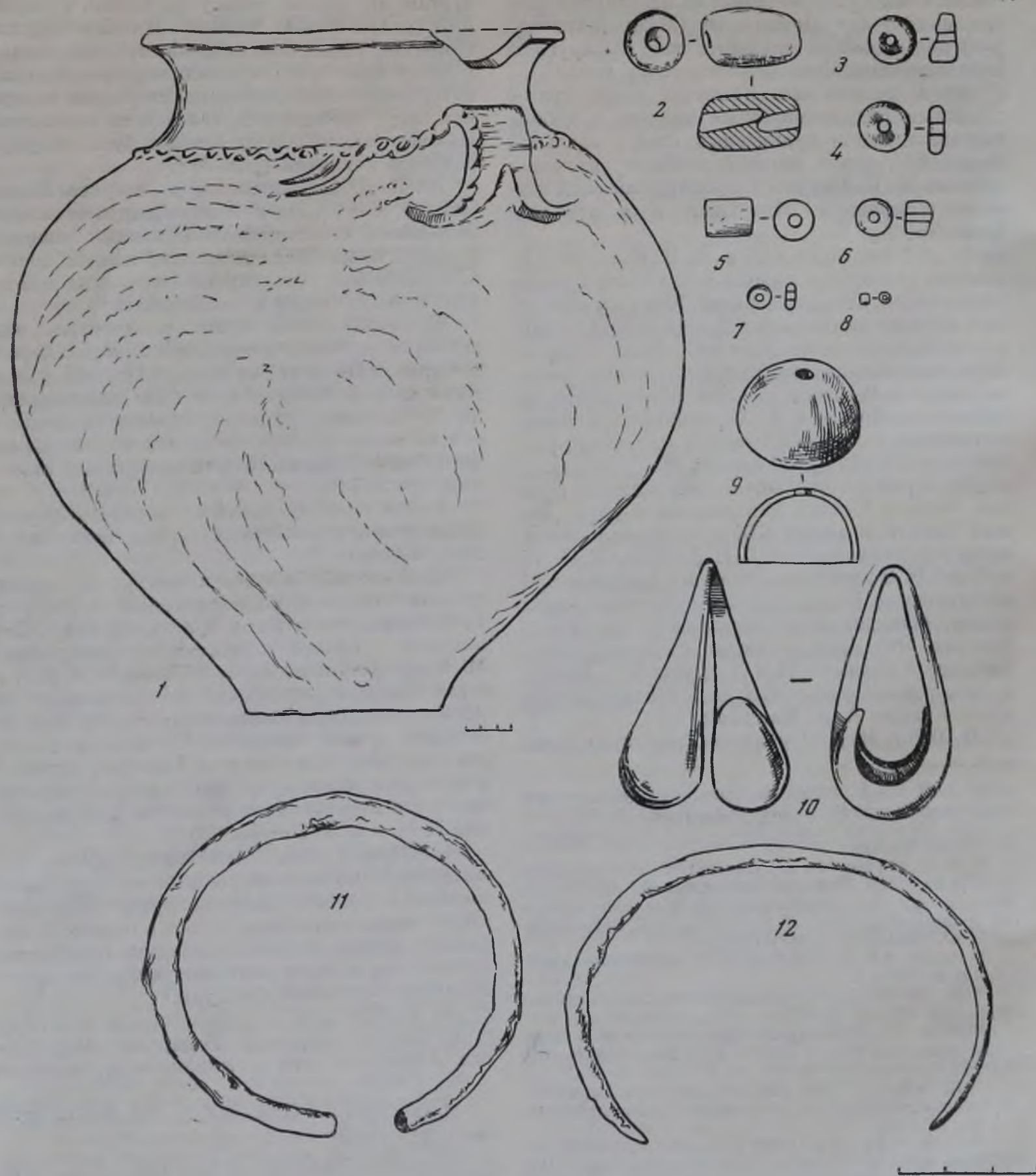

Рис. 5. Находки из подкурганного каменного ящика (район сел. Новый Чиркей, овраг Ачи, работы Н. Д. Путинцевой)

1 — глиняный сосуд; 2, 3 — бусины из сердолика; 4 — бусина из сурьмы; 5-8 — бусины из пасты; 9 — бронзовый колпачок; 10 — бронзовая височная подвеска; 11, 12 — бронзовые браслеты

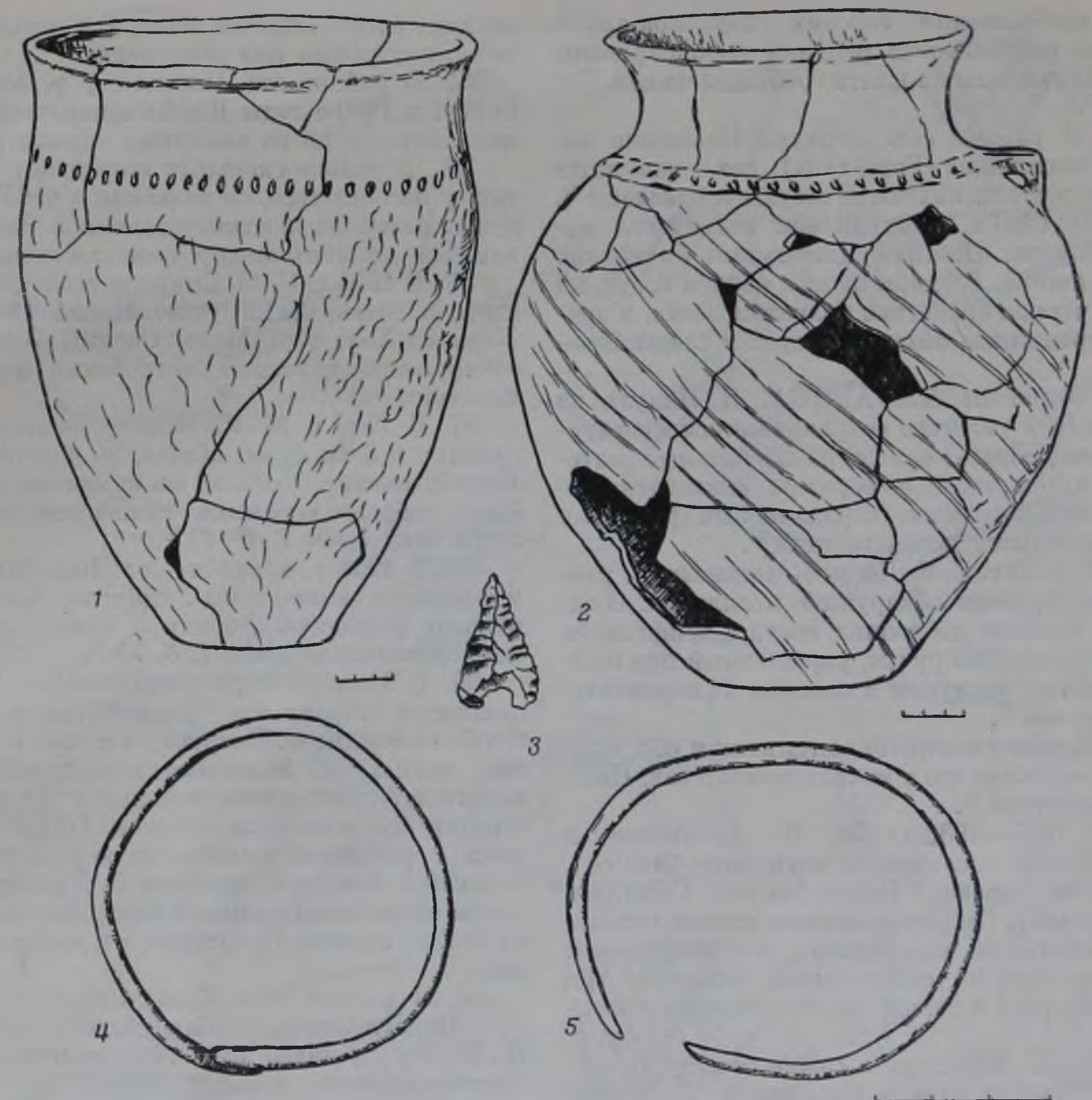

Рис. 6. Находки могильника на горе Бураган-Шоб, близ сел. Старый Чиркей (работы Н. Д. Путинцевой)

1, 2 — глиняные сосуды; 3 — кремневый наконечник стрелы; 4, 5 — бронзовые браслеты (1 — из ящика 1; 2, 4, 5 — из ящика 2; 3 — из ящика 3)

несколько каменных ящиков⁵⁶. Они были ориентированы с юга на север. В них, как и в Хоро-чое, найдены «височные и полусферовидные подвески, просверленные раковины, сурьмяные бусы, сосуды»⁵⁷. О могильниках в окрестностях г. Буйнакса упоминает также А. В. Комаров⁵⁸.

⁵⁶ Ф. А. Афанасьев. Доисторические могилы в окрестностях Темир-Хан-Шуры. «Кавказ», Тифлис, 1899, № 231.

⁵⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140; см. также: Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 3, д. 21 (картотека А. П. Круглова).

⁵⁸ А. К. (А. В. Комаров). Древние могилы в Даге-стане..., стр. 114.

44, 45. В районе г. Буйнакса, на террито-рии бывшего полигона, в 1950 — 1960-х годах случайно вскрыты могилы. Сосуды из них сохранились и сейчас находятся в музее шко-лы № 5 города. В 14 км к югу от г. Буйнакса, в местности Ачакан, Б. И. Гаджиевым обнару-жено древнее поселение, откуда происходит еще один сосуд⁵⁹.

46. В 4 км к северо-востоку от г. Бунакса, по дороге к сел. Манас-аул, мною, Н. Г. Поли-хрониди и В. Д. Семовой в 1956 г. на скалах най-

⁵⁹ Приношу благодарность Б. И. Гаджиеву за воз-можность зарисовать и использовать в данной работе эти сосуды.

дены изображения горских двуколок-арб⁶⁰. Близкие по трактовке рисунки зафиксированы А. П. Кругловым на плите гробницы из сел. Берекей⁶¹.

47. В районе сел. Верхнее Казанище известен могильник (Гяур-тапа), где в каменных ящиках жители находили сосуды и браслеты⁶².

48. В 1880-х годах Штейн исследовал могильник у сел. Нижний Дженгутай. Раскопано четыре ящика. В одном из них найден сосуд, на костях черепа бронзовая налобная лента, в другом сохранились обломки сосуда и следы бронзы⁶³.

49. В районе сел. Аркас М. И. Пиккуль из размытого и частично сохранившегося культурного слоя собраны самые разнообразные материалы, в том числе и образцы каякентско-хорочоевской керамики, сердоликовые рубленные бусы, вкладыши позднего типа⁶⁴.

50. В 1940 г. Б. Е. Деген-Ковалевский в районе сел. Дургели обнаружил могильник. В одном из ящиков он нашел сосуд с «рифленной» поверхностью, без ручек, украшенный под шейкой двойным выступом и пояском из вертикальных нарезок⁶⁵.

51. Штейн упоминает могильник в сел. Арлуг, сопоставляя его с могильником в сел. Нижний Дженгутай⁶⁶.

52. В 1937—1938 гг. М. И. Артамонов и А. П. Круглов исследовали могильник близ сел. Гагатль, на перевале Речол (из сел. Гагатль в сел. Харачой). Сверху каменные ящики ограничены каменными выкладками, направленными с юго-востока на северо-запад. Вскрыто три ящика. Только в одном из них найден инвентарь⁶⁷.

53. А. П. Круглов к северо-западу от сел. Анди, на склоне хребта Седубидль, обнаружил

селище, расположенное «высоко в горах, в условиях, неудобных для земледелия»⁶⁸.

54. В районе сел. Чирката, у р. Андийское Койсу, в 1880-е годы Штейн обнаружил могильник, состоявший из каменных ящиков⁶⁹.

55. В районе скальных поднятий за ст. Уйташ у поселка того же названия в 1965 г. обнаружен разветвленный культурный слой. Здесь была найдена каякентско-хорочоевская керамика⁷⁰.

56. В 1951 г. К. Ф. Смирнов исследовал курганы с катакомбами у ст. Манас (местность Каркома-Хола у р. Манас-Озень). В курганах обнаружены впускные погребения изучаемой культуры⁷¹.

57. В 1949 г. М. И. Исаков обнаружил могильник в 3 км от ст. Манас, у дороги в сел. Карабудахкент. Состоит из каменных ящиков. Здесь собрана керамика каякентско-хорочоевского типа (рис. 7, 1—4)⁷².

58. В 1951 г. в районе сел. Карабудахкент, у северного склона горы Гумбеттау, было обнаружено поселение. Керамика близка каякентско-хорочоевской (рис. 7, 5, 7)⁷³.

59. В 3 км к северо-западу от сел. Карабудахкент в сторону сел. Сутай-Кутан, в местности Орта-йол, К. Ф. Смирновым в 1949 г. обнаружен могильник: каменные выкладки и кучи округлой формы, прямоугольные и треугольные оградки без земляных насыпей. Найдена керамика с рифленной поверхностью и налепными валиками. Местным жителем С. Гусейновым в одном из каменных ящиков были найдены сосуд из глины, бронзовый сосудик, сердоликовые бусины⁷⁴.

60. В районе сел. Сутай-Кутан, в долине р. Параул-Озень, обнаружен могильник. М. И. Исаков видел здесь «круги и небольшие курганообразные насыпи, диаметром 3—4 м, сплошь обложенные камнями». В 1950 г. он

⁶⁰ В. И. Марковин. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 127, 130, рис. 6 (под этим рисунком в публикации неверная подпись).

⁶¹ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 68, рис. 12.

⁶² А. К. (А. В. Комаров). Древние могилы в Дагестане..., стр. 114.

⁶³ Штейн. О пещерах и могилах в Дагестане, стр. 477, 478; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140.

⁶⁴ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1838 (отчет М. И. Пиккуль). Находки сделаны по дороге из сел. Аркас в сел. Аракань.

⁶⁵ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 53, № 670, табл. 6, 4.

⁶⁶ Штейн. О пещерах и могилах..., стр. 476, 477.

⁶⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 139, 140, а также: Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, д. 41 (отчет А. П. Круглова и М. И. Артамонова).

⁶⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 94, 95, рис. 19.

⁶⁹ Штейн. О пещерах и могилах..., стр. 476.

⁷⁰ Разведки автора и Н. Г. Полинхрониди.

⁷¹ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 179—180.

⁷² М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 31, № 400; Он же. Археологические памятники Дагестана. МАД I, стр. 223, № 322 (эта работа представляет часть одноименного упомянутого выше свода. В ней даны более пространственные описания).

⁷³ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 1958, № 68, стр. 173 и сл. В районе сел. Карабудахкент имеется еще два пункта с ящиками. Они не исследовались. См. М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 224, № 335 и 339.

⁷⁴ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 328 и 329, 1949 г. (отчет К. Ф. Смирнова).

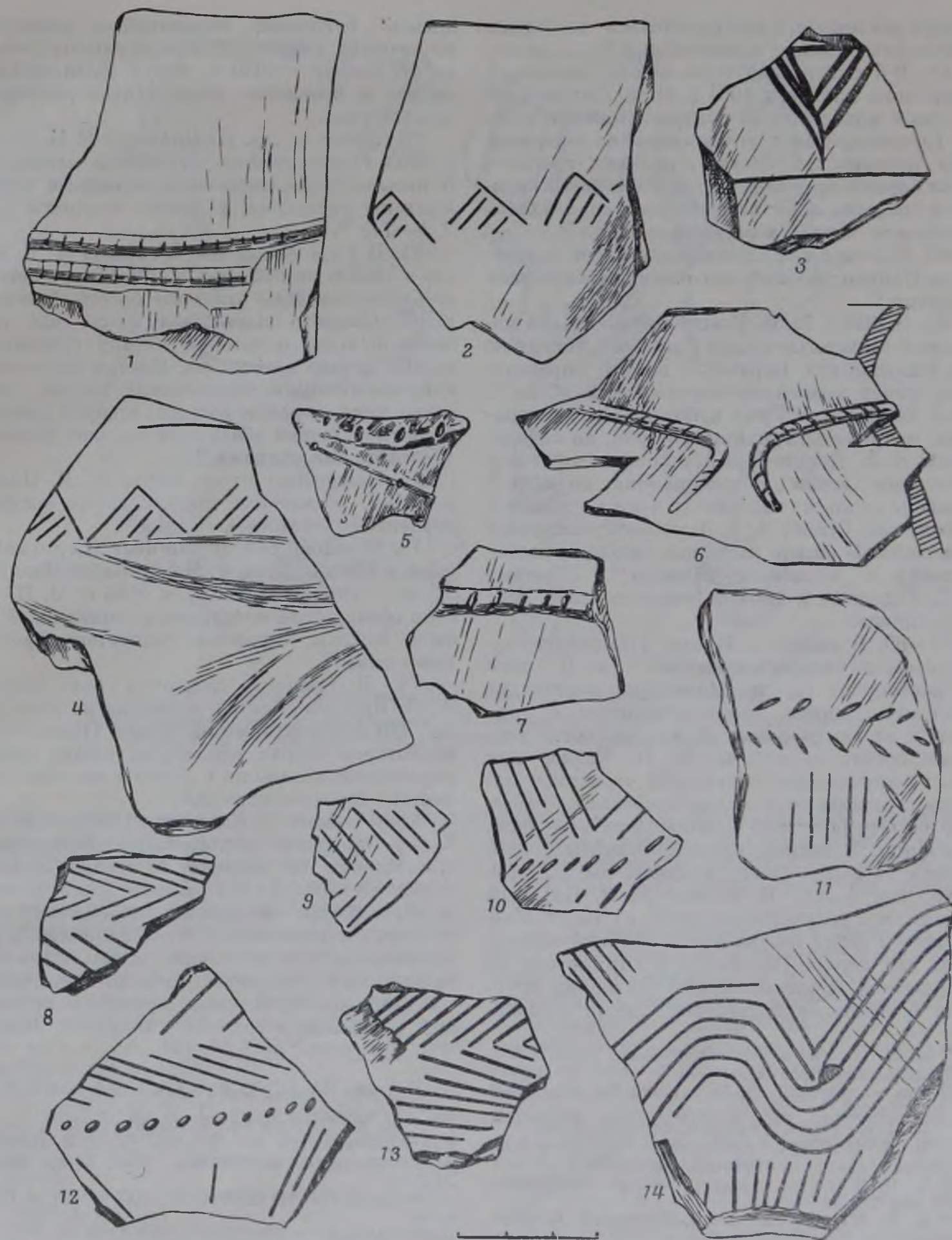

Рис. 7. Керамика различных памятников Дагестана

1—4 — могильник, расположенный близ дороги из сел. Карабудахкент на ст. Манас; 5, 7 — поселение у горы Гумбеттау, близ сел. Карабудахкент; 6 — могильник у ст. Ачи-Су (из каменного ящика); 8, 12—14 — могильник у сел. Уч-Авлах; 9—11 — могильник у сел. Каранай-аул

вскрыл два ящика, в них находились три сосуда, украшенные ямками и шишечками⁷⁵.

61. В 5 км к западу от ст. Ачи-Су, возле оросительного канала, в 1951 г. К. Ф. Смирнов обнаружил могильник. В полуразрушенном ящике (ориентирован с юго-востока на северо-запад) найдены два сосуда и обломки третьего, кости барана, кремневый отщеп и обломок бронзовой пластины. От погребенного сохранились фрагменты черепа и отдельные кости⁷⁶.

62. В 3 км к югу от сел. Кака-Шура, в местности Камыш, известен могильник с каменными ящиками⁷⁷.

63. В 1956 г. М. И. Исаков зафиксировал могильник (каменные ящики) в 3 км к западу от сел. Уллубий-аул. Керамика, по его определению, имеет каякентско-хорочоевский облик⁷⁸.

64, 65. Из сел. Урма известна лепная керамика, покрытая штрихами, которая, по определению Б. Е. Дегена-Ковалевского, относится к начальным векам I тысячелетия до н. э.⁷⁹ В районе этого же селения (в 4 км по дороге в сторону сел. Гуниб) А. Г. Дандбеков обнаружил могильник. В ящике расчищен сидящий скелет и сосуд с наlepным валиком⁸⁰. Работами М. Г. Гаджиева в 1964 г. вскрыто здесь еще пять ящиков.

66—69. В районе г. Изберг (Избергаш) зафиксировано четыре могильника⁸¹: а) В 1 км к юго-востоку от города. Могильник состоит из каменных ящиков, ориентированных с юго-востока на северо-запад. В них находили глиняные сосуды, браслеты. М. И. Исаков при осмотре могильника обнаружил черепки с наlepными валиками и косыми насечками. б) К северу от города в 1940 г. обнаружен еще один могильник. В ящике, ориентированном с юго-востока на северо-запад, найдены сосуды, трубочка, спиральки. В архиве А. П. Круглова сохранились рисунки находок⁸². в) На ул. Маяковского в черте города в 1957 г. были обнаружены два ящика (вытянуты с юго-востока на северо-запад) с человеческими костями, крупными бронзовыми подвесками, двумя сердоли-

ковыми бусинами, керамикой с наlepными валиками и ямками. г) При земляных работах на ст. Изберг в 1940 г. также были найдены сосуды и бронзовые вещи каякентско-хорочоевского типа.

70. К югу от сел. Каранай-аул М. И. Пикуль в 1953 г. обнаружила курганный могильник. В насыпях прослеживаются каменные ящики. Найдены вкладыши и другие предметы (рис. 7, 9—11)⁸³.

71. В 1 км южнее сел. Уч-Авлах М. И. Исаков в 1948 г. открыл могильник. В двух детских гробницах найдены глиняные сосуды, браслеты. К. Ф. Смирнов исследовал здесь еще один большой ящик и детскую могилу (ориентированы с запада на восток). Внутри сооружений найдены обломки человеческих костей, следы окиси меди, черепки сосудов, створки раковин. В детском ящике обнаружен браслет со слегка утолщенными концами⁸⁴.

72. Неподалеку от ст. Инчхе М. И. Пикуль в 1953 г. расчистила ящик с двумя сосудами каякентско-хорочоевского типа⁸⁵.

73. В районе сел. Ленин-кент (Серго-калинский р-н), в местности Махар-Кабла-Илала (в 2,5 км к югу от селения), в 1953 г. М. И. Пикуль обнаружила могильник с ящиками. В них была найдена керамика каякентско-хорочоевского типа⁸⁶.

74. В широкой долине у сел. Каякент А. П. Круглов обратил внимание на холм длиной 140 м с остатками поселения (Каякент II), на котором собрал зернотерки, песты, кремневые стрелы, вкладыши в серпы и керамику каякентско-хорочоевского типа⁸⁷.

75. В районе ст. Каякент в 1898 г. В. И. Долбежев произвел исследование Каякентского могильника. Им вскрыто 34 могилы-ящика⁸⁸.

76. В 1939 г. в районе сел. Каякент А. П. Круглов обнаружил второй могильник (в 4 км к северо-востоку от сел. Каякент), расположенный близ поселения. Здесь было вскрыто два ящика. Они ориентированы с юго-запада на северо-восток. В одном из ящиков погребенный находился в сидячем положении. Найден-

Рис. 8. Вещи из могильника Ак-Яр близ сел. Бапликент (Дагестан)

1, 2 — керамика с территории могильника; 3 — керамика из ящика 2; 4 — кремневая поделка из ящика 1; 5 — стеклянная бусина из ящика 1; 6 — бронзовая обойма из ящика 2

ный в ящиках инвентарь состоял из глиняных сосудов, медных браслетов, бус и пр.⁸⁹

77, 78. В районе сел. Каякент М. И. Исаков упоминает еще три почти не исследованных могильника, в том числе один курганный, и одно поселение изучаемой культуры⁹⁰. Четвертый могильник (в 1,5 км в сторону сел. Каранай-аул) изучала М. И. Пикуль. Среди ее находок известна керамика с обмазкой и покрытая штриховкой⁹¹. Помимо того, в районе сел. Каякент в XIX в. был найден бронзовый пояс с изображениями животных⁹².

79. В районе сел. Гичи-Гамри (Кичи-Гамри) в 1953 г. М. И. Пикуль исследовала могильник, расположенный на левом берегу р. Гамри-Озень. Его расчищен один каменный

ящик, в который «была посажена» покойница с ребенком. «Ноги у нее были согнуты в коленях. На коленях у нее сидел ребенок». В ящике найдены пять сосудов, трубочки, подвески и т. д.⁹³

80. Известны захоронения в каменных ящиках, расположенные у хутора Мамай-Кутан близ сел. Башликент. А. А. Русов в 1880 г. вскрыл здесь один ящик, расположенный между курганами. В могиле обнаружен большой «черный горшок», «нижнее дно» которого было «гораздо уже верхнего отверстия». Детский скелет лежал скорченно, у черепа находились подвески («серьги») и три пастовые (костяные?) бусины⁹⁴. В 1939 г. могильник осматривал А. П. Круглов⁹⁵, а в 1953 г. В. Г. Котович

⁹³ Архив ИА АН СССР, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

⁹⁴ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в южном Дагестане. «Труды предварительных комитетов V АС в Тифлисе», т. I, М., 1882, стр. 605.

⁹⁵ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 67.

⁷⁵ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 224, 225, № 341.

⁷⁶ Там же, стр. 222, № 317; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 328 и 329.

⁷⁷ М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 223, № 325.

⁷⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 30, № 390.

⁷⁹ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 226, № 361.

⁸⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140.

⁸¹ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 219, № 274—276.

⁸² Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, д. 23 (картотека А. П. Круглова).

⁸³ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

⁸⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 254, 256, рис. 15; М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 218, 219, № 272.

⁸⁵ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Архив ЛОИА, ф. 35, д. 36 (отчет А. П. Круглова). Возможно, это поселение относится и к более раннему времени.

⁸⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 141—156.

⁸⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140—142.

⁹⁰ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 215—216, № 235, 238, 241, 242.

⁹¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

⁹² C. W. Phillips. The Royal Hordes. «The Dawn of Civilization». London, 1961, стр. 325.

расчистил здесь два каменных ящика с инвентарем, характерным для изучаемой культуры⁹⁶. Известна случайная находка из Мамай-Кутана — рифленый сосуд. Поселения, расположенные поблизости от могильника, как показали работы В. Г. Котовича, оказались «энеолитическими»⁹⁷, хотя одно из них А. П. Круглов хронологически связывал с могильником⁹⁸.

81. В 1957 г. М. И. Пикуль и В. И. Марковиным был исследован могильник Ак-Яр, расположенный близ хутора Ак-Яр (район сел. Башликент). Было вскрыто четыре ящика с интересным инвентарем (рис. 8)⁹⁹.

82. В 1949 г. М. И. Исаков обследовал могильник, находящийся в 4 км к северу от сел. Леваши (местность Хаченег). Открытая под скальным навесом могила обложена камнями. В ней, по словам очевидцев, находилось восемь черепов и массивный браслет и копье из бронзы¹⁰⁰.

83. В районе сел. Чох, в местности Нохлаад, в 1954 г. Р. М. Мунчаев обнаружил могильник, состоящий из склепов. Некоторые материалы из этого памятника близки каякентско-хорочоевским¹⁰¹.

84. К югу от сел. Усиша, в местности Херашинна-Када, у основания горы, известной под упомянутым названием, в 1953 г. В. Г. Котович обнаружил поселения изучаемого времени. Среди остатков каменных стен встречена керамика¹⁰².

85. В 1953 г. В. Г. Котович в районе сел. Усиша (местность Унцала-Ава) вскрыл погребение с вещами, характерными для изучаемой культуры (височная подвеска, бусы и пр.)¹⁰³.

86. В районе сел. Берекей (у дороги в сел. Джемикент) в 1939 г. Б. Е. Деген-Ковалевский доисследовал три каменных ящика. Собранный материал, довольно характерный для культуры.

Плита ящика 2 украшена изображениями арбы (повозки-двуколки) и соляных знаков¹⁰⁴.

87. К югу от пос. Геджух в 1957 г. на винограднике обнаружены два каменных ящика. В них найдены бронзовые браслеты, височные подвески. Один из сосудов имеет яйцевидный корпус, венчик раструбом, рифление по верхней части тулова. На плечике с одной стороны три выпуклых пояска¹⁰⁵.

88. В урочище Чумус-Иниц, близ совхоза Геджух, М. И. Исаков открыл могильник. На поверхности видны плиты более 20 ящиков. Вскрыты две могилы с керамикой каякентско-хорочоевского типа¹⁰⁶.

89. В музее г. Дербента хранится каякентско-хорочоевский сосуд, происходящий из могильника у г. Дагестанские Огни (по дороге к сел. Бильгади). М. И. Исаков расчистил здесь один полуразрушенный ящик (ориентирован с юга на север). В нем найдена характерная для изучаемой культуры керамика¹⁰⁷.

90. На окраине сел. Маджалис (у дорог в селения Санчи и Гули) находится могильник, состоящий из каменных ящиков. В 1940 г. Б. Е. Деген-Ковалевский расчистил один из них с богатым инвентарем¹⁰⁸.

91. В районе сел. Нютюг (ущелье р. Дгардивац) в 1959 г. М. И. Пикуль обнаружила остатки размытого поселения, сделаны в основном керамические находки¹⁰⁹.

92. В районе хутора Кабаз-Кутан (Габаз-Кутан) в 1934 г. была вскрыта гробница. В погребении найдены сосуды, бронзовый браслет, бусы, серебряные кольца. А. П. Круглов этот памятник относил к изучаемой культуре¹¹⁰.

93. К югу от сел. Ашага-Стал (у дороги в сел. Касумкент) возвышается курганоподобное всхолмление — остатки поселения. М. И. Исаков в 1954 г. обнаружил на нем угольки,

кости, керамику с «налепными валиками и косыми нарезками»¹¹¹.

Таковы основные памятники каякентско-хорочоевской культуры, которые могут в определенной степени характеризовать ее¹¹². Для изучения более позднего времени, связанного с ней эволюционно, важны также и такие памятники, как Мугерганский (Керимхандагский) могильник, находящийся у сел. Старый Мугерган, Шаракурский могильник (у пос. Герейха-

¹¹¹ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 201, № 64.

¹¹² Нами упомянуты памятники, известные к 1964 г.; приношу благодарность за возможность использовать неопубликованный материал К. Ф. Смирнову, М. И. Исакову, В. Г. Котовичу, В. М. Котович, Р. М. Мунчаеву, Н. Д. Путняцовой, М. Г. Гаджиеву, Б. И. Гаджиеву, В. И. Канивцу, Г. М. Бурову.

нова)¹¹³ в Дагестане, могильник Балан-Су у сел. Балан-Су в Чечне¹¹⁴.

Памятники изучаемой культуры в настоящее время представлены главным образом могильниками. Поселения изучены значительно слабее. Дело в том, что многие из них сейчас или смыты дождевыми потоками, или засеяны. Даже один перечень памятников позволяет очертить ареал культуры, однако мы считаем необходимым прежде всего остановиться на детальном описании погребальных сооружений и погребениях, а также на предметах, характерных для культуры.

¹¹³ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 34 и сл.; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1997 и 2307 (отчеты М. И. Пикуль).

¹¹⁴ Работы автора в 1965 г.

⁹⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I, стр. 136—139.

⁹⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 133—134.

⁹⁸ А. П. Круглов. Археологические работы..., стр. 67.

⁹⁹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 639 (отчет М. И. Пикуль); В. И. Марковин. Ак-Ярский могильник. «Дагестанская правда», 27 февраля 1952 г.

¹⁰⁰ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 226, № 356.

¹⁰¹ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 43 и сл.; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1136 (отчет Р. М. Мунчаева).

¹⁰² Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1949 (отчет В. Г. Котовича).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ А. П. Круглов. Археологические работы..., стр. 68, рис. 12; Он же. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 142—144, рис. 68—70.

¹⁰⁵ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 20, № 237, табл. 6, 5.

¹⁰⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана..., стр. 136.

¹⁰⁷ М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 207, № 142.

¹⁰⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 144—146.

¹⁰⁹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1997 (отчет М. И. Пикуль).

¹¹⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 132; М. И. Исаков. Археологические памятники..., МАД I, стр. 213, № 214.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Характеристика любой археологической культуры не может быть оторвана от предыдущего развития местных племен. Важно при этом проследить преемственность археологического материала более древних этапов с материалом изучаемой эпохи.

Этим и объясняются наши дальнейшие экскурсии в прошлое.

Изучение памятников Северо-Восточного Кавказа середины II тысячелетия до н. э. (период развитой бронзы) показывает, что местное население в это время почти не пользовалось каменными ящиками для погребений. Они встречаются редко. Обратимся к примерам. В могильнике Гатын-Кале (Чечня) ящики при раскопках не встречались. В этом могильнике близка каменным ящикам только небольшая группа сооружений — ямы, облицованные камнями (погребения 10, 11, 13, 15, 23), и почти все они предназначены для захоронения детей¹. В более раннем могильнике Гоно (эпоха ранней бронзы, Дагестан) вообще не обнаружены сооружения, даже отдаленно напоминающие ящики². В другом дагестанском могильнике — Гичи (около середины II тысячелетия до н. э.) также не найдены погребения в ящиках³.

В курганах у сел. Миатлы ни одного раннего погребения в ящиках не оказалось. Обнаруженные здесь могилы являлись в основном впускными⁴. К концу II тысячелетия до н. э. каменные ящики начинают появляться в большом количестве. Р. М. Мунчаев совершенно

справедливо считает, что в конце II и первой половине I тысячелетия до н. э. каменные гробницы (имеются в виду при этом каменные ящики) «являются основным и почти единственным типом» погребальных сооружений на территории Дагестана⁵. Они заменяют ямы и склепы, формы и размеры их становятся настолько стандартными, что объединяют памятники приморских и горных районов в единое целое. Созданию ящиков несомненно предшествовала яма, обставленная по краям небольшими каменными плитами (типа упомянутых могил в Гатын-Кале).

В начале второй половины II тысячелетия до н. э. могильные сооружения в виде настоящих каменных ящиков уже известны. Мы имеем в виду подкурганные захоронения, раскопанные В. И. Канивцом и Г. М. Буровым у сел. Верхний Чир-Юрт. Здесь у хутора Зурамагенд (правый берег р. Сулак) ими были вскрыты четыре кургана в VII курганный группе. В каждом из этих курганов обнаружены каменные ящики со скорченными костяками (лежали на боку). Однако инвентарь ящиков — сосуды, бусины из раковин, бляшка и пр. — еще не имеет тех черт, которые, по установившейся традиции, принято связывать с изучаемым кругом памятников. Сосуды снабжены ручками, устья у них не очень сильно отвернуты, днища довольно велики, наlepные валики сделаны аккуратно⁶. Эта посуда лишь напоминает каякентско-хорочовскую, но она также близка керамике, известной из более ранних склепов миатлинских курганов⁷, Гатын-Кале⁸,

⁵ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 11.

⁶ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1626 (отчет В. И. Канивца и Г. М. Бурова).

⁷ В. И. Канивец, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 69, рис. IIa, б; стр. 74, рис. 9, 1.

⁸ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 76, рис. 16, 2 и др.

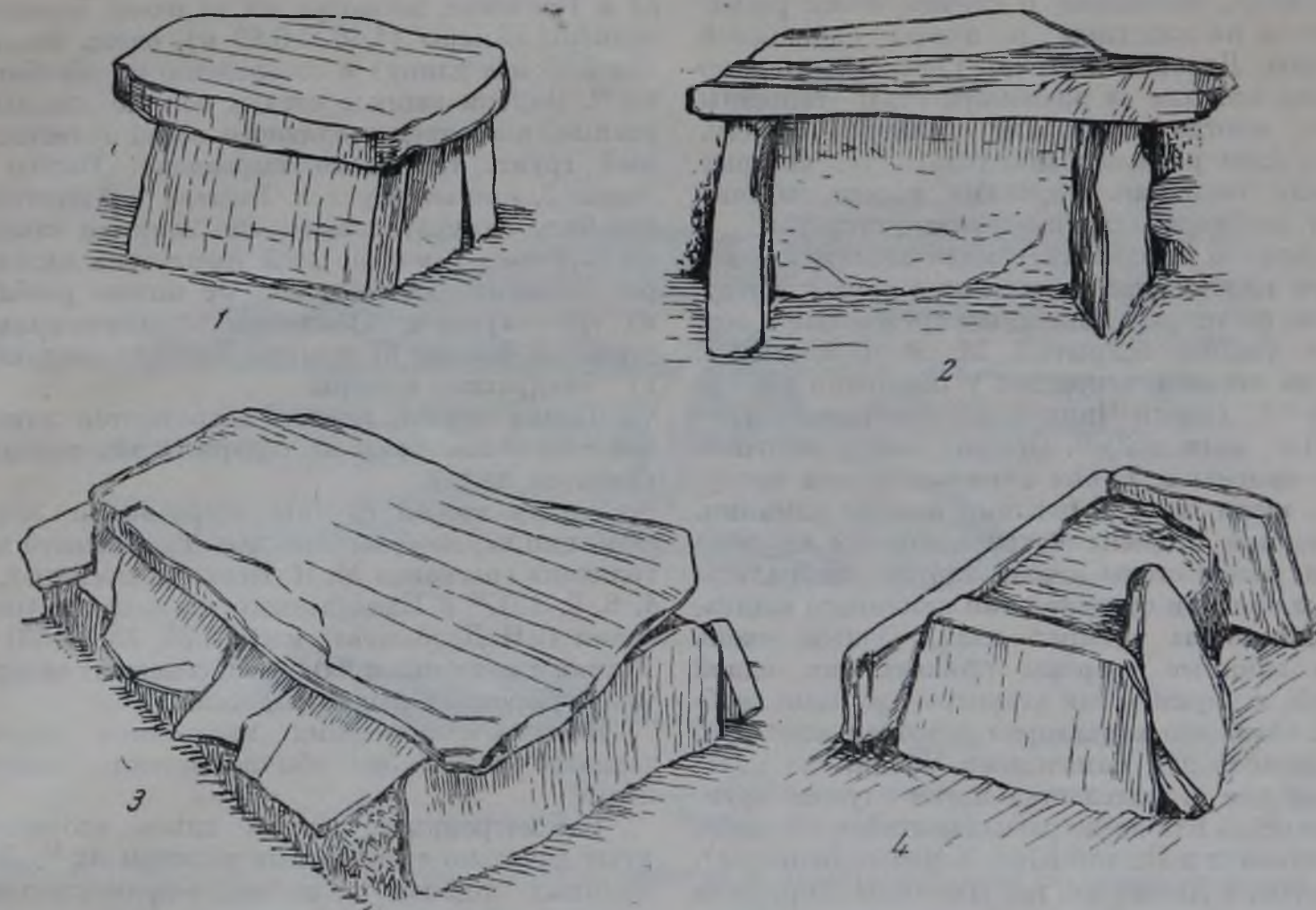

Рис. 9. Конструкция каменных ящиков

1 — могильник у ст. Каякент (по В. И. Долбежву); 2 — могильник у сел. Каякент, ящик 1 (по А. П. Круглову); 3 — могильник у сел. Хорочой, ящик 16 (по А. П. Круглову); 4 — могильник I у сел. Тарки, ящик 35 (по К. Ф. Смирнову)

Гичи⁹ и др. Подобный материал найден и в кургане 2 пятой группы (в той же местности), но уже в склепе¹⁰. У сел. Миатлы (бассейн р. Сулак) Н. П. Костюченко были раскопаны подобные курганы, но уже в III группе. Среди них встречаются захоронения и в ямах, и в ящиках (курган 2, погребения 1, 2; курган 4; курган 7, погребения 1, 2; курган 8, погребение 4), но содержащий единообразный материал, напоминающий только что описанный нами¹¹. Как видно, ящиками не сразу были вытеснены другие погребальные сооружения, и в начале второй половины II тысячелетия до н. э. этот процесс еще не завершился¹². Кстати, и в хо-

рочовском могильнике, изредка встречаются погребения в ямах и в склепообразных сооружениях (погребения 17, 21, 22, 25, 26, 28, 29, 36, 37, 48)¹³.

Как правило, для сооружения каменных ящиков вырывали небольшую яму и в ней устанавливали каменные плиты, образующие стены ящика (рис. 9). Материалом служили местные горные породы: мергель и известняк (Хорочой, Тарки, Талги, Каякент, Ак-Яр), песчаник (Зандак, Талги, Берекей), сланец (Анди, Ак-Яр)¹⁴. Различие в материале плит зависело от местных месторождений камня. Обычно узкие (боковые) плиты, поставленные на ребро, зажимались более широкими продольными плитами.

ми в работе, посвященной могильнику Гатын-Кале (ДЧИ, стр. 111 и сл.).

¹³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 114 и сл.

¹⁴ К сожалению, авторы раскопок редко указывают на материал ящиков.

¹ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. ДЧИ, стр. 108.

² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 30.

³ М. Гаджиев. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIII. Махачкала, 1964, стр. 234—243.

⁴ В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 39 и сл.

⁹ М. Г. Гаджиев. Гичинский могильник эпохи бронзы. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X. Махачкала, 1962, стр. 178, рис. 8, 6.

¹⁰ Архив ИА АН СССР, д. 1626, табл. 38.

¹¹ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 95 и сл.

¹² В этой главе оперирую датировками, приняты-

Известняки, песчаники и сланцы легко раскалываются на пластины и плиты одинаковой толщины. Древние жители Северо-Восточного Кавказа следили за равномерностью толщины камня, иногда скалывали излишки породы. Форма плит разнообразна, только те, которые служили боковыми сторонами ящика, обычно имеют две параллельные боковые стороны.

Довольно редко встречаются ящики, где все четыре плиты плотно пригнаны друг к другу. Таковы некоторые ящики, обнаруженные в сел. Тарки (ящик, вскрытый М. И. Исаковым¹⁵, один из ящиков, вскрытых у подножия г. Тарки-тау¹⁶), Новый Чиркей (в местности Бураган-Шоб, могила 3)¹⁷. Обычно плиты не очень точно пригнаны, камни длинных сторон выступают, щели между плитами забиты камнями. С внешней стороны часто положены опорные камни, чтобы стены ящика плотнее смыкались.

Мы описали основной тип каменного ящика, сложенного из четырех плит. Однако очень часто длинные стороны сложены не одной плитой, а двумя — так устроены крупные гробницы. Особенно характерна подобная конструкция ящиков для памятников Чечни, где материалом для строительства могил служил хрупкий мергель или легко распадающийся песчаник (могильники в Ишхой-Юрт, Хорокое, Белгатое). Наоборот, в Дагестане, где гробницы сооружали из плотных, раковистых известняков, более часты ящики, сложенные только четырьмя плитами. Так, В. И. Долбежев, раскопавший в Каякенте 34 могилы, дает следующее общее их описание: «четыре плиты утверждены стоймя в довольно крепком слое глины»¹⁸. Думаем, что в этом случае говорить о локальных отличиях в конструкциях гробниц на западе (в пределах современной Чечни) и на востоке (в Дагестане) нельзя. Обратимся к другим конструктивным деталям.

Для перекрытия употреблялись тонкие, неправильной формы плиты. Они легко переламывались, падали и сползали в могилу. Довольно редко встречаются тщательно обработанные плиты ящиков. Таков, например, ящик 46 в Хорокое, каждая плита которого была старательно обтесана¹⁹. И наоборот, плиты ящика

¹⁵ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1958. № 23, стр. 209. Этот ящик автор лично видел в 1946 г.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 1951, № 23, стр. 239, рис. 8, 1.

¹⁷ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950, 1959 г. (отчет Н. Д. Путинцевой).

¹⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 142, рис. 2.

¹⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 136.

21 в Каякенте, несмотря на не очень большие размеры камеры (1,46 × 0,80 м), очень велики (до 2,60 м в длину) и совершенно не обработаны²⁰. Внутри ящиков стенки обычно довольно ровные, дно, представляющее собой естественный грунт, тщательно выровнено. Только в ящике 2, открытом у сел. Гагатль в Дагестане, дно было аккуратно выложено мелкими камнями²¹. Форма камер по всей территории культуры довольно единообразна; их можно разбить на три группы: а) камеры вытянуто-прямоугольной формы; б) камеры, близкие квадрату; в) квадратные камеры.

Ящики первой группы встречаются наиболее часто, как правило, содержат захоронения взрослых людей.

Ящики второй группы встречаются реже. Особенно характерны они для Талгинского могильника (раскопки М. И. Исакова; могилы 1, 2, 4, 8, 9, 12)²² и Каякентского могильника (раскопки В. И. Долбежева; могилы 24, 25, 29, 33)²³. Ящики с подобными камерами содержат захоронения взрослых людей и детей.

Ящики с камерами квадратной формы довольно редки. Это обычно детские захоронения.

Рассмотренным формам камер соответствуют довольно стандартные размеры их²⁴. Для крупных ящиков с вытянуто-прямоугольной камерой обычны такие размеры (длина — ширина — глубина): 1,20 × 0,70 × 0,50 — 0,40 м²⁵. Величина средних ящиков колеблется от 0,90 × 0,60 × 0,30 м до 0,75 × 0,50 × 0,30 м. Самой мелкой (детской) можно считать гробницу в 0,55 × 0,43 м — погребение 11 в Хорокое²⁶.

Камеры, близкие квадрату, по габаритам варьируют от 0,90 × 0,80 м до 0,55 × 0,45 м (Белгатой, погребение 6)²⁷.

Камеры квадратных форм известны только небольших размеров: 0,60 × 0,60 м (Талги, погребение 3)²⁸, 0,50 × 0,50 м (Хорокой, погребение

²⁰ ОАК за 1898 г., стр. 151.

²¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 52, 139.

²² М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИ-ИМК. 67. 1957, стр. 126 и сл.

²³ ОАК за 1898 г., стр. 153 и сл.

²⁴ К сожалению, как правило, авторы раскопок не приводят в своих отчетах глубину камер. Это характерно для отчетов А. П. Круглова, М. И. Исакова, В. И. Долбежева.

²⁵ Известны ящики и более крупные: в длину 1,60 м (Мнатлы), 1,45 м (Тарки), но такие единичны.

²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 108.

²⁷ Там же, стр. 97.

²⁸ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 128.

Рис. 10. Могильник у склона горы Тарки-тау, напротив ст. Тарки. Сооружение над каменным ящиком

ние 38)²⁹ с некоторыми вариациями в данных цифрах.

Мнение А. П. Круглова о том, что для западных районов (в Чечне) «типичны сравнительно небольшие каменные ящики»³⁰, очевидно, необосновано. Размеры их довольно стандартны, и никаких местных особенностей в величине ящиков усмотреть нельзя.

Камеры ящиков не были специально засыпаны землей, их современное довольно рыхлое земляное заполнение является результатом постепенного проникновения почвенных частиц в щели. Только два раза было отмечено заполнение ящика мелким булыжником (Талги, погребение 12; Белгатой, погребение 1)³¹.

Могильники каякентско-хорокоевской культуры, занимая самые разнообразные места: у перевалов (Гаталь, Урма), на террасах горных рек (Хорокой, Ишхой-Юрт и др.), по склонам гор (Тарки, Алибурикент, Талги, Каякент и

²⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 132.

³⁰ Там же, стр. 52.

³¹ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 130; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 97.

др.), в степях (у ст. Манас, Ак-Яр), сейчас почти не имеют наружных признаков. Однако в древности некоторые из них могли иметь надмогильные сооружения. Так, могильник, расположенный у склона горы Тарки-тау, напротив ст. Тарки³², легко можно было заметить еще издали (рис. 10). Огромные камни, положенные поверх ящиков, напоминали иногда прямоугольные выкладки, сооружения в виде оградок, вытянутые с севера на юг, нагромождения обломков скал. Возле одной могилы возвышалась стела — камень довольно четкого прямоугольного абриса, высотой около 0,70—0,60 м. Найденный на территории могильника материал не оставляет сомнений в принадлежности его изучаемой культуре. К юго-востоку от данного могильника нам уже не известны подобные сооружения над могилами, но западнее и северо-западнее они, вероятно, представляют обычное явление. Так, ящики могильника, расположенного у сел. Старый Чиркей, окружены оградками и кольцами из каменных плит. Особенно аккуратно выложено такое кольцо у ящика 3 (диа-

³² Описан нами за № 32.

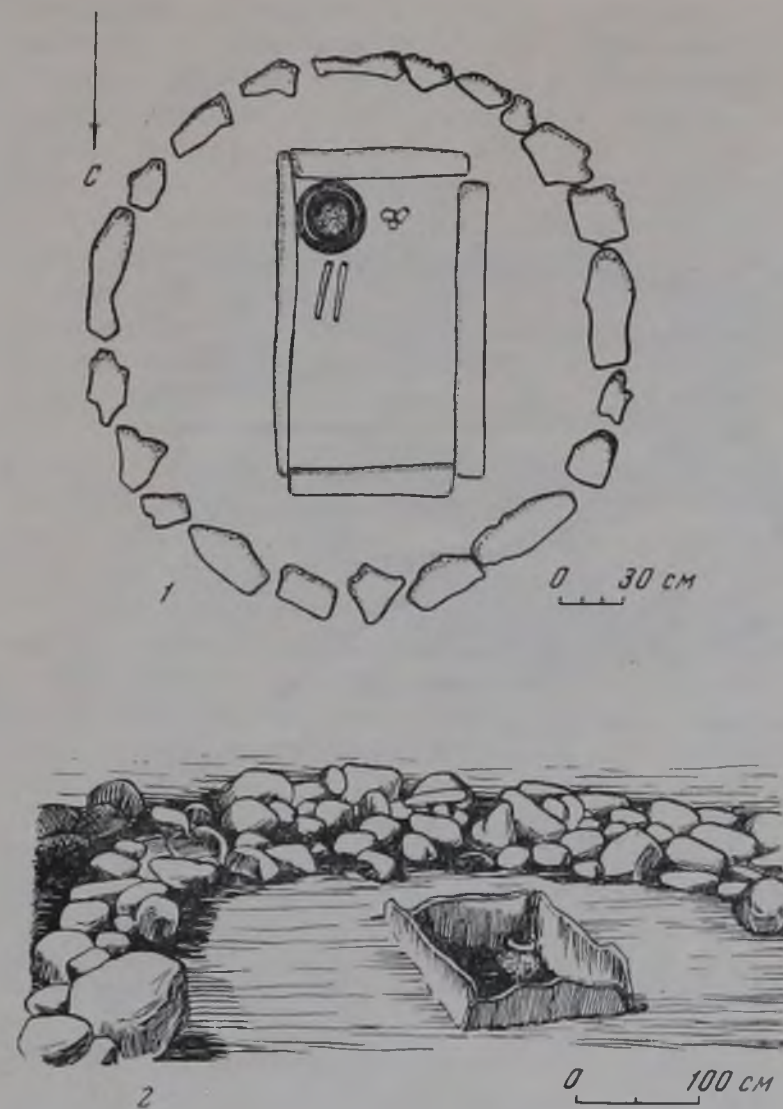

Рис. 11. Каменные выкладки вокруг ящиков
1 — могильник в местности Бураган-Шоб у сел. Старый Чиркей, ящик 3 (по Н. Д. Путинцевой); 2 — могильник в сел. Хорохой, ящик 42 (по А. П. Круглову)

метр его около 2 м, рис. 11, 1) ³³. Каменная ограда в виде полукольца окружала каменный ящик погребения 22 на Таркинском могильнике ³⁴. Каменным кольцом обрамлен и ящик с инвентарем раннего облика, обнаруженный в кургане 4 (группа III) у сел. Мнатлы ³⁵. Выкладки из речных валунов располагались над ящиками Кабарты-Кутанского могильника (у сел. Верхний Чир-Юрт) ³⁶. Обнаружены выкладки камней и вокруг отдельных могил Хороховского могильника (погребения 2, 16, 31, 42,

³³ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950, стр. 16.
³⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 236, рис. 4.
³⁵ В. И. Канивец. Мнатлы — новый памятник..., стр. 40; И. П. Костюченко. Раскопки Мнатлипского..., стр. 101, 102.
³⁶ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1159, 1954 г. (отчет М. И. Пикуль).

43; рис. 11, 2). В Хорохой диаметр некоторых выкладок достигал 7 м. Выкладки зафиксированы и на могильнике Гагатль ³⁷. Несомненно, подобные выкладки выходили в свое время на поверхность кладбища.

Кромлехообразные устройства известны по многим памятникам эпохи бронзы. Так, обнаружены даже могильники со склепами в виде колодцев (колец). Это некрополи в селениях Гинчи, Чох, Кули ³⁸. В Гинчи кольца сложены даже вокруг круглых (в плане) могил. Многие курганы эпохи бронзы по всему Северному Кавказу содержат под насыпями могилы, окруженные кромлехами ³⁹. Подобные курганы известны и в Дагестане. Таковы курганы диаметром в 17 и 7 м, которые возвышались в окрестностях г. Махачкала. Оба имели четкие кромлехи, сложенные из обломков скал ⁴⁰. В дальнейшем уменьшаются размеры кромлехов, на Северо-Восточном Кавказе они преобразуют вид обкладок, но сохраняется их традиционная форма — круг. В этом отношении особенно показателен кромлех, обнаруженный еще в 70-х годах XIX в. А. В. Комаровым у сел. Старый Чиркей. Здесь вокруг каменного кольца группировались обычные ящики ⁴¹. Интересно, что подобные кромлехи известны и в районе сел. Капчугай — еще и сейчас у полотна железной дороги можно видеть оградку неправильной овальной формы (15 × 10 м), к которой с запада примыкают могилы-ящики с обломанными краями (рис. 12). Рядом с этим сооружением расположен малый кромлех (диаметр 3 м) с ящиком внутри его. Оба кромлеха сложены из поставленных на ребро и положенных плашмя тонких плит, и в этом их отличие от кромлехов более раннего времени ⁴².

Лишь отдельные каменные ящики изучаемого круга памятников были отмечены стелами — вертикально поставленными камнями. Возвышаются они обычно у головы и часто одновременно являются боковой стеной ящика

³⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 53, 54, 130.

³⁸ М. Гаджиев. О погребальном обряде..., стр. 236 и сл., рис. 2; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИМК, 71, 1959, стр. 46; В. Г. Котович. Археологические работы..., стр. 37.

³⁹ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 1960, № 93, стр. 110.

⁴⁰ Разведки автора, Л. В. Бутыко и Л. Н. Прыгунковой в 1953 г.

⁴¹ А. К. (А. В. Комаров). Древние могилы в Дагестане. «Изв. КОРГО», т. I, вып. 4. Тифлис, 1872, стр. 113, 114.

⁴² Разведки М. И. Исакова и автора в 1949 г.

Рис. 12. Кромлехообразная выкладка у ст. Капчугай (Дагестан)

(Хорохой, погребения 22, 39; отдельное погребение у ст. Тарки).

Подобные сооружения также могут быть связаны с памятниками предшествующего времени — эпохой развитой бронзы. Так, в могильнике Гатын-Кале небольшая гробница 17 была отмечена плитой, которая возвышалась над всем сооружением ⁴³. А. П. Круглов в монографии приводит как аналогию погребение с каменной стелой, открытое Е. И. Крупновым у сел. Галнат в Северной Осетии, и каменные ящики, обнаруженные Э. А. Реслером у сел. Баян в Азербайджане ⁴⁴. Надмогильные стены были широко распространены и в последующее время. Таковы некоторые погребения с каменными столбиками в могильнике Зандак в Чечне ⁴⁵, стелы скифского времени из г. Дербента, сел. Бети-Мохк, Галайты, Замни-Юрт, Мескеты в Чечне ⁴⁶. Известно широкое распространение памятников в виде стел по всему Кавказу в наше время.

Однако могильники каякентско-хороховской культуры содержали не только погребения в каменных ящиках. В Хороховском могильнике известны захоронения под завалом камней (погребение 15), в округлых и прямоугольных ямах, обложенных по краям камнями (погребения 17, 21, 25, 26, 37; рис. 13, 1), в ямах без всякой облицовки (погребения 28, 29, 41, 44,

⁴³ В. И. Маркович. Новый памятник..., стр. 78.
⁴⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 54.

⁴⁵ Раскопки автора в 1962—1964 гг.

⁴⁶ В. И. Маркович, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, № 1, стр. 158 и сл.

48), обнаружено также одно захоронение в склепе (погребение 36; рис. 13, 2) и в яме, обложенной деревом (погребение 22) ⁴⁷. Эти погребения в Хорохой из всех раскопанных (53) составляют примерно одну пятую часть. В Каякентском могильнике погребений, совершенных не в ящиках, неизвестно. Только в Таркинском могильнике Е. И. Крупнов обнаружил нарушенное захоронение, возможно совершенное в яме, прикрытой сверху каменной плитой (погребение 8). Рядом с могилой была найдена грубая лепная керамика ⁴⁸. Таким образом, это погребение только условно можно относить к кругу изучаемых памятников. К сожалению, малое количество погребений, открытых на территории Чечни, не позволяет более определенно прийти к довольно интересному выводу о локальной, специфической особенности западной части культуры, состоящей в сочетании многообразных могильных сооружений на одном памятнике. Такое предположение подтверждается некоторыми наблюдениями. Могильник эпохи раннего железа Зандак содержал погребения в ящиках и ямах. Все эти могильные конструкции составляли правильные ряды. Могилы более позднего времени могильника Яман-Су (у сел. Шушия) также представляли ящики, склеповидные конструкции, ямы.

Второй общей чертой для могильников каякентско-хороховской культуры является четкая

⁴⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 52, 53 и др. Конструкции ям, склепов описаны А. П. Кругловым, и мы их здесь опускаем.

⁴⁸ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 215.

Рис. 13. Отдельные погребения Хорочоевского могильника (раскопки А. П. Круглова)

1 — погребение 17 (обкладка камнями); 2 — погребение 36 (склеп)

планировка захоронений. (Ящики и другие могильные сооружения располагаются правильными рядами. А. П. Круглов зафиксировал такие правильные ряды могил и выкладок в Хорочое, такой же порядок наблюдал он и в Речольском могильнике у сел. Гагатль⁴⁹. К. Ф. Смирнов отмечает расположение могил в ряд в Таркинском могильнике⁵⁰. По словам М. И. Исакова, ящики Талгинского могильника располагались тремя рядами. Ряды могил обнаружены в Ак-Яре. Четыре ряда могил ясно можно наметить на схематическом плане Каякентского могильника, приложенном к отчету В. И. Долбежева⁵¹.

⁴⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 54, 55, 100, рис. 22.

⁵⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 246.

⁵¹ ОАК за 1898 г., стр. 141, рис. 1.

Вполне определенная планировка могил прослеживается во многих памятниках эпохи бронзы. В один ряд были вытянуты склеповые сооружения могильника Гоно⁵². Четкая планировка в расположении сооружений прослежена нами на могильнике Гатын-Кале⁵³. Заметна определенная закономерность и в расположении склепов могильника Гинчи⁵⁴. Курганы этого времени, образуя группы, также тянутся в определенных направлениях. Дольмены Прикубанья ставились четкими линиями⁵⁵.

Рассмотрим направление могил по отношению к сторонам света.

Основная масса хорочоевских ящиков и ям ориентирована по их длине с юго-запада на северо-восток, с юга на север и с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Из 52 ящиков могильника, для которых направление известно, первую ориентировку имели 24 ящика, вторую — 20, третью — 8. Могила, вскрытая в сел. Дарго, была вытянута с юго-запада на северо-восток⁵⁶, ящики сел. Ишхой-Юрт — с юга на север⁵⁷. Совершенно иное направление имели гробницы в сел. Белгатой — они были вытянуты с востока на запад⁵⁸.

Погребения в памятниках бассейна р. Сулак (селения Верхний Чир-Юрт, Миатлы, Новый и Старый Чиркей) преимущественно ориентированы с юга на север, реже встречается направление ящиков с юго-запада на северо-восток и еще реже — с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Могильники в районе г. Махачкала (селения Тарки, Алибурикент) также содержат захоронения с подобными ориентировками; в Талгинском могильнике преобладает направление ящиков с юго-запада на северо-восток⁵⁹.

В. И. Долбежев в Каякентском могильнике зафиксировал два положения ящиков: с востока на запад (преобладание) и с юга на север. С юга на север простирались ящики и в Ак-Яре. В районе селений Берекей и Маджалис вскрытые ящики были вытянуты с юго-запада на северо-восток⁶⁰.

⁵² В. Г. Котович. Археологические работы..., стр. 25, рис. 13.

⁵³ В. И. Марковин. Новый памятник..., стр. 56, 104, 105, рис. 3.

⁵⁴ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 2445а (альбом к отчету М. Гаджиева), рис. 2.

⁵⁵ Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, т. IX, 1904, стр. 32; наблюдения автора (разведки 1967 г.).

⁵⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 100.

⁵⁷ Работы автора в 1961 г.

⁵⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 97.

⁵⁹ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126 и сл.

⁶⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 142—146.

Рис. 14. Погребения (1—3) могильника у сел. Ишхой-Юрт (Чечня)

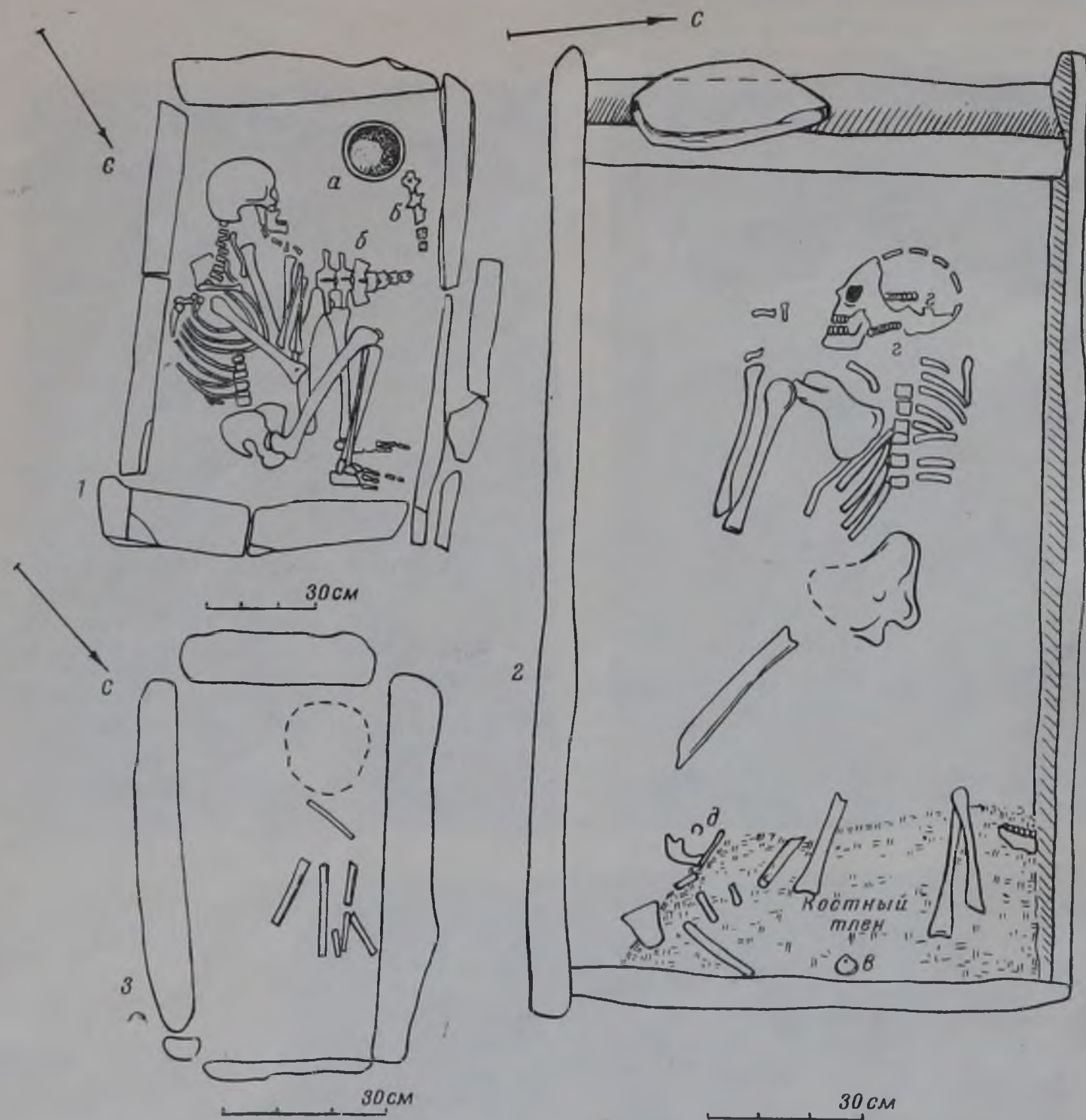

Рис. 15. Отдельные погребения племен каякентско-хорчоевской культуры

1 — Хорохой, погребение 35, костяк мужчины (на плане: а — сосуд, б — кости быка); 2 — могильник Ак-Яр у сел. Башликент, погребение 2, костяк женщины (на плане: а — раковина с отверстием, з — бронзовая спираль, д — бронзовая кольцевидная обойма); 3 — могильник на горе Тарки-тау, у сел. Алибурикент, детское захоронение

Как видно, ориентировка памятников, столь различная в разных районах Северо-Восточного Кавказа, если на время отрешиться от возможного хронологического разрыва между памятниками, может указывать на существование каких-то локальных группировок внутри довольно большой культуры. Намечается разница и в планировке могил: в Хорокое, Сагатые их ряды тянулись с юго-запада на северо-восток, а в Кая-

кенте — с северо-запада на юго-восток, т. е. в противоположном направлении.

Во всех погребальных сооружениях, независимо от их конструкции и ориентировки, обнаружены скорченные костяки. Это третья черта, которая объединяет памятники изучаемого круга по всей территории культуры. Только четыре раза были зафиксированы останки вытянутых детских костяков (Каякентский могильник —

погребения 26, 33⁶¹; Таркинский могильник 1 — погребения 7, 9⁶²).

В памятниках изучаемой культуры отмечены два основных положения скорченных костяков: на боку и сидя. Как видно, ритуальное положение умерших на боку было канонизировано в западных районах Северо-Восточного Кавказа (рис. 14), а жители восточных районов своих покойников усаживали в могилы. В районе современных курорта Талги и сел. Тарки можно наметить стык двух памятников с двумя способами захоронения. Однако мы должны оговориться: изредка в западных и восточных районах встречаются отдельные погребения с захоронениями в позах, не характерных для этих районов (погребения в кургане 2 седьмой группы у сел. Верхний Чир-Юрт⁶³, в могильнике у сел. Урма⁶⁴ и Халимбек-аул⁶⁵, где вскрыты костяки в позе сидя; погребение 2 в Ак-Яре, где костяк был положен на бок).

Как показали исследования А. П. Круглова, на правый бок укладывали тела умерших женщин, на левый — мужчин (рис. 15)⁶⁶. Различна ориентировка костяков, положенных на бок, но, судя по подсчетам, она не связана с тем, кто похоронен, мужчина или женщина. В Хорокое покойников обычно клали так, чтобы они были направлены головой на юго-запад, юго-восток или юг. Для могильника у сел. Белгатой отмечены ориентировки на запад и на восток⁶⁷. В ящиках у сел. Ишхой-Юрт расчищены останки погребенных, обращенные головой на юг. Памятники бассейна р. Сулак (селения Верхний Чир-Юрт, Миатлы, Новый и Старый Чиркей) содержали погребения с преобладанием южной ориентации (единичны направления на юго-запад и юго-восток). В Таркинском могильнике костяки чаще всего ориентированы на юго-запад⁶⁸. Такое же направление преобладает и в Талгинском могильнике.

Для сидящих костяков, череп которых обычно обращен теменем вверх, трудно установить четкую ориентировку. В. И. Долбежов фиксировал ту сторону, в которую обращены лица покойных: преобладает направление на запад, далее

следует направление на северо-запад, юго-запад, реже встречается направление на восток и юго-восток, костяки при этом обычно размещались по углам ящиков.

Различия в ориентировке погребенных, пожалуй, также можно рассматривать как локальные особенности, характерные для отдельных племенных групп.

Если погребения эпохи развитой бронзы содержат обычно по несколько костяков (Гинчи, Гатыш-Кале, склепы Миатлы и др.), то могилы изучаемой культуры были рассчитаны на одного умершего. Это является еще одной чертой, характерной для памятников данной культуры. Исключение составляют всего несколько погребений: два костяка в могиле, расчищенной в сел. Дарго⁶⁹; два детских костяка в ящике кургана 1 (VII группа), три костяка — два взрослых и ребенка — в могиле 2 кургана 3 (той же группы курганов) у сел. Верхний Чир-Юрт⁷⁰; два костяка в ящике Таркинского могильника 2⁷¹; два костяка в ящике 1 Талгинского могильника⁷²; два костяка находились в ящике у сел. Маджалис⁷³; по два скелета обнаружены в могилах 2, 10, 13, 16, 21, 22, 32 Каякентского могильника⁷⁴. Относительное обилие таких погребений в Каякентском могильнике (семь захоронений на 36 могил) возможно указывает на местную ритуальную особенность при существовании отмеченного выше общего правила.

Погребальные сооружения каякентско-хорчоевской культуры содержат не только останки умерших, в них найдены и следы культовых действий — угольки, инвентарь и кости животных — остатки заупокойной пищи.

Угольки часто встречаются в могилах. К сожалению, в описаниях исследователей очень часто опущены детали. В Хорокоевском могильнике угли были обнаружены в погребениях 4, 5, 23, 26, 29, 31, 32, 35, 38, 43, 49 (раскопки А. П. Круглова) и в погребении 3 (53) наших разведочных раскопок. А. П. Круглов упоминает угольки не только в могилах, но и на участках между ними. Так, близ погребения 31 обнаружены две очажные ямы с остатками углей и обожженных костей животных⁷⁵. Угли зафиксированы в ящике кургана 2 (VII группа) у сел.

⁶¹ ОКА за 1898 г., стр. 153, 155.

⁶² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 244.

⁶³ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1626 (отчет В. И. Канивца, Г. М. Букова), стр. 8—12.

⁶⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140.

⁶⁵ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, МАД I, стр. 128.

⁶⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 55, 56.

⁶⁷ Там же, стр. 97.

⁶⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 244.

⁶⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 100.

⁷⁰ Работы В. И. Канивца, Г. М. Букова.

⁷¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 244.

⁷² М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126.

⁷³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 144—146.

⁷⁴ ОКА за 1898 г.

⁷⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 58, 59.

Верхний Чир-Юрт; в могилах Кабарты-Кутанского могильника (М. И. Пикуль упоминает следы очага близ южной стены ящика в четвертом раскопе могильника⁷⁶); в погребении 2, открытом Н. Д. Путинцевой у сел. Старый Чиркей; в двух ящиках, расчищенных у сел. Алибурикент; в погребениях Турканских могильников⁷⁷; в могилах у курорта Талги⁷⁸. В. И. Долбежев не отметил находки угольков в ящиках Каякентского могильника. Считаю, что он просто не обратил на них никакого внимания, так как В. Г. Котович упоминает об углях из ящиков, расчищенных в районе совхоза Геджух (Чумус-Иниц) и у хутора Мамай-Кутан⁷⁹; угли попадались и в погребениях Ак-Ярского могильника⁸⁰, т. е. в пунктах, близко расположенных к сел. Каякент. Очевидно, угли имелись и в ящиках, раскопанных В. И. Долбежевым.

Наличие углей в могилах — одна из характерных черт почти всех памятников эпохи бронзы всего Кавказа. В данном случае эта характерная черта является еще одной общей особенностью для изучаемой культуры.

Размещение погребального инвентаря в могилах каякентско-хорочоевской культуры и его состав, судя по обобщению всех известных нам описаний, также были довольно строго канонизированы. Почти в каждой могиле обычно стоит от одного до трех сосудов и размещены они в строго определенных местах. В захоронениях, открытых у селений Белгатой, Дарго, Ишхой-Юрт, Хорочой, сосуд расположен, как пишут исследователи, «возле черепа», «у головы», «перед лицом» умершего, обычно занимая при этом место в углу могильного сооружения (в южном, юго-западном, северо-западном, западном, юго-восточном). Только один раз в Хорочое отмечено положение сосуда у ног костяка (погребение 20)⁸¹. Менее определенное место занимали сосуды в подкурганых могилах бассейна р. Сулак (селения Верхний Чир-Юрт, Новый и Старый Чиркей, Миатлы). Здесь сосуды обнаружены у черепа, в ногах, по углам, возле грудной клетки. В гробницах, исследованных в районе г. Махачкала (могильники у сел. Тарки), сосуды разме-

щались только по углам. Они найдены в западных, восточных, юго-западных и северо-восточных углах камер. На совершенно иное расположение сосудов указывают наблюдения В. И. Долбежева. Почти во всех ящиках, расчищенных им у ст. Каякент, сосуды располагались сразу же под покровной плитой, и лишь на дне могилы лежала глиняная «плошка». Очевидно, сосуд опускали в могилу в самую последнюю очередь, чуть ли не на колени умершего или рядом с ним. Такое совершенно различное расположение сосудов в могилах нам также представляется местной особенностью, диктуемой различиями в местных ритуалах. Интересна и еще одна деталь. Для памятников западных районов культуры характерно наличие в могилах одного сосуда (А. П. Круглов только в одном хорочоевском погребении 50 обнаружил два сосуда⁸²), для восточных, начиная от бассейна р. Сулак, — два-три и более. Так, в Кабарты-Кутанском могильнике (сел. Верхний Чир-Юрт) в ящике 3 в «каждом углу, кроме южного», находилось по сосуду⁸³. В Таркинском могильнике в погребении 35 К. Ф. Смирнов обнаружил обломки трех сосудов⁸⁴, в ящике погребения 3 кургана 3 у ст. Манас возле северной стены стояло также три сосуда⁸⁵. До пяти различных сосудов в обломках упоминает М. И. Исаков для погребений Талгинского могильника. По два-три сосуда было почти в каждом ящике Каякентского могильника (раскопки В. И. Долбежева).

Среди инвентаря каякентско-хорочоевских могильников часто встречаются кости животных — остатки заупокойной пищи. Они найдены почти во всех памятниках, и, вероятно, их «отсутствие» в могилах (особенно в Каякенте) можно отнести за счет небрежности исследователей.

Мы не будем останавливаться на мелких частностях погребального обряда — положении рук костяков и их других частей, расположении украшений и пр. Это в определенной степени уже сделано А. П. Кругловым⁸⁶, и нам кажется малозначащим для выделения общих черт и частных локальных особенностей в культуре.

Для всей территории культуры общими являются следующие характерные особенности:

1) преобладание погребений в каменных ящиках; 2) четкая планировка погребений; 3) преобладание скорченных захоронений; 4) преобладание одиночных захоронений; 5) наличие угольков в погребениях; 6) наличие в заупокойном инвентаре мясной пищи (находки костей животных).

Вместе с этими общими признаками можно отметить ряд специфических, возможно локальных особенностей. Эти признаки не являются общими, они встречаются только в выделяемых нами ниже отдельных районах исследуемой

культуры: 1) наличие в одних могильниках стел, выкладок в виде кромлехов и оградок; отсутствие в других могильниках подобных признаков; 2) сочетание в одном могильнике каменных ящиков с другими погребальными сооружениями; 3) различные ориентировки погребальных сооружений и их рядов. Разница в позе скорченных костяков (сидя и на боку); 4) специфика в ориентировке погребенных; 5) расположение сосудов в погребениях; 6) число сосудов в погребениях.

⁷⁶ М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 160, 161.

⁷⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 215; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 244.

⁷⁸ Устное сообщение М. И. Исакова.

⁷⁹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 136 и сл.

⁸⁰ Исследование М. И. Пикуль и автора в 1952 г.

⁸¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 114—117.

⁸² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 57.

⁸³ М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке..., стр. 160.

⁸⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 238.

⁸⁵ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 180.

⁸⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 50 и сл.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНВЕНТАРЯ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В результате исследования могильников и некоторых поселений каякентско-хорочоевской культуры собрана довольно большая коллекция изделий из глины, металла, камня, кости, стекла и раковин. Этот материал до сих пор слабо изучен. Только А. П. Круглов пытался систематизировать находки, происходящие из некоторых известных ему памятников культуры¹. Сейчас обнаружено значительно большее число памятников, в связи с этим увеличилось и количество находок. Вот почему считаем необходимым посвятить специальный очерк описанию вещевого археологического материала, что несомненно поможет выделению характерных и локальных черт данной культуры.

Керамика

Все керамические изделия, найденные в могильниках и на поселениях, сделаны от руки, без применения гончарного круга. Некоторые сосуды поэтому несимметричны, имеют скошенные днища и устья. В изломе черепок серо-черного цвета. Структура теста комковатая, заметны следы шамота и мелких частиц глинистого сланца. Такой состав гончарной глины характерен для посуды эпохи бронзы всего Северного Кавказа. Поверхность керамических изделий серая и красная. Почти все известные сейчас сосуды из Каякентского могильника имеют красную поверхность².

По обработке корпуса сосудов изучаемую керамику можно разделить на две группы. 1. Посуда, покрытая грубой жидкой обмазкой еще до обжига. Обычно обмазано только тулово сосудов, к дну поверхность более ровная. Шейка сосуда возле устья тщательно заглажена и отде-

ляется от обмазанной части налепными валиками или бордюром из густой налепленной глины. Подобная обработка поверхности обмазкой известна еще с эпохи неолита (находки у сел. Ругуджа)³ и практикуется всю эпоху бронзы, вплоть до раннего железа, когда обмазка на посуде имитируется аккуратными каннелюрами (посуда из могильника Зандак; рис. 16, 1). 2. Посуда с ровной, но не очень гладкой, а часто даже шероховатой поверхностью. Остановимся на типах посуды.

А. П. Круглов специально не изучал каякентско-хорочоевскую керамику. Так, для Каякентского могильника он упоминает вскользь два основных типа керамики: «горшки и плошки, или чаши»⁴. Е. И. Крупнов более конкретно выделил типы посуды этого же могильника. Он указывает сосуды «баночной и бочкообразной формы», а также чаши и среди них посудину на ножках, напоминающую курильницу эпохи бронзы⁵. К. Ф. Смирнов группирует посуду из Таркпнского могильника по трем типам: А) широкогорлые горшки с сильно отогнутым наружу венчиком; Б) широкогорлые горшки с яйцевидным туловом и слегка отогнутым венчиком и В) сосуды баночных форм. Свою типологию К. Ф. Смирнов иллюстрирует специальной таблицей⁶. Сейчас можно выделить семь основных типов посуды, причем каждый из них рядом промежуточных форм плавно переходит в соседний.

1-й тип. Крупные сосуды с очень широким туловом, часто непропорционально узким

³ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 205, 206, 208, рис. 49, 1, 2.

⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 62.

⁵ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 9.

⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Таркп в 1948—1949 гг. МИА, 1951, № 23, стр. 248—251.

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 59 и сл.

² ГИМ, инв. № 40753 (из 76 сосудов, упоминаемых В. И. Долбежеевым, сохранилось только 12).

Рис. 16. Керамика памятников Чечни (раскопки В. И. Марковина)

1 — каннелированная керамика, могильник у сел. Зандак (Дагбаш), погребение 24; 2—5 — зольник у сел. Курчалой (2 — кв. 8, гл. 0,20—0,40 м; 3 — кв. 5, гл. 0,40 м; 4 — кв. 4, гл. 0,30 м; 5 — кв. 1, гл. 0,80 м)

дном. Венчик сильно отогнут наружу (тип А, по К. Ф. Смирнову). Сосуды этого типа по обработке поверхности можно разбить на две группы: покрытые обмазкой и довольно гладкие. У сосудов первой группы венчик тщательно сглажен, далее за орнаментальным пояском следует обмазка. Ясно видны следы пальцев, которыми проводили борозды то сверху вниз, то по кругу поперек корпуса, то наискось. Реже встречаются сосуды, покрытые просто бугорками глины. Иногда обмазка имитируется штрихами, сделанными приостренной палочкой. Таковы черепки крупных сосудов (рис. 17, 6) из сел. Тарки

(раскопки Е. И. Крупнова, 1947 г.)⁷, из погребения 4 кургана 2 ст. Манас (рис. 17, 4)⁸, могильного поля у сел. Уч-Авлах (рис. 17, 1)⁹. Горшки со сглаженным корпусом по форме не отличаются от сосудов, покрытых обмазкой. У сосудов обеих групп варьируются лишь округлость тулова, ширина венчика и степень его отогнутости. Наиболее сильно отогнутый

⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1951, № 23, стр. 213, рис. 5, 1 (слева, вверху).

⁸ Материалы раскопок К. Ф. Смирнова в 1951 г.

⁹ Материалы разведок К. Ф. Смирнова в 1948 г.

Рис. 18. Сосуды 1-го типа

1, 2 — могильник у ст. Каякент (1 — из могилы 10; 2 — из могилы 23, раскопки В. И. Долбежева); 3 — могильник у сел. Берекей, погребение 3; 4 — могильник у сел. Хороной, погребение 29 (раскопки А. П. Круглова); 5 — каменный ящик

у сел. Тарки (находка В. И. Марковина); 6 — сосуд из окрестностей г. Махачкала (Дагестанский краеведческий музей); 7 — могильник у ст. Манас, курган 2, погребение 4 (раскопки К. Ф. Смирнова)

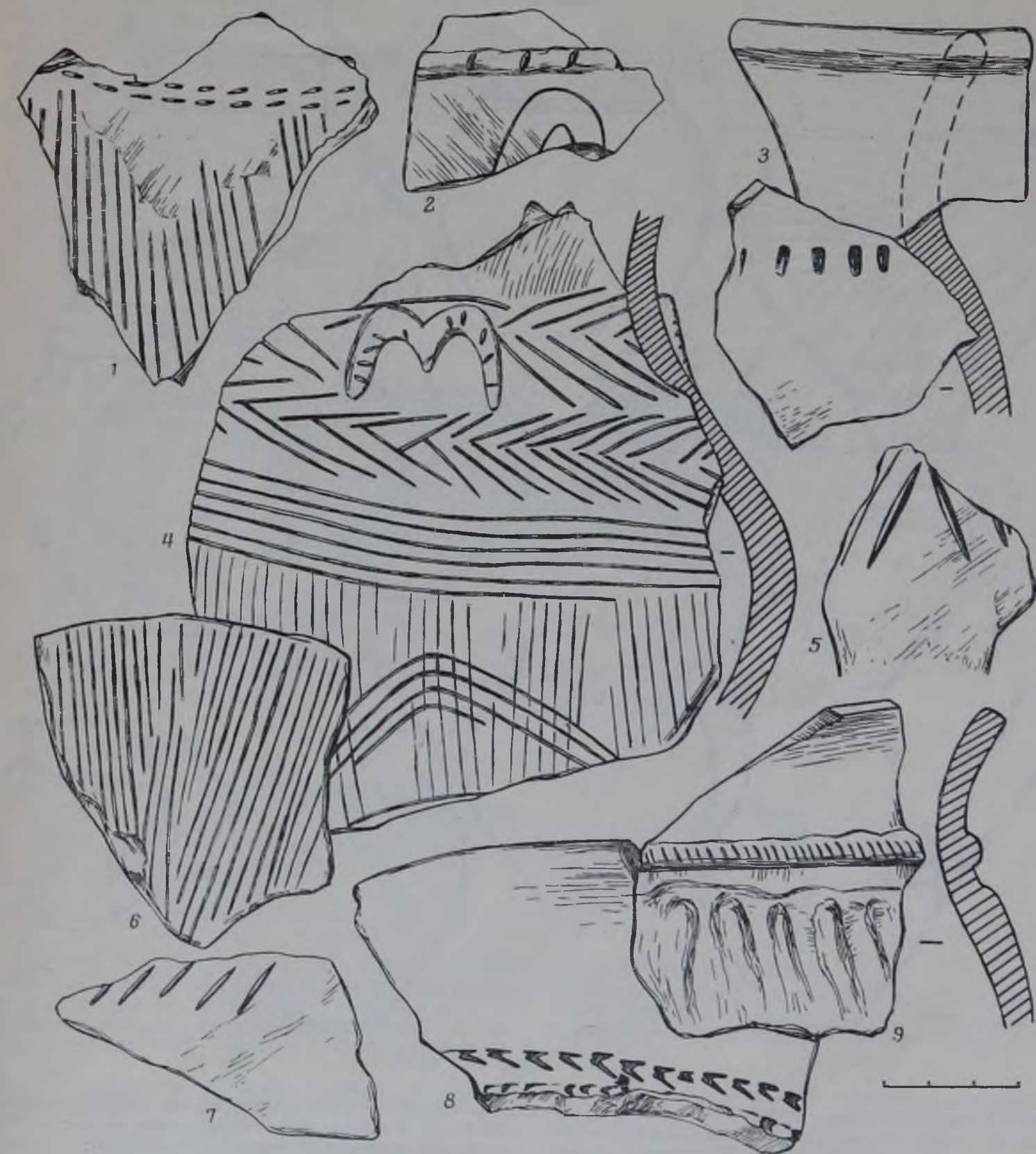

Рис. 17. Образцы орнаментированной керамики (1-й тип сосудов)

1 — могильник у сел. Уч-Авлах; 2, 3, 5, 7 — могильник у сел. Хороной (2, 5 — квадрат 104-125 раскопа; 3 — погребение 25; 7 — погребение 49. Раскопки А. П. Круглова); 4 — могильник у ст. Манас (курган 2, погребение 4, раскопки К. Ф. Смирнова)

нова); 6, 8, 9 — могильник I у сел. Тарки (6 — из засыпки, раскопки Е. И. Крупнова; 8 — из квадрата 11-12, раскопки К. Ф. Смирнова; 9 — у плиты перекрытия погребения 35, раскопки К. Ф. Смирнова)

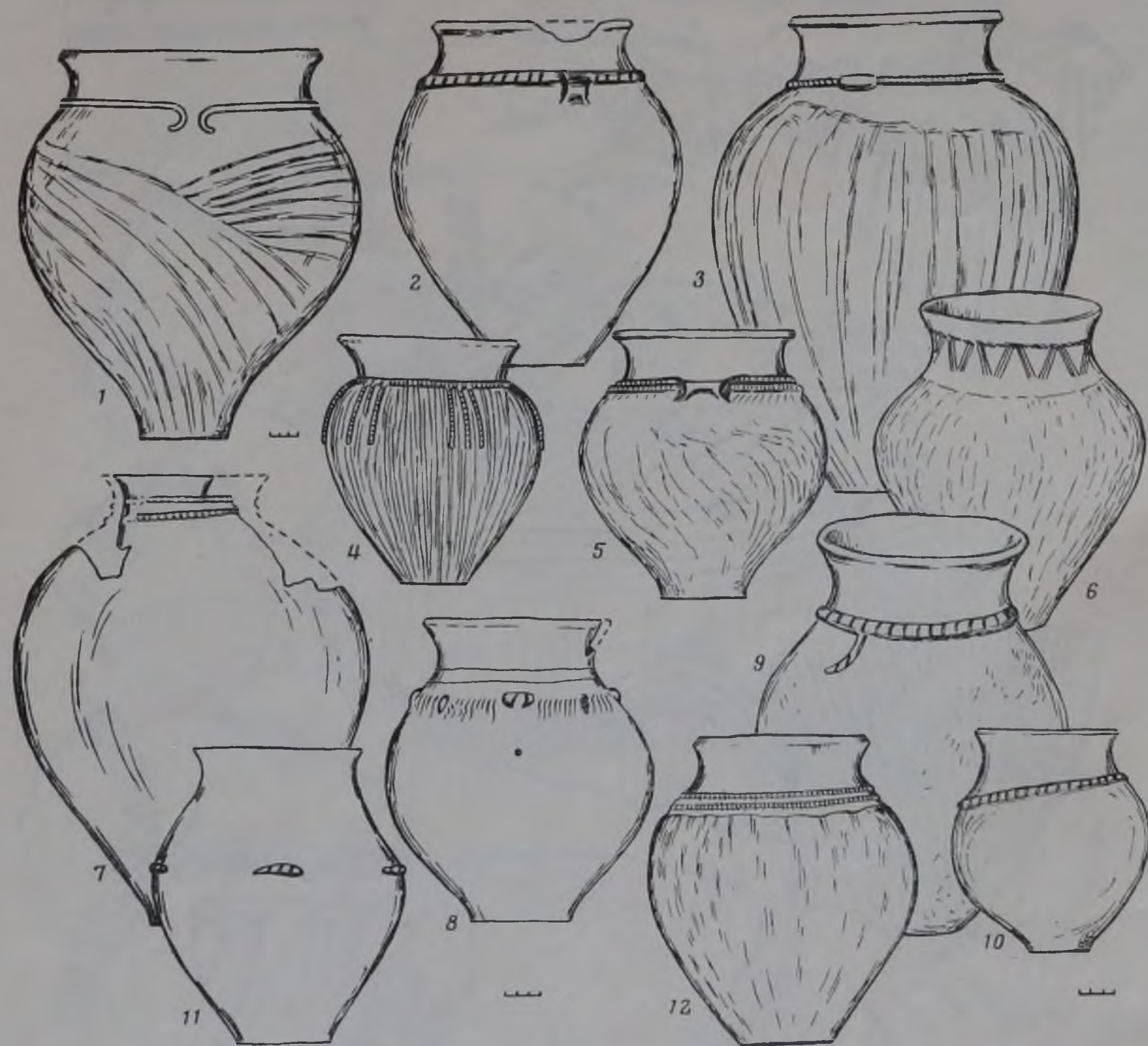

Рис. 19. Сосуды 1-го типа

1, 4 — «Полигон», в районе г. Буйнакса (находка Б. И. Гаджиева); 2 — урочище Ачакан в районе г. Буйнакса (находка Б. И. Гаджиева); 3 — из гробницы, могильник в районе г. Дагестанские Огни (музей в г. Дербенте); 5 — Хоро́чоевский могильник, погребение 12 (раскопки А. П. Круглова); 6 — Миатлы, курган 1 из группы I (по И. П. Костюченко); 7 — Кабарты-Кутан (раскопки М. И. Пикуль); 8 —

могильник у ст. Манас, курган 2, погребение 4 (раскопки К. Ф. Смирнова); 9 — Манас, курган из группы XI, погребение 2 (по И. П. Костюченко); 10 — могильник у курорта Талги, погребение 11 (раскопки М. И. Исакова); 11 — Кичи-Гамри (по М. И. Пикуль); 12 — могильник I у сел. Тарки, погребение 35 (раскопки К. Ф. Смирнова)

Рис. 20. Керамика каякентско-хорочоевской культуры

Сосуды 1-го типа: 1, 2 — Хоро́чоевский могильник, погребения 38, 40 (раскопки А. П. Круглова); 3 — могильник у сел. Маджалас (раскопки Б. Е. Дегена-Ковалевского); 4 — сел. Мамай-Кутан (случайная находка); 5, 6 — Каякентский мо-

гильник, погребения 18, 32 (раскопки В. И. Долбежева); 7 — курган у сел. Ашага-Стал (находка М. И. Исакова); 8 — ручка сосуда, Хоро́чоевский могильник, погребение 42 (раскопки А. П. Круглова)

венчик-раструб имеет сосуд из погребения 23 Каякентского могильника (рис. 18, 2). Сосуд со слегка отогнутым венчиком, но чрезмерно малым дном был обнаружен М. И. Пикуль в одной из могил Кабарты-Кутана (рис. 19, 7). Сосуды описываемого типа довольно стандартны по своим размерам. Высота их не превышает 41 см (сосуд такой величины найден автором в гробнице у сел. Тарки, рис. 18, 5)¹⁰. Наиболее стан-

дартные их размеры — от 39 до 29 см в высоту, при этом диаметры тулова на 5—7 см меньше высоты сосуда, диаметры дна составляют примерно одну третью часть высоты, а величина устья — чуть более половины высоты.

Сосуды этого типа известны почти во всех памятниках культуры и отличаются друг от друга только декором, степенью гладкости корпуса, характером обмазки. Декор сосудов состоит из налепных валиков, выпуклых тамгообразных изображений, выступов в виде ручек (псевдоручки), нарезного узора.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 255, рис. 14, 5.

Налепные валики обычно отделяют заглаженную часть венчика и шейки от покрытого обмазкой корпуса сосуда. Таких валиков, опоясывающих шейку, обычно бывает от одного до трех. Часто валики украшены вдавлениями (размята центральная часть валика), насечками или точками, расположенными по его краям (вероятно, наносились приостренным орудием в виде двузубца)¹¹. Часто от валика вверх и вниз отходят тяжи в виде небольших отрезков, дуг, перекрестий. Подобные налепные тяжи А. П. Круглов рассматривал «как имитацию реальной обвязки сосуда» шнуром из растительного волокна¹². Иногда валики прерываются, и тогда их концы плавно опущены вниз (сосуд из сел. Урма с одним прерванным валиком¹³), подобный сосуд происходит с территории «Полигона» у г. Буйнакса¹⁴ (рис. 19, 1); из ящика у пос. Ачи-Су, из окрестностей г. Махачкала (у него верхний валик разорван и концы его срастаются с нижним валиком¹⁵ (рис. 18, 6). И последним вариантом этого орнамента является валик, прерванный в нескольких местах: отдельными небольшими удлиненными налепами он опоясывает шейку или сильно покатые плечики сосуда. С подобным орнаментом сосуда обнаружены у сел. Гуни¹⁶, в могильнике Кичи-Гамри (налепы опоясывают самую выпуклую часть тулова сосуда. Рис. 19, 11)¹⁷.

Одноваликовые сосуда в изученных нами коллекциях довольно многочисленны. Таков сосуд довольно раннего облика с одной ручкой (рис. 3, 1) из сел. Согунты (Чечня)¹⁸; сосуда из Хорочоевского могильника, найденные в погребениях 1, 2, 11, 16, 28, 29, 31, 36, 38, 42, 43, 48, 50 (рис. 20, 1), а также в квадрате 104-125 раскопа 1937 г. (работы А. П. Круглова)¹⁹ и в погребении 3 (разведки В. И. Марковина,

рис. 3, 3)²⁰. Известны подобные сосуда и среди керамики Новолакского (Банайского) поселения (работы М. И. Пикуль)²¹; аналогичные одноваликовые сосуда найдены в погребении 2 кургана XI группы у сел. Миатлы²²; в погребениях 35 и 37 Таркинского могильника (работы К. Ф. Смирнова). Назовем еще небольшой сосуд из погребения 11 Талгинского могильника²³; сосуд из могильника в местности Бураган-Шоб, близ сел. Верхний Чиркей (от валика отходит ручка, рис. 6, 2)²⁴; сосуд из могильника оврага Ачи близ сел. Нижний Чиркей (от валика отходит ручка, рис. 5, 1)²⁵; сосуда из ящиков 1, 3 в сел. Гагатль²⁶; сосуда из района «Полигона» и поселения в местности Ачакан близ г. Буйнакса (находки Б. И. Гаджиева, рис. 19, 1, 2, 4); обломки сосуда из культурного слоя близ шестой гряды скал с наскальными изображениями и сел. Капчугай (рис. 4, 10)²⁷; крупный сосуд из района г. Дагестанские Огни (рис. 19, 3)²⁸. Некоторые из упомянутых сосудов помимо валика украшены отходящими от него «усами» в виде дуг, плеток и т. д. Таковы сосуда из погребений 24, 29 в Хорочое, из погребения 2 кургана XI группы сел. Миатлы, из ящика оврага Ачи (сел. Новый Чиркей, рис. 5, 1). Утроенные тяжи, отходящие под прямым углом от валика, украшают уже упоминавшийся сосуд, найденный на «Полигоне» близ г. Буйнакса (рис. 19, 4). Обломки очень интересного сосуда были найдены в выдувах близ ст. Алмало. От гладкого валика (без наколок и вмятин) отходят вниз фестоны в виде гирлянды (рис. 21, 1). На нескольких сосудах плавное течение валика нарушается небольшим горизонтальным или двурогим выступом-псевдоручкой. Таковы сосуда из погребений 1, 2, 10, 12, 16, 21, 27, 37, 50 Хорочоевского могильника (рис. 19, 5). С такой же псевдоручкой, отходящей от валика, нами найден сосуд в ящике 1 того же могильника (рис. 3, 3). Налеп, отдаленно напоминаю-

²⁰ Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, 78, 1960, стр. 109, рис. 39, 5.

²¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 639 (отчет М. И. Пикуль, табл. II).

²² И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 119, рис. 24, 2.

²³ М. И. Исаков. Талгинский могильник, КСИИМК, 67, 1957, стр. 129, рис. 54, 2.

²⁴ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950 (отчет Н. Д. Путинцевой).

²⁵ Там же, д. 1842 (отчет Н. Д. Путинцевой).

²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 139, 140.

²⁷ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР, СА, XX, 1954, стр. 328, рис. 40, 15.

²⁸ Хранится в музее г. Дербента.

Рис. 21. Образцы орнаментированной керамики

1 — пески у ст. Алмало (находка В. И. Марковина и Н. Г. Полихрониди); 2, 5, 7, 9—11, 13 — могильник I у сел. Тарки (2 — возле погребения 6; 5 — погребение 6, раскопки Е. И. Крупнова; 7 — погребение 3; 9 — погребение 1; 10, 11 — территория могильника, сборы В. И. Марковина; 13 — погребение 2; 7, 9, 13 — материалы раскопок К. Ф. Смирнова);

3, 12 — могильник Кичи-Гамри, ящики 1 и 2 (раскопки М. И. Пикуль); 4 — могильник Ачи-Су (раскопки К. Ф. Смирнова); 6 — Изберг-Избербаш (Краеведческий музей Дагестана, № 5821); 8 — Дагестанские Огни (находка М. И. Исакова); 14, 15 — могильник в местности Нохала-Ад у сел. Чох, скелет 1 (раскопки Р. М. Мунчаева)

ций псевдоручку, украшает сосуд из г. Дагестанские Огни (рис. 19, 3); выступ в виде настоящей миниатюрной ручки, но без отверстия имеется на сосудах из Ачакана близ г. Буйнакса (рис. 19, 2).

Сосудов с двойными валиками известно нам не очень много. Таковы сосуда из сел. Дарго (у него валики, по словам А. П. Круглова, заканчиваются округлыми выпуклостями²⁹); из хо-

рочоевских погребений 12 (нижний валик разорван горизонтальным выступом-псевдоручкой), 29 (нижний валик сосуда не сомкнут, концы его опущены и загнуты³⁰), 38 («от нижнего валика отходят вниз шесть коротких дугообразно изогнутых налепов», рис. 20, 1³¹), 40 (нижний валик прерывается горизонтальным выступом-псевдоручкой, рис. 20, 2³²); два сосуда из

²⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 100.

³⁰ Там же, стр. 124.

³¹ Там же, стр. 132.

³² Там же, стр. 135.

погребения 35 Таркинского могильника (рис. 19, 2³³); крупный сосуд из гробницы, открытой нами у сел. Тарки (у него дуги отходят от обоех валиков. Рис. 18, 5); из погребения 4 кургана 2 ст. Манас (раскопки К. Ф. Смирнова); упоминавшийся нами сосуд из г. Дагестанские Огни; сосуд из Кабарты-Кутанского могильника (рис. 19, 7).

Трехваликовый декор встречается еще реже. Таковы сосуды из погребения 9 в Хорокое, из погребения 1 у сел. Маджалис (рис. 20, 3), из разрушенных могил Таркинского могильника (сборы М. И. Исакова) и из г. Изберг (Изберг-баш). Особняком стоит один обломок венчика с вертикально поставленными валиками. Он был найден М. И. Исаковым на территории могильника у сел. Тарки. Там же в погребении 6 Е. И. Крупнов обнаружил обломки сосуда с тремя «острорезными» гладкими валиками (от нижнего отходят небольшие выпуклые лучи, рис. 21, 5)³⁴.

Иногда выпуклые валики, охватывающие горло сосуда, заменяют орнаментальный пояс, состоящий из вдавленных в виде зигзага и лунок (могильник у сел. Тарки и Уч-Авлах, рис. 17, 1; 21, 2)³⁵.

Налепной декоративный узор не исчерпывается сплошными и прерывающимися валиками. Известны налепы в виде выпуклых колец (находки у сел. Тарки, г. Изберга, рис. 21, 6, 10, 11), шишечек, коротких валиков. Так, сосуд, найденный в погребении 4 кургана 2 у ст. Манас, был украшен по плечикам овальными шишечками и струящимися нарезками между ними (рис. 19, 8)³⁶. В погребении 27 сел. Хорокой был обнаружен сосуд с валиком, от которого с одной стороны отходят три коротких вертикальных валика, а с другой расположены три шишечки³⁷. Короткие валики известны на сосудах из погребения 10 в Каякенте (рис. 18, 1)³⁸. Особенно оригинальны налепы в виде трезубца (на обломках сосудов с отвернутыми венчиками из зольника у сел. Курчалой, рис. 16, 2—4)³⁹, в виде буквы «М». Сосуды с таким тамгообразным знаком обнаружены в погребении 4 курга-

на 2 у ст. Манас (рис. 17, 4; 18, 7) и в погребении 23 у ст. Каякент (рис. 18, 2).

Наряду с выпуклым узором, на сосудах изучаемого типа нередко встречается нарезной узор. Мотивы такого орнамента довольно однообразны. Это зигзаги, углы-лучи, заштрихованные параллельными линиями треугольники, вертикальные и горизонтальные «елочки» (штрихи, расположенные под углом), параллельные штрихи и волнообразные линии (рис. 7). Особенно характерны подобные способы декора для восточных районов культуры (за р. Сулак), но считать, что такая орнаментация отсутствует на керамике более западных памятников, не имеем никаких оснований.

Обычно разные виды прочерченного орнамента сочетаются на одном сосуде, сочетаются они и с налепными украшениями.

В Хороковском могильнике в погребении 16 был обнаружен горшок, к валику которого «как бы подвешены небольшие треугольники, образованные врезанными линиями»⁴⁰. Среди материалов того же могильника имеются черепки с волнистым узором и в виде лучей (рис. 17, 2, 5)⁴¹. Из сел. Гагатль происходит сосуд с валиком, ниже которого имелись «два ряда косых нарезок, образующих елочку»⁴². С очень близким узором известен сосуд из сел. Урма⁴³. В кургане 1 первой группы у сел. Миатлы И. П. Костюченко обнаружил горшок с валиком под устьем и отходящими от него прорезными лучами⁴⁴. В районе погребения 20 и на территории Таркинского могильника К. Ф. Смирновым были найдены отдельные фрагменты с нарезным елочным орнаментом (рис. 21, 13)⁴⁵.

Из района г. Махачкала происходит уже упоминавшийся нами сосуд, между двумя валиками которого прочерчен тройной зигзаг (рис. 18, 6). Сложное сочетание налепных валиков, тамги в виде «М», прочерченных углов, штрихов и елочки можно видеть на керамике из ст. Манас (рис. 17, 4; 18, 7)⁴⁶. Заштрихованные треугольники, зигзаги и валики украшают керамику из г. Изберга (рис. 21, 6).

⁴⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 114.

⁴¹ Гос. Эрмитаж, № 1807 (из кв. 104—125, раскопки А. П. Круглова в 1937 г.).

⁴² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140.

⁴³ Там же.

⁴⁴ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 115, 116, рис. 21, 5.

⁴⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 236.

⁴⁶ Найдены в погребении 4 кургана 2 (работы К. Ф. Смирнова).

Сочетанием штрихов, зигзагов, углов и елочки украшены сосуды и отдельные черепки, найденные у г. Дагестанские Огни, селений Гинчи-Гамри, Каранай-аул, Берекей (рис. 18, 3)⁴⁷. Находки из этих пунктов уже не имеют валиков. Как видно, за условную линию, проходящую через Изберг — Уч-Авлах — Урма, способ декорирования сосудов валиками не заходил. Каякентские сосуды из погребений 7, 10, 15, 17 — 19, 22, 23 и 32 украшены сложным сочетанием елочки, заштрихованных треугольников, штрихов, и лишь некоторые из них имеют небольшие выпуклые налепы⁴⁸.

Сосуды первого типа очень редко снабжены ручками (рис. 20, 8). Таковы сосуды из районов селений Старый и Новый Чиркей (рис. 5, 5). Их заменяли скорее декоративные горизонтальные и двурогие налепы (Хорокой), выступы в виде «сосков, несколько загнутых вниз»⁴⁹, и в виде прямоугольных выпуклостей с зубцами (Каякент, погребения 7, 15, 18, 22).

Таковы основные характерные особенности сосудов первого типа. Несмотря на необычное своеобразие формы и декора, появление такой посуды было подготовлено всем предшествующим развитием местной керамики. Уже среди посуды IV тысячелетия до н. э. горного Дагестана (Гинчи) можно видеть высокогорные горшки, близкие по основным пропорциям изучаемому типу. У них пока еще не так сильно отогнут венчик, но они снабжены яйцевидным туловом, плавно переходящим ко дну⁵⁰. В III тысячелетии до н. э. уже появляются крупные горшки с округлым корпусом и венчиком, отогнутым в виде раструба (Великентское поселение)⁵¹. Тогда же появляется орнаментация в виде валиков (Каякентское поселение)⁵². И с этого времени посуда близкой формы и декора распространяется по территории Северо-Восточного Кавказа. Так, сосуды, близкие изучаемому типу, найдены во II слое Верхнегуньского поселения (начало

⁴⁷ Находки М. И. Исакова, М. И. Пикуль, Б. Е. Деген-Ковалевского.

⁴⁸ Архив ЛОИА, д. 45, 1898 г. Отчет В. И. Долбежева с очень примитивными рисунками. В ОАК за 1898 г. (стр. 141—156) вошли не все его рисунки.

⁴⁹ ОАК за 1898 г., стр. 147.

⁵⁰ М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 56, 57; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 2726 (отчет М. Г. Гаджиева), л. 22, табл. 19, А.

⁵¹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 124, табл. II, 2, 3.

⁵² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 26, рис. 4, 5—9.

II тысячелетия до н. э.)⁵³. В могильнике Карабудакхент II найдена серия сосудов с гладкой поверхностью. У них узкое дно, отвернут венчик, а на месте, где обычно проходит выпуклый валик или орнаментальный пояс, сделан уступ⁵⁴. Близкие по конфигурации сосуды извлечены и из курганов эпохи бронзы у ст. Манас⁵⁵. В таких известных памятниках Северо-Восточного Кавказа, как курганы у сел. Бамут, могильники Гинчи, Гатын-Кале, поселение «Сигитма скальная», также была обнаружена керамика, в определенной степени сходная с изучаемым типом посуды⁵⁶. А в курганах бассейна р. Сулак найдены целые серии горшков, уже почти не отличающиеся от описанных нами. Очень часто они покрыты обмазкой, украшены валиком и даже налепными дугами, прочерченным узором и т. д.⁵⁷ В период ранней и развитой бронзы (Карабудакхент II, Верхний Гуниб, Гатын-кале) появляются на сосудах налепы в виде рожек, трезубца и тамги «М», известные и по изучаемым нами памятникам (Манас, Каякент, Курчалой)⁵⁸. У многих сосудов предшествующего времени тулово также покрыто обмазкой, а венчик заглажен. Сосуды с ручками из селений Гуни и Согунты, относящиеся к эпохе бронзы, завершают серию посуды предшествующего времени и почти не отличаются от сосудов описанного типа. В свою очередь они могли послужить одной из исходных форм для возникновения в эпоху раннего железа корчагообразных сосудов с опущенным вниз

⁵³ В. М. Котович. Верхнегуньское поселение. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 100, 101, рис. 9, 20; 10, 1.

⁵⁴ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудакхент. МИА, 1956, № 68, стр. 152, рис. 5, 1, 2.

⁵⁵ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 179, 195, рис. 7, 5.

⁵⁶ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА, 84, 1961, стр. 59, рис. 17, 1, 3; М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филпала АН СССР, т. X. Махачкала, 1962, стр. 178, рис. 8, 6; В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. ДЧИ, стр. 86, рис. 21, 5 и др.; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1626 (отчет В. И. Канпвца, Г. М. Бурова), табл. 77, 89.

⁵⁷ В. И. Канпвцев, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД I, стр. 69, 74, рис. 5, 11; 9, 1; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 103, рис. 11, 1; 19, 1, 2.

⁵⁸ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники..., стр. 151, 152, рис. 4; 5; В. М. Котович. Верхнегуньское поселение, стр. 98, рис. 8, 12, 13; Она же. Верхнегуньское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 158, 160; В. И. Марковин. Новый памятник..., стр. 95, рис. 27, 17.

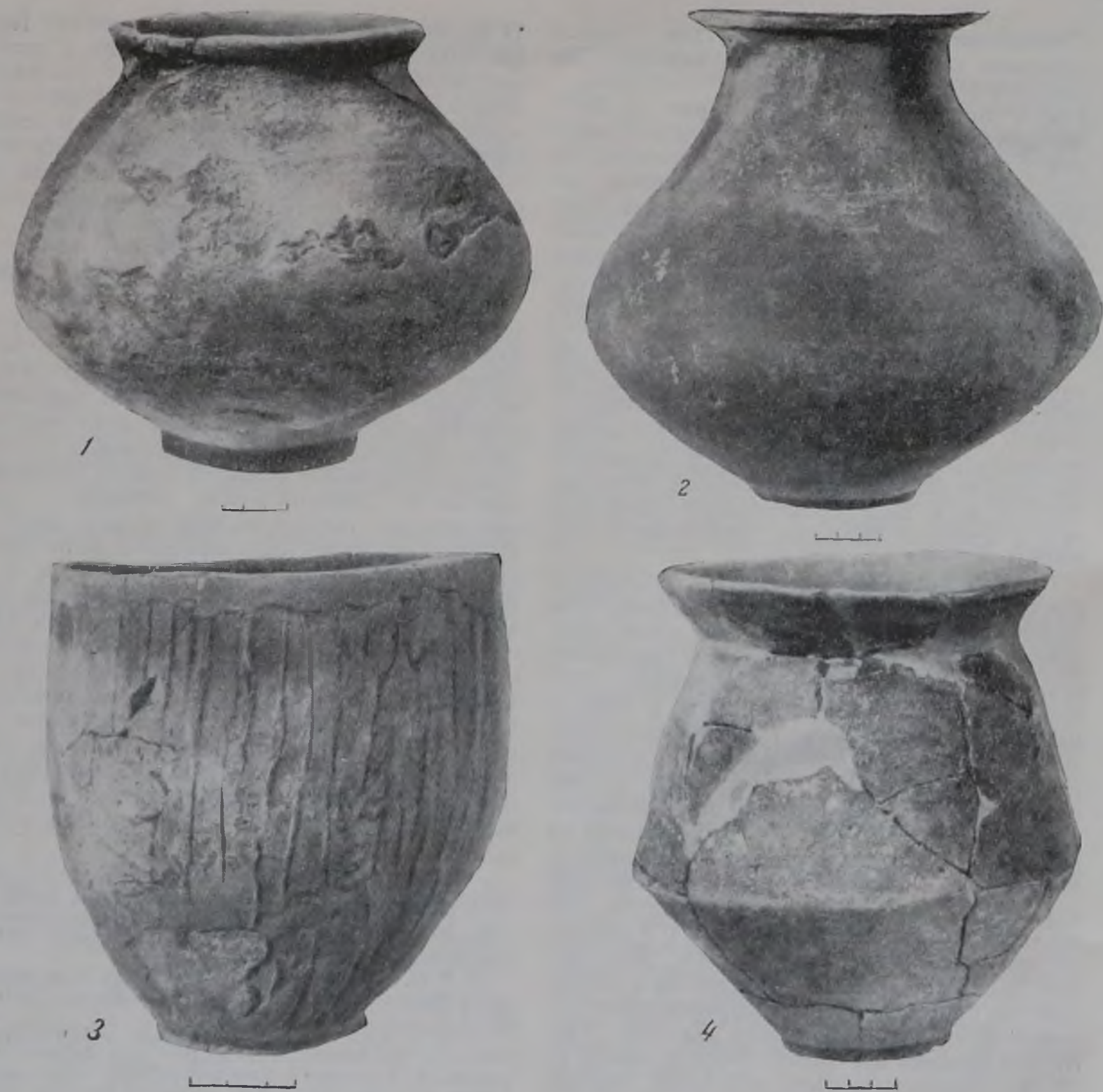

Рис. 22. Сосуды из могильника у сел. Зандак (Дагбаш)

1 — погребение 24; 2 — погребение 23; 3 — погребение 15; 4 — на территории могильника

корпусом (известны по могильникам Зандак, Исти-Су, Верхний Наур; рис. 22, 1, 2,).

Сосуды первого типа являются чисто местными и по форме, и по происхождению. Сосудов данного типа в степной части нашего Юга мы не знаем. К концу эпохи бронзы (со второй половины II тысячелетия до н. э.) они становятся особенно характерными для Севе-

ро-Восточного Кавказа и объединяют отмеченные нами памятники в единую культуру. Однако разница в степени заглаженности корпуса, в орнаментике позволяет выделить среди них три территориальные группы памятников, отличающиеся наличием в них той или иной группы сосудов.

1. Сосуды почти всегда покрыты густой

Рис. 23. Керамика 2-го и 3-го типов

Сосуды 2-го типа: 1, 2 — Хорокоевский могильник, погребения 20, 34; сосуды и обломки керамики 3-го типа: 3 — Хорокоевский могильник, погребение 18; 4, 10 — могильник I у сел. Тарки (4 — погребение 39; 10 — погребение 16); 5, 8 — район г. Махачкала (Краеведческий музей Дагестана, № 6477 и без номера); 6 — сел. Тарки, могильное поле у дороги к курорту Талги, из ящика; 7 — могильник у курорта

Талги, погребение 3; 9 — Кабарты-Кутан; 11—13 — зольник у сел. Курчалой (11 — кв. 9, гл. 0,40—0,50 м; 12 — кв. 7, гл. 1,40 м; 13 — кв. 5, гл. 1,20 м); 14 — могильник Яман-Су у сел. Шушня; 13 — раскопки А. П. Круглова; 4, 6, 10 — раскопки К. Ф. Смирнова; 5, 8 — случайные находки; 7 — раскопки М. И. Исакова; 9 — раскопки М. И. Пиккуль; 11—14 — раскопки В. И. Марковина

обмазкой. В декоре главное место занимают налепные валики. Территория — Восточная Чечня. 2. Сосуды большей частью покрыты обмазкой. В декоре сочетаются налепные валики, отдельные налепы и нарезной орнамент. Территория — Северный Дагестан до условной линии г. Изберг — Уч-Авлах — Урма. 3. Сосуды грубо заглаженные. Превалирует прочер-

ченный орнамент, дополненный отдельными налепами. Территория — южная часть Дагестана, за исключением узкого района вокруг сел. Маджалис.

Сосуды первой группы имеют псевдоручки в виде прямоугольных выступов и двурогих налепов; вторая группа почти не имеет подобных деталей; третья группа характеризуется

псевдоручками в виде «сосков» (по В. И. Долбежеву).

2-й тип. Сосуды с округлым, почти шаровидным корпусом, довольно узкой шейкой и отвернутым наружу венчиком. Дно у них широкое. Высота не превышает 23 см, диаметры устья 15 см и дна — 12—13 см⁵⁹. Подобных сосудов известно немного, в могилах они встречаются редко и заменяют более распространенные сосуды первого типа. Так, в погребениях 20 и 34 сел. Хорохой при костяках находились только подобные сосуды. Сосуд из погребения 20 снабжен ручкой в виде налепа с дугами, отходящими от него в стороны (рис. 23, 1); у сосуда из погребения 34 имеется прямоугольная псевдоручка (рис. 23, 2)⁶⁰. Обломки подобных горшков были найдены в Хорочовском погребении 49, в погребении 10 Талгинского могильника (М. И. Исаков описывает его так: «Сосуд со вздутыми плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком. Корпус рифленый; шейка заглажена и отделяется от тулова валиком...»⁶¹), в погребении 2 пос. Ачи-Су и среди находок с территории могильника Карабудахкент III⁶². Возможно, к этому же типу сосудов может быть отнесен горшок из погребения 26 в сел. Хорохой. На нем, судя по описанию А. П. Круглова, имелось выпуклое лицевое изображение («ручка воспроизводит нос, дугобразные валики — брови, а округлые выпуклости — глаза») ⁶³. Среди инвентаря могильника Зандак подобные сосуды встречаются довольно часто (погребения 24, 46 и др.)

В эпоху развитой бронзы сосуды подобных форм были уже известны. Таковы, например, сосуды из погребения 3 могильника Гатын-Кале⁶⁴, из кургана 8 у сел. Миатлы⁶⁵. Известно также лицевое изображение на сосуде из подкурганного погребения у сел. Бамут (хут. Новые Аршти). Сосуд этот, близкий по форме керамике первого типа, Р. М. Мунчаев относит к эпохе ранней бронзы⁶⁶.

⁵⁹ Диаметр устья у таких сосудов меньше их высоты на 7—8 см, а диаметр дна — на 9—10 см.

⁶⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 111, 117, 124, 131, рис. 33, 4; 48, 2.

⁶¹ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 130.

⁶² Работы К. Ф. Смирнова в 1951 г.

⁶³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 61. Нам этот сосуд в Гос. Эрмитаже среди хорочовских коллекций разыскать не удалось.

⁶⁴ Е. И. Крупнов. Новые источники..., стр. 108, рис. 39, 3; В. И. Маркович. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 54, рис. 2, 12.

⁶⁵ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 113, табл. III, 1, 5, 6.

⁶⁶ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии..., стр. 57, 59, рис. 17, 3.

Таким образом, керамика описанного типа находит аналогии в посуде предшествующего периода и продолжает бытовать в эпоху раннего железа (материалы из могильника Зандак).

3-й тип. Сосуды округлых контуров с туловом небольшого диаметра, довольно широким дном и слегка отвернутым венчиком (не превышает ширину тулова. Тип Б, по К. Ф. Смирнову⁶⁷). Некоторые из приземистых сосудов этого типа напоминают бабки. Предельная высота их — 32—33 см. Декорировка довольно бедна, по расположению соответствует декору сосудов первого типа. Посуда данных форм широко распространена. В могильнике у сел. Белгатой из погребения 5 был извлечен довольно гладкий сосуд с орнаментом «в виде валика с нарезками, к которому как бы подвешены небольшие дугобразно изогнутые валики, располагающиеся четырьмя группами, по два в каждой»⁶⁸. Из Хорохой известны три целых сосуда подобной формы (из погребения 9, украшенный тремя горизонтальными выступами с вдавлениями, из погребения 10 — горшочек с двурогим выступом и погребения 18 — с обмазкой, заглаженной лишь в верхней части, рис. 23, 3)⁶⁹ и обломки (из погребения 25 — с прямоугольными вдавлениями и двурогим выступом; погребения 31 — с наlepным валиком; погребения 50 — с неровной поверхностью и валиком)⁷⁰. Обломки сосудов со слегка отвернутым заглаженным венчиком и не очень крутыми плечиками встречались на всех глубинах зольника у сел. Курчалой (рис. 23, 11—13). М. И. Пикуль на Новолакском поселении (Банай) найдены обломки подобной посуды. В ее коллекции имеются черепки с валиками и дуговидными тяжами, горшок, покрытый обмазкой, с прямоугольными вдавлениями по плечикам⁷¹. Довольно низкий горшок со сглаженной поверхностью (рис. 23, 9) извлечен ею из гробницы Кабарты-Кутанского могильника (сел. Верхний Чир-Юрт)⁷². Сосуд с грубой поверхностью, слегка заглаженной у венчика, расчищен Н. Д. Путинцевой в ящике 2 у сел. Новый Чиркей (местность Бураган-Шоб). Шейка его украшена на-

⁶⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 248.

⁶⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 97.

⁶⁹ Там же, стр. 107, 108, 110, 111, 114, рис. 32, 2; 33, 2, 3.

⁷⁰ Гос. Эрмитаж, № 1807.

⁷¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950 (отчет Н. Д. Путинцевой).

⁷² М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 161, 162, рис. 3, 2 (рисунок очень плохой).

лепным валиком и насечками (рис. 6, 2)⁷³. Сосуды подобного типа найдены в Таркинском могильнике 1 (погребение 3 — раскопки Е. И. Крупнова; погребения 5, 16, 31, 35, 37, 39 — раскопки К. Ф. Смирнова, рис. 23, 4, 10)⁷⁴; в ящике, расчищенном под горой Таркитау, у дороги на курорт Талги (рис. 23, 6); в погребении 3 Талгинского могильника (рис. 23, 7)⁷⁵. В Дагестанском краеведческом музее хранятся два сосуда, происходящие из окрестностей города (рис. 23, 5, 8). Один из них украшен по плечикам вдавленным елочным узором, другой — врезам и псевдоручкой⁷⁶. Обломки посуды с вдавленными луночками и прорезанными треугольниками были найдены на Тарнаире (Новый поселок, г. Махачкала). Черепки с почти таким же орнаментом собраны Р. М. Мунчаевым в склепе 1 Чохского могильника (местность Нохала-Ад)⁷⁷. Можно еще назвать находки керамики третьего типа из могильников у селений Уч-Авлах (работы К. Ф. Смирнова), Кичи-Гамри (работы М. И. Пикуль), поселения Ашага-Сталь (разведки М. И. Исакова), сел. Каякент (погребение 28, раскопки В. И. Долбежева), поселения у сел. Нютюг (разведки М. И. Пикуль).

Сосуды третьего типа находят довольно близкие аналогии среди посуды более раннего времени. Так, подобная керамика — довольно приземистые горшки со слегка отогнутым устьем и широким дном — была найдена на Верхнегунибском поселении⁷⁸, в склепах Гинчи⁷⁹, Ирганая⁸⁰ и Гатын-Кале, в курганах ст. Манас⁸¹. Бытуют они и в памятниках эпохи

⁷³ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1950 (отчет Н. Д. Путинцевой).

⁷⁴ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 212, 213, рис. 5, 4; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 245, рис. 10, 2, 6. Сосуд из погребения 39 покрыт обмазкой и довольно высок.

⁷⁵ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 249, рис. 12, 7; М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 129, рис. 54, 1.

⁷⁶ Краеведческий музей ДАССР (г. Махачкала), первый сосуд без номера, второй — № 6477.

⁷⁷ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, 71, 1958, стр. 45, рис. 11, 1—5.

⁷⁸ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник..., стр. 146 и сл. (см. материалы всех культурных слоев).

⁷⁹ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы, стр. 171, рис. 3, 1, 2; Он же. О погребальном обряде племен горного Дагестана. «Уч. зап. ИИЯЛ, Даг. филлала АН СССР», т. XIII. Махачкала, 1964, стр. 242, рис. 7, 7.

⁸⁰ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 116, рис. 9, 1.

⁸¹ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 175, 179, 183; рис. 4; 7, 6; 10, 2.

раннего железа (Шушия, Зандак, Бети-Мохк, Старый Мугерган, Шаракур). Это тот тип посуды, который можно назвать бытовым, а значит, и повсеместным.

4-й тип. Сосуды биконической формы, остросереберные, с довольно широким дном и почти такой же величины устьем. Венчик у них едва отогнут. Имеют по одной ручке. Они напоминают средневековые и современные водоносные сосуды из меди («мучалы» кубачинцев)⁸². Мне известно только три целых сосуда этой формы: из Хорочовского погребения 8 (украшен валиком, высота его 27 см, диаметр устья 14,5 см, рис. 24, 2)⁸³, погребения 6 могильника у сел. Белгатой (по тулову и шейке сосуда проходят валики, высота его 29 см, диаметр устья 15,5 см, рис. 24, 1)⁸⁴ и сосуд менее четкой формы из погребения, открытого у хут. Мамай-Кутан (орнамент «елочка» проходит по тулову, высота 21 см, диаметр устья 13 см, рис. 24, 3)⁸⁵. Возможно, к этому же типу сосудов относится обломок с врезанным узором, найденный в сел. Нютюг (работы М. И. Пикуль).

Самой близкой аналогией сосудам данного типа является кувшин, найденный в склепе 6 могильника эпохи бронзы у сел. Гинчи. Он также имеет резкую профилировку, и по шейке, как и на сосуде из сел. Белгатой, проходит валик. Серия горшков менее четкой конфигурации была извлечена из погребений могильника Гатын-Кале. Небольшое количество подобных сосудов в памятниках эпохи бронзы и изучаемой культуры вероятно указывает на их возникновение именно в это время. Более упрощенных форм остросереберные горшки бытовали в Дагестане в скифо-сарматское время (могильники Карабудахкент I и II (рис. 24, 4)⁸⁶.

5-й тип. Сосуды удлиненных пропорций, с небольшим дном, широким, в виде раструба, устьем (оно равно ширине тулова или превышает его). Характерен угловатый перехват при переходе плечиков к устью. Этот тип сосудов в какой-то мере близок третьему типу (тип В, по К. Ф. Смирнову)⁸⁷, но отличается от него

⁸² Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 65, рис. 25, 1, 2.

⁸³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 106, рис. 26, 3.

⁸⁴ Там же, стр. 99, рис. 21, 2.

⁸⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 137, табл. VI, 9.

⁸⁶ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент, стр. 171, рис. 9, 4; К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албанско-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 191, рис. 21, № 235.

⁸⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 248.

Рис. 24. Сосуды 4-го и 5-го типов

1 — могильник у сел. Белгатой, погребение 6 (раскопки А. В. Мачинского); 2 — Хорокоевский могильник, погребение 8 (раскопки А. П. Круглова); 3 — могильник у хут. Мамай-Кутан (раскопки В. Г. Котовича); 4 — сосуд скифской эпохи из могильника Карабудахтент II, погребение 2 (раскопки К. Ф. Смирнова); 5 — могильник Чумус-Иниц (по В. Г. Котовичу); 6 — Хорокоевский могильник, погребение

13 (раскопки А. П. Круглова); 7 — Таркинский могильник 1, погребение 35 (раскопки К. Ф. Смирнова); 8 — Каякентский могильник, погребение 10 (раскопки В. И. Долбежева); 9 — могильник Бураган-Шоб у сел. Старый Чиркей (раскопки Н. Д. Путинцевой); 10—12 — Каякентский могильник, сосуды из погребений 2 (10, 11) и 3 (рисунки даны по В. И. Долбежеву); 1—4 — сосуды 4-го типа; 5—12 — сосуды 5-го типа

большей угловатостью форм. Высота сосудов не превышает 24 см. Близким к сосудам пятого типа является горшок, найденный В. Г. Котовичем в урочище Чумус-Иниц (рис. 24, 5). Он имеет слабовыделенный венчик, округлые контуры, корпус в обмазке (шейка сглажена)⁸⁸. Некоторой округлостью обладает также сосуд из погребения 13 Хорокоевского могильника (рис. 24, 6)⁸⁹. Обломки сосудов подобного типа найдены также в зольнике у сел. Курчалой и на Новолакском поселении (украшены валиком), известны они из района капчугайских наскальных изображений. Целую серию подобных сосудов упоминает К. Ф. Смирнов из могильника в районе сел. Тарки (погребения 5,

7, 31, 35 и др.)⁹⁰. Среди них имеются сосуды исключительно четкой формы (например, из погребения 35), лишённые всякой декорировки (рис. 24, 7)⁹¹. В районе хутора Мамай-Кутан В. Г. Котовичем в одной из гробниц был обнаружен подобный сосуд⁹². Судя по беглым зарисовкам В. И. Долбежева (рис. 24, 10—12), для Каякентского могильника этот тип керамики являлся одним из ведущих. Сосуды подобных пропорций, покрытые елочным узором (рис. 24, 8), происходят из погребений 2, 5, 10, 11, 18, 28⁹³. Некоторые из них имели псевдоруч-

⁸⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 251.

⁸⁹ Там же, стр. 245, рис. 10, 3.

⁹⁰ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 137, табл. VI, 11.

⁹¹ Сосуд из погребения 10, хранится в ГИМ (№ 40753, п. 36/56).

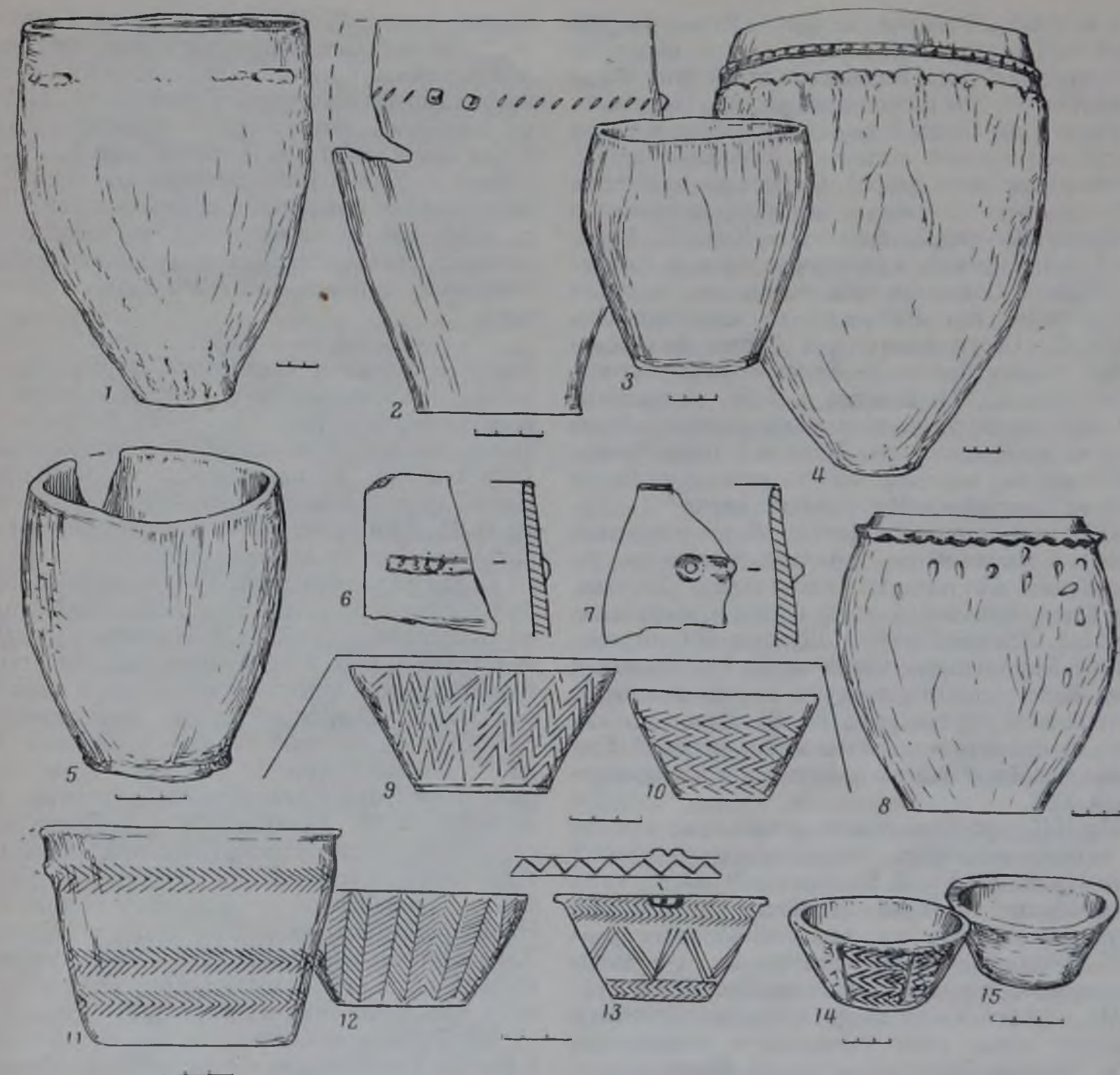

Рис. 25. Керамика 6-го и 7-го типов

1 — Хорокоевский могильник, погребение 35 (раскопки А. П. Круглова); 2 — Таркинский могильник 1, погребение 16 (раскопки К. Ф. Смирнова); 3, 4 — Таркинский могильник 2, каменный ящик (раскопки К. Ф. Смирнова); 5 — Кабарты-Кутан (раскопки М. И. Пикуль); 6, 7 — зольник у сел. Курчалой (кв. 5, гл. 1—1,20 м, раскопки В. И. Марковина); 8 — г. Грозный, краеведческий музей Чече-

но-Ингушетии, № 2946(48); 9—13 — Каякентский могильник, из погребений 9, 17, 31, 16, 13 (раскопки В. И. Долбежева); 14 — могильник у хут. Мамай-Кутан (раскопки В. Г. Котовича); 15 — Таркинский могильник I (раскопки Е. И. Крупнова); 1—8 — сосуды 6-го типа, 9—15 — сосуды 7-го типа

ки — «соски». Сосуды близкой формы известны по таким памятникам эпохи бронзы, как Гоно, Гинчи, Гатын-Кале⁹⁴. Судя по отдельным фрагментам, посуда данного типа бытует

⁹⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 35, рис. 20, 3; М. Г. Гаджиев. О погребальном обряде..., стр. 240, рис. 5; В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 100, рис. 30, 13.

долго (могильник Шушпа, поселение Гельдиген)⁹⁵.

Сосуды пятого типа редко украшены. Эта посуда служила для повседневного обихода. Территориально декор ее может быть сведен к областям, намеченным ранее для сосудов первого типа.

⁹⁵ Разведки автора в Чечне.

6-й тип. Высокие и приземистые сосуды округлых контуров с устьем, слегка обращенным внутрь сосуда. Вариантом этого типа могут считаться сосуды конической формы. Высота их варьирует от 39 до 6 см. Декор сосудов беден (налепные валки, шпечки, отдельные врезки, кайма из елочного узора). Сосуды шестого типа широко представлены в бытовых памятниках (зольник Курчалой, поселение Хиндой, Новолакское поселение, культурные слои в Капчугае, Нижне-Сигитминском поселении, находки у ст. Алмало, сел. Нютюг и в могильниках (рис. 25, 1—7). Сосуд конической формы был обнаружен в погребении 35 Хорокоевского могильника (рис. 25, 1). Венчик у него не выделен и «отличается от стенок сосуда лишь более гладкой поверхностью». Украшен шпечками-налепами по верхней части: «три группы из четырех выпуклостей и одна из двух»⁹⁶.

Обломки высокого сосуда более округлой формы с шпечками у устья извлечены из погребения 41 того же могильника. Сосуды, покрытые обмазкой, были найдены в погребениях у сел. Ишхой-Юрт⁹⁷ и Шущя. Из погребения 16 Таркинского могильника 1 происходит сосуд более мягкого контура с устьем, слегка обращенным внутрь (рис. 25, 2). Декор его состоит из налепов и штрихов между ними⁹⁸. Три сосуда подобной формы найдены и в могильнике Тарки II⁹⁹.

Из Кабарты-Кутанского могильника известно четыре подобных сосуда довольно грубой лепки (рис. 25, 5). В Каякентском могильнике в погребении 12 В. И. Долбежева нашел сосуд округлых очертаний с пояском елочного узора¹⁰⁰. Обломки сосудов описанного типа были обнаружены и в могильнике Ак-Яр.

Не представляет особого труда подыскать аналогии этому типу керамики в памятниках эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа разных ее хронологических отрезков. Таковы сосуды из Великентского поселения¹⁰¹, Гоно¹⁰²,

⁹⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 110, 131, рис. 32, 4.

⁹⁷ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 65, 67, рис. 23, 16.

⁹⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 245, рис. 10, 1.

⁹⁹ Там же, стр. 249, рис. 12, 8, 9. У К. Ф. Смирнова в типе В керамики объединены 5-й и 6-й типы, выделенные нами (см. стр. 251 указ. соч.).

¹⁰⁰ Архив ЛОИА АН СССР, д. 45, 1898 г., лл. 82, 83.

¹⁰¹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 128, табл. III, 3, а также коллекции из Гоно, хранящиеся в ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР (г. Махачкала).

¹⁰² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 35, рис. 20, 4, 5.

Гинчи (склеп 2)¹⁰³, из погребений Гатын-Кале¹⁰⁴. Не исчезает традиция изготовления подобной керамики и в более позднее время (могильники Старый Мугерган, Балан-Су и др.). Именно подобного типа сосуд с валиком у самого устья был найден в г. Грозном (рис. 25, 8). Характер валика и расположение его близ устья не оставляют сомнения в принадлежности сосуда скифскому времени, но тулово, покрытое комочками глины, указывает на явное влияние гончарных приемов носителей изучаемой культуры¹⁰⁵.

7-й тип. Миски и чаши. Сосуды этого типа имеют в основном коническую форму. Они довольно приземисты, дно у них узкое, устье широко развернуто (рис. 25, 9—15). Нам известно только два сосуда со слегка выделенной шейкой (перехватом). Таковы сосуды из могильника Кичи-Гамри и Каякент (погребение 31, раскопки В. И. Долбежева). Оба сосуда орнаментированы врезанным елочным узором.

Среди керамики данной серии сосуды округлых контуров мне известны только из Новолакского поселения (работы М. И. Пиккуль), остальная масса мисок и чаш имеет довольно строго геометрические контуры усеченного с двух сторон конуса. Таковы сосуды из поселения близ сел. Анди¹⁰⁶, из могильников у селений Тарки¹⁰⁷, Мамай-Кутан¹⁰⁸, Берекей¹⁰⁹, из целого ряда погребений Каякентского могильника (погребения 9, 11, 13, 16, 17 и др.). Более всего встречаются такие чаши в Каякенте. Очень мало погребений, в которых, по словам В. И. Долбежева, на дне могилы не лежала бы «плошка»¹¹⁰. Наоборот, таких чаш (плошек) не найдено в Хорокоевском могильнике. Это еще раз позволяет рассматривать наличие таких чаш в погребениях как местную черту ритуала.

Необходимо отметить еще два сосуда: сосуд с сильно утолщенным краем устья из Новолакского поселения и сосуд с грубыми выступами из каменного ящика, расчищенного в районе

¹⁰³ Материалы М. Г. Гаджиева не опубликованы.

¹⁰⁴ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы..., стр. 72, 73, рис. 13, 1, 3; 14, 1 и др.

¹⁰⁵ Краеведческий музей ЧИАССР (г. Грозный), № 2946/48.

¹⁰⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 94, 95, рис. 19, 2.

¹⁰⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 213, рис. 5, 2; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 249, рис. 12, 10.

¹⁰⁸ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 137, табл. VI, 10.

¹⁰⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 145, рис. 70, 4; в работе — как происходящий из сел. Ведено (см. Гос. Эрмитаж, № 17739).

¹¹⁰ ОАК за 1898 г., стр. 145 и сл.

сел. Тарки (каменоломня)¹¹¹. Оба сосуда являются некоторыми вариантами данного типа.

Сосуды — чаши и миски широко известны в памятниках эпохи бронзы¹¹². Этот тип керамики хорошо известен и в последующее время (напомним памятники Гельгиден, Галайты, Карабудахкент I и т. д.)¹¹³. И чем ближе к концу I тысячелетия до н. э., тем более расширяется ассортимент подобной посуды, тем многообразнее становится форма мисок, чаш, блюдец.

Нами рассмотрены основные типы каякентско-хорокоевской керамики. Несомненно, указанными типами сосудов не исчерпывается все многообразие местной керамики. Так, на поселении у сел. Анди найден приземистый горшок округлой формы с ручкой¹¹⁴, а в погребении 18 Каякентского могильника — сосудик с узким дном и шейкой и утолщенным корпусом¹¹⁵. Эти сосуды не могут быть введены ни в один из выделенных нами типов посуды. Единичны также по форме чаша из Берекейского могильника¹¹⁶ и сосуд конической формы с четырьмя ножками из погребения 15 Каякентского могильника (этой чашей был прикрыт крупный сосуд)¹¹⁷. Возможно, дальнейшие полевые работы позволят, с накоплением материала, выделить еще несколько видов посуды, характерных для культуры.

К. Ф. Смирнов отмечает разницу в прочности посуды из разных памятников. Так, хорокоевская керамика, по его мнению, отличается слабостью обжига — она легко разваливается; таркинская и каякентская посуда кажется более прочной¹¹⁸. Несомненно, не может быть посуды единого по качеству обжига из разных памятников, но видеть в этом какие-либо локальные особенности трудно. Качество посуды из археологических памятников прежде всего зависит от

¹¹¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 249, рис. 12, 10.

¹¹² В. И. Марковин. Новый памятник эпохи..., стр. 116, 117.

¹¹³ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни, стр. 65, рис. 23, 14, 15; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии, СА, 1964, № 1, стр. 161, рис. 3, 5; К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 191, рис. 21, № 389.

¹¹⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 95, рис. 19, 3.

¹¹⁵ ОАК за 1898 г., стр. 150, рис. 20.

¹¹⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 145, рис. 70, 6.

¹¹⁷ ОАК за 1898 г., стр. 148, 149, рис. 15; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник древней Албании. «Труды ГИМ», XI. М., 1940 стр. 11, рис. 1.

¹¹⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 246, 248.

почвенных условий, в которых находился объект (сухость и влажность почвы, состав ее и т. д.). В Чечне, где высок травостой (особенно в районе сел. Хорокой) и очень часты дожди, даже в поздних памятниках керамика сохраняется крайне плохо.

Локальные черты в керамике прослеживаются в преобладании тех или иных типов посуды, в ее орнаментике. Сейчас можно утверждать следующее: посуда первого типа является руководящей для памятников культуры; характерна для нее также керамика 3-го, 5-го, 6-го типов; чаши и миски (7-й тип) преобладают в памятниках, близких Каякентскому могильнику. Для всех типов посуды характерны одни и те же приемы орнаментации. На территории Восточной Чечни — это в основном налепные валики; для большей части Дагестана (до условно намечаемой линии Изберг — Уч-Авлах — Урма) — сочетание налепных валиков и прочерченного узора; ниже этой линии преобладает прочерченный узор и отдельные налепы (Инчхе, Ленинкент, Каякент, Мамай-Кутан, Ак-Яр и др.). Однако в узком районе, ограниченном пунктами Дагестанские Огни, Маджалис, снова видим посуду с налепными валиками. Некоторые из местных сосудов покрыты обмазкой.

Как видно из нашего обзора, керамика культуры своими формами и элементами орнамента обязана всему предшествующему развитию, прототипы этой керамики можно обнаружить в местных памятниках IV — II тысячелетий до н. э., а манера покрывать посуду обмазкой прослеживается даже в памятниках позднего неолита. И такие детали, как ручки, так не характерные для каякентско-хорокоевской посуды (рис. 20, 8), живо напоминают ручки, встречающиеся на керамике куро-аракского «энеолита» и бронзы.

Изделия из глины не ограничиваются только посудой. В памятниках каякентско-хорокоевской культуры известны отдельные уникальные находки.

Таков, в первую очередь, предмет в виде катушки, найденный К. Ф. Смирновым в гробнице могильника Тарки II. Небольшой предмет высотой в 3,2 см действительно напоминает современные катушки для ниток (рис. 26, 1), снабжен желобком и сквозным отверстием. Предмет лежал возле руки мужского костяка¹¹⁹. Возможно, «катушка» действительно служила для намотки нитки или лесы.

В районе сел. Капчугай, возле шестой гряды скал с изображениями, найдено колесо от моде-

¹¹⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 245, 253, рис. 13, 8.

Рис. 26. Предметы из глины (1—4) и бронзы (5—17)

1 — «катушка», Таркинский могильник II, каменный ящик; 2 — модель колеса, Капчугай, скальный увал № 6; 3, 4 — пряслица, зольник у сел. Курчалой (кв. 5, 7, гл. 1,20 и 1,30 м); 5 — четырехгранное шило, гора Тарки-тау, в районе Таркинского могильника II, 6, 8 — ножи, Талгинский могильник, находки из погребений 1 и 6; 7 — листовидный нож, каменный ящик у сел. Тарки; 9 — конусовидный колпачок, сел. Ведено; 10—15 — полусферические колпачки разных форм (10 — находка из сел. Ведено; 11 — Миатлы,

погребение в кургане XI группы; 12—15 — Хорошеевский могильник, из погребений 1, 2, 5, 27); 16 — застенка, Таркинский могильник II, каменный ящик; 17 — ворворка, Таркинский могильник I, погребение 35; 1, 16, 17 — раскопки К. Ф. Смирнова; 2—5, 7, 14 — раскопки и сборы В. И. Марковина; 6, 8 — раскопки М. И. Исакова; 9, 12 — сборы Н. В. Орла; 10, 13, 15 — раскопки А. П. Круглова; 11 — раскопки И. П. Костюченко

ли повозки (рис. 26, 2)¹²⁰. Подобные находки известны для памятников III тысячелетия до н. э.¹²¹ В пределах Дагестана находки глиняных

¹²⁰ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 329, рис. 46.

¹²¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 33.

колес встречены на поселениях Великент¹²² и Джемикент¹²³, в склепе 3 могильника Гин-

¹²² В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 122, 124, табл. I, 6.

¹²³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 35, рис. 8, 6. В настоящее время много подобных моделей найдено в результате раскопок поселения Сержен-Юрт в Чечне. См. Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962,

чи¹²⁴. Более рядовой находкой являются глиняные пряслица с цилиндрическими отверстиями (рис. 26, 3, 4). Найдены они в зольнике у сел. Курчалой.

Изделия из металла. В погребениях каякентско-хорочоевской культуры изделия из металла не столь многочисленны. Это оружие, орудия труда и украшения. Первые две категории предметов представлены изделиями из бронзы, украшения — из бронзы и сурьмы. Интересен химический состав бронзовых изделий. Исследования находок Хорошеевского могильника, произведенные А. А. Лаптевым, показали, что вещи изготовлены из бронзы со следами олова, но для многих вещей, в том числе браслетов, олово не отмечено¹²⁵. К сожалению, при анализе, видимо, не определялось содержание мышьяка в металле, а современные данные указывают на преобладающее использование в древности медно-мышьяковистых сплавов¹²⁶. Из таких сплавов изготовлены вещи Гонабского могильника (Дагестан)¹²⁷ и более позднего памятника — могильника Гатын-Кале (Чечня)¹²⁸. Некоторые из находок этого могильника (пластинчатые височные подвески, полусферические колпачки) очень близки предметам из Хорочая. Возможно, и последние были сделаны из мышьяковистой бронзы. Это прежде всего в определенной степени указывает на дату изучаемых памятников, так как кобанские бронзы (начало I тысячелетия до н. э.) уже содержат олово в значительном количестве¹²⁹. Металлические предметы из могильника у сел. Зандак, содержащего материалы, интересные для нашей темы, сделаны уже из оловянистой бронзы (до 10% в отдельных предметах)¹³⁰. На возможность перехода в пре-

делах одной культуры от одного вида сплавов — мышьяковистых к другим — оловянистым указывают также анализы небольшого количества металлических находок из зольника у сел. Курчалой, где почти все находки сделаны из мышьяковистой бронзы¹³¹.

Еще А. П. Круглов обратил внимание на то, что в исследованных им памятниках, за исключением могильника у сел. Берекей, нигде не найдены предметы вооружения. Вероятно, поэтому свои материалы А. П. Круглов вынужден был дополнить рядом случайных находок¹³². Сейчас мы имеем возможность дать небольшую сводку оружия из погребальных памятников.

1. Медный (?) наконечник стрелы листовидной формы с плоским широким черешком. Длина 6,9 см. Найден Б. Е. Дегеном-Ковалевским в погребении 3 могильника у сел. Берекей¹³³. Как на аналогю предмета А. П. Круглов ссылается на находки А. А. Иванова, сделанные в могилах между селениями Калакент и Кедабек (Азербайджан)¹³⁴.

2. «Наконечник бронзового втульчатого копья» или «медный копьевидный нож» (длиной в 17 см) был найден М. И. Исаковым в каменном ящике могильника у сел. Тарки, в дальнейшем утерян¹³⁵.

3. Бронзовый листовидный нож. Длина его 12,6 см, ширина лезвия 3,3 см. Найден автором и Л. Г. Серостановой в каменном ящике у сел. Тарки (близ мусульманского кладбища). В этом же ящике обнаружены сосуд, два браслета и сердоликовая бусина (рис. 26, 7)¹³⁶.

4. Бронзовый нож-кинжал с обоюдоострым лезвием (рис. 26, 6). Черенковая часть обломана. Длина его 17 см, ширина в верхней части 3,5 см. Найден М. И. Исаковым в погребении 1 могильника у курорта Талги¹³⁷.

5. Бронзовый «копьевидный нож с продольным ребром» (рис. 26, 8). Черенковая часть отломана. Длина его 15 см. Найден М. И. Исаковым в погребении 6 могильника у курорта Талги¹³⁸.

¹³¹ Анализы Е. Н. Черных (1965 г.).

¹³² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 73 и сл., рис. 18.

¹³³ Там же, стр. 73, 144. Этот наконечник мне видеть не удалось.

¹³⁴ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК VI, М., 1911, табл. VIII, 27, 32 и 34.

¹³⁵ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 210, 222; М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 131.

¹³⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 242, 255, рис. 14, 4. Хранится в краеведческом музее ДАССР (г. Махачкала).

¹³⁷ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 1.

¹³⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. МАД I, стр. 226.

№ 3, стр. 185, 186, рис. 5, 11; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержен-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, 88, 1962, стр. 40, 41, рис. 3, 14; А. А. Иерусалимская, В. М. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у сел. Сержен-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, 94, 1963, стр. 45, рис. 11, 9; В. И. Козенкова. Исследование Сержен-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, 103, 1965, стр. 67, 68, рис. 23, 6.

¹²⁴ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы, стр. 179, 180, рис. 9, 1.

¹²⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 79, 80, табл. 4.

¹²⁶ Е. Н. Черных. О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла. «Изв. АН Арм. ССР», XVIII, № 3-4, 1965, стр. 114, 115.

¹²⁷ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 34, табл. I.

¹²⁸ Е. Н. Черных. Спектральные исследования металлических изделий из могильника Гатын-Кале. ДЧИ, стр. 136 и сл., табл. I.

¹²⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 317 и сл.

¹³⁰ Анализы делал Е. Н. Черных в 1964 г.

6. Бронзовый листовидный нож с черенком («копье»), обнаружен в 1965 г. в ящике у сел. Кафыр-Кумух¹³⁹.

Таковы находки оружия, сделанные в каменных ящиках и, за исключением селений Берекей и Кафыр-Кумух, в довольно узком районе — окрестностях г. Махачкала. М. И. Исаков упоминает также бронзовое копье из могильника Хаченег у сел. Леваши. Эти материалы могут быть дополнены еще находками, сделанными в могильнике Зандак, хотя следует оговориться, что данный памятник дает материалы смешанного облика и к ним нужно подходить осторожно¹⁴⁰, с учетом разновременности местных погребений: если ни в одном из каякентско-хорочевских погребений до сих пор не найдены железные изделия, то в Зандаке многие могилы содержали железо. Так, в Зандакском могильнике в отдельных каменных ящиках были найдены бронзовые ножи (кинжалы) с закругленным окончанием клинка, с невыделенным черенком (погребение 1 — раскопки М. И. Пиккуль¹⁴¹, погребение 15 — раскопки автора¹⁴²). Длина их достигает 21 см. Известны также находки кинжального клинка (его длина 12,2 см) ромбическо-листовидной формы с отверстиями для прикрепления рукояти (погребение 9)¹⁴³; сильно заостренного клинка с черенком (погребение 38; в этой могиле найдено также втульчатое железное копье)¹⁴⁴; бронзового втульчатого копья длиной 28,6 см (погребение 10)¹⁴⁵; бронзовой булавы с дужкой в верхней части — очевидно, она могла употребляться и как кистень (погребение 33), массы бронзовых двуперых стрел-площиков и т. д. Как видно, к моменту появления железа, употреблявшегося для небольших ножей и копий, количество бронзового оружия увеличивается. Однако Зандакский могильник не может быть показателем для всей культуры¹⁴⁶ — как правило, в

погребальных памятниках каякентско-хорочевской культуры оружие встречается редко. В памятниках ее совершенно не известны предметы вооружения, изготовленные из железа. Единичность находок позволяет нам не увлекаться их типологией, листовидные формы ножей-кинжалов явно преобладают.

Среди орудий труда можно отметить всего две находки бронзовых шилей обычной для эпохи бронзы четырехгранной формы с приостренными концами (рис. 26, 5). Оба найдены автором в районе сел. Тарки в земле из разрушенных ящиков. Судя по находкам в могильниках селений Зандак и Балан-Су, такие шили имели рукояти, сделанные из дерева и кости. Длина наших находок не превышает 8,5 см.

Большая часть металлических предметов представляет собой украшения. Все основные категории их сделаны из бронзы.

Браслеты обычно носили только женщины на предплечьях рук и запястьях. Однако в погребении, вскрытом К. Ф. Смирновым на могильнике Тарки II, при костяке рослого мужчины лежали три браслета. Они находились на лучевых и локтевых костях левой руки¹⁴⁷. В Хорокое в погребении 46 А. П. Круглов обнаружил браслеты при мужском скелете¹⁴⁸. Как правило, на каждой руке носили по одному браслету, но иногда в погребениях встречается всего один браслет. Лишь в Каякентском могильнике В. И. Долбежев зафиксировал наличие сразу четырех браслетов на одной левой руке (погребения 10 и 16)¹⁴⁹. Обычно в одном погребении встречаются однотипные браслеты, но известны факты ношения разнотипных (массивных и проволоочных) браслетов (Каякент, погребение 17)¹⁵⁰.

Наиболее распространенным типом браслетов являются массивные браслеты (возможно, литые), согнутые в виде овального или круглого кольца величиной 8 × 7 и 7 × 7 см (несколько больше или меньше этих размеров, рис. 27, 1—6). Концы их сближены и слегка приострены (сел. Тарки — находка автора; могильник Тарки II¹⁵¹, Хорокой, погребения

щено особое исследование. При дальнейшем описании материалы этого памятника будут упоминаться лишь спорадически, так как их богатство может лишь помешать верному представлению о памятниках культуры.

¹⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 241, 242, 253, рис. 9, 1; 13, 1.

¹⁴⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 71.

¹⁴⁹ ОАК за 1898 г., стр. 147, 149.

¹⁵⁰ Там же, стр. 150.

¹⁵¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 102, 253, 255, рис. 13, 1, 4; 14, 1, 2.

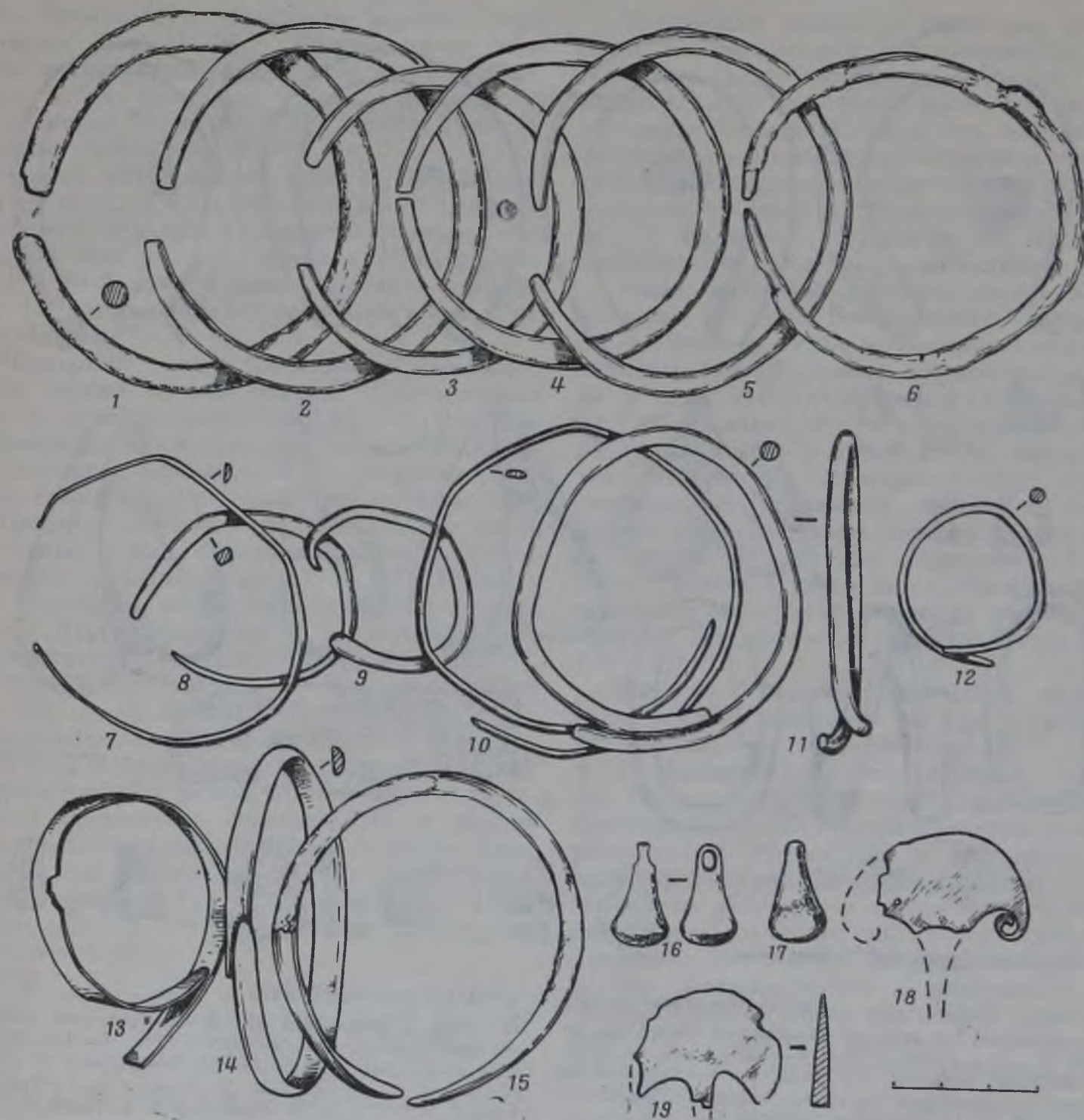

Рис. 27. Бронзовые браслеты (1—15), другие украшения (16—19)

1—6 — браслеты 1-го типа (1 — Каякентский могильник; каменный ящик 2 у сел. Тарки; 3 — Таркинский могильник II; 4, 5 — Хорокоевский могильник, из погребений 2 и 29; 6 — Миатлы, из погребения 2 кургана XI группы); 7—9 — браслеты 2-го типа (7 — Таркинский могильник II; 8 — Таркинский могильник I, погребение 6; 9 — Талгинский могильник, погребение 1); 10—12 — браслеты 3-го типа (10 — могильник Нохала-Ад у сел. Чох; 11 — Манас, из погребения 1 кургана I; 12 — Уч-Авлах); 13 — браслет 4-го типа, Хорокоевский могильник, погребение 46; 14, 15 — браслеты 5-го типа (14 —

Маджалис; 15 — Миатлы, из погребения кургана XI группы); 16, 17 — бусины-подвески (16 — Таркинский могильник II; 17 — Талгинский могильник, погребение 1); 18, 19 — напершья булавок (18 — Маджалис; 19 — Талгинский могильник, погребение 1); 8, 9, 12 — браслеты детские; 1 — раскопки В. И. Долбежева; 2 — раскопки В. И. Марковина; 3, 7, 8, 11, 16 — раскопки К. Ф. Смирнова; 4, 5, 13 — раскопки А. П. Круглова; 6, 15 — раскопки И. П. Костюченко; 9, 12, 17, 19 — раскопки М. И. Исакова; 10 — раскопки Р. М. Мунчаева; 14, 18 — раскопки Б. Е. Дегена-Ковалевского

¹³⁹ За информацию о памятнике и присланные фотоснимки привошу благодарность В. М. Котович и В. Г. Котовичу.

¹⁴⁰ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, 98, 1964, стр. 84—87; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100, 1965, стр. 46, 47.

¹⁴¹ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX. Махачкала, 1961, стр. 304, 305, табл. III, 1, 3. На кивжалах, найденных М. И. Пиккулем, имеются следы железа.

¹⁴² В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 84, 85, рис. 24, 5.

¹⁴³ Там же, стр. 84, 85, рис. 24, 4.

¹⁴⁴ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 46, 47, рис. 18, 6.

¹⁴⁵ В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 84, 85, рис. 24, 1.

¹⁴⁶ Могильнику у сел. Зандак должно быть посвя-

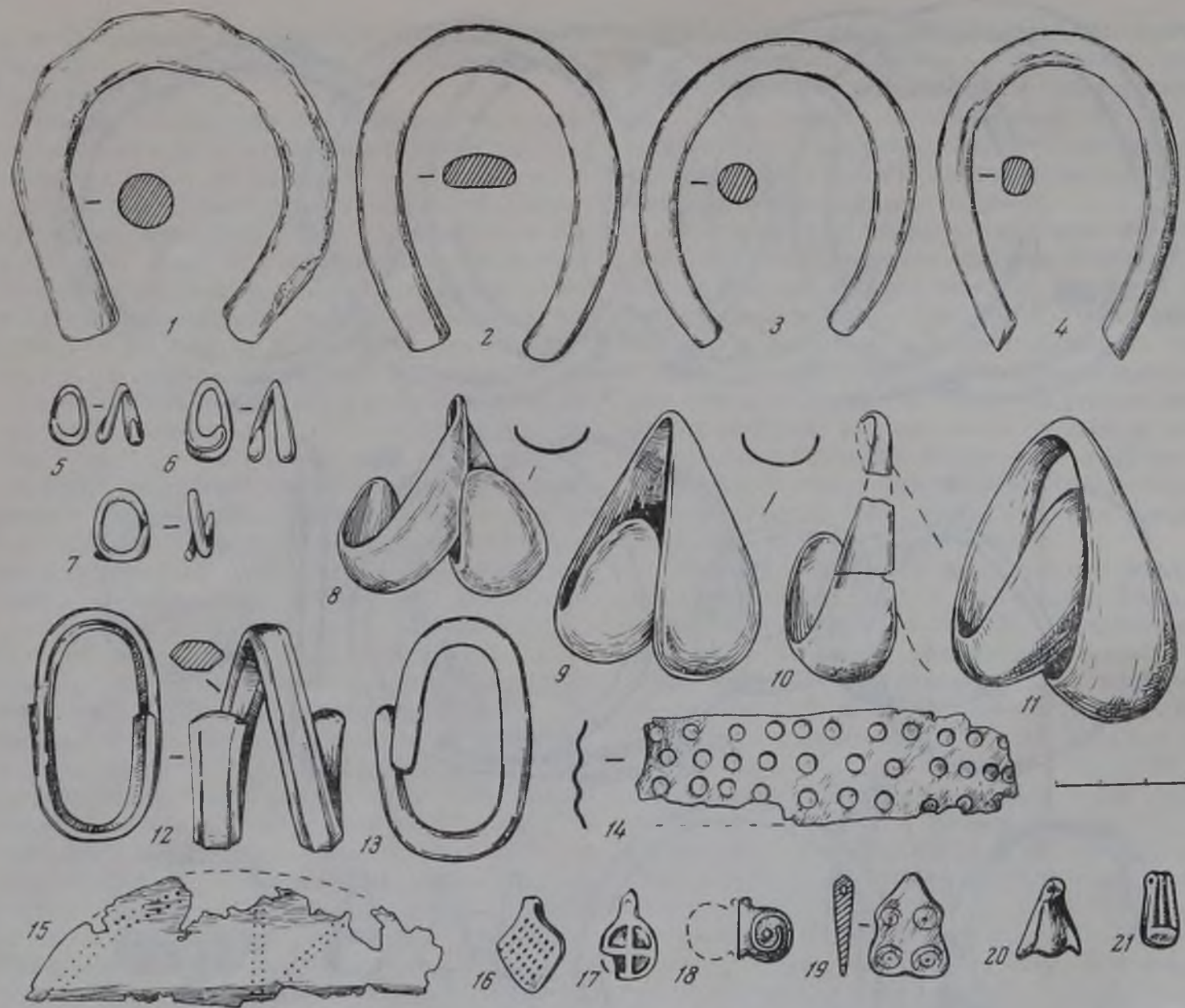

Рис. 28. Предметы из бронзы (1—15) и сурьмы (16—21)

1—4 — браслеты 6-го типа (1 — Талгинский могильник, погребение 1; 2, 3 — Кафыр-Кумух; 4 — Манас, погребение 1); 5—7 — височные подвески 1-го типа (5, 6 — Хорокоевский могильник, из погребений 2 и 16; 7 — Талгинский могильник, погребение 1); 8—11 — височные подвески 2-го типа (8 — Хорокоевский могильник, погребение 5; 9 — Буйнакск, из могилы XXVI (?); 10 — Каякентский могильник; 11 — Мамай-Кутан; 12, 13 — височные подвески 3-го типа (12 — Зандак, погребение 38; 13 — Кабарты-Кутан); 14 — налобная лента, Таркинский могильник II; 15 — обломок бляхи, Таркинский

могильник I, погребение 37; 16—21 — подвески (16 — Каякентский могильник, погребение 16; 17, 19, 20 — Хорокоевский могильник, погребение 2; 18 — Ведено; 21 — Мамай-Кутан); 1, 7 — раскопки М. И. Исакова, 2, 3 — Гос. Музей Грузии, № 147; 4, 14, 15 — раскопки К. Ф. Смирнова; 5, 6, 8, 17, 19, 20 — раскопки А. П. Круглова; 9 — раскопки Ф. А. Афанасьева; 10, 16 — раскопки В. И. Долбежева; 11 — раскопки В. Г. Котовича; 12 — раскопки В. И. Марковина; 13, 21 — раскопки М. И. Пиккуль; 18 — сборы Н. В. Орла

2, 5, 29¹⁵²; овраг Ачи у сел. Чиркей¹⁵³) или ровно обрезаны (Хорокой, погребения 16, 27¹⁵⁴, Каякентский могильник¹⁵⁵, Мамай-Кутан¹⁵⁶,

¹⁵² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 114, 123.

¹⁵³ Работы Н. Д. Путинцевой.

¹⁵⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 114, 121, 123, рис. 47, 9, 10.

¹⁵⁵ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., табл. I, 4, а также см. коллекции в ГИМ.

¹⁵⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 137, табл. VI, 1.

Миатлы, погребение 2 из кургана XI группы¹⁵⁷). Сечение прута у таких браслетов круглое, овальное или подтреугольное. В этом случае ребро приходится на внутреннюю часть предмета. Таков первый тип браслетов¹⁵⁸.

Не менее распространены браслеты второго

¹⁵⁷ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганского поля..., стр. 119, рис. 24, 1.

¹⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 252. Он также выделяет этот тип браслетов.

типа, сделанные из проволоки неравномерной проковки (рис. 27, 7—9). Согнуты такие браслеты неаккуратно, один конец или оба заострены и не сомкнуты. Таковы браслеты из могильников Тарки 1 и 2¹⁵⁹, у курорта Талги¹⁶⁰, Каякент, погребение 17¹⁶¹.

Третий тип браслетов (рис. 27, 10—12) сделан из круглой в сечении проволоки и представляет собой кольца неправильной формы с заходящими друг на друга концами (Чох, Маджаллис¹⁶²; Уч-Авлах¹⁶³; Манас, курган 1, погребение 1¹⁶⁴; могильник Бураган-Шоб у сел. Старый Чиркей¹⁶⁵).

Четвертый тип браслетов представляет собой тонкие полосы металла с заходящими друг за друга концами (рис. 27, 13). Особенно небрежно сделаны браслеты из погребения 47 Хорокоевского могильника¹⁶⁶. Возможно, они были свернуты непосредственно на руке.

Пятый тип браслетов представляет собой массивные полосы бронзы овального и подтреугольного сечения (рис. 27, 14, 15). Концы у них сплющены, закруглены и заходят друг за друга (Дарго, Маджаллис¹⁶⁷, Миатлы, погребение 1 кургана XI группы¹⁶⁸, Кабарты-Кутан¹⁶⁹).

Шестой тип браслетов наиболее оригинален (рис. 28, 1—4). Массивный стержень круглого и овального сечения толщиной до 1 см изогнут в виде подковы. Слегка утоньшенные концы срезаны прямо и далеко отстоят друг от друга. В этот промежуток, вероятно, еще в детстве просовывалась рука. Подобные браслеты известны из сел. Кафыр-Кумух¹⁷⁰, ст. Манас (курган 1, погребение 1)¹⁷¹, Талгинского могильника (погребение 1)¹⁷², Зандакского могильника (погребение 15).

¹⁵⁹ Материалы работ Е. И. Крупнова в 1947 г. (погребение 6). См. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 215; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 252, 253, рис. 13, 1.

¹⁶⁰ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 128, рис. 53, 3.

¹⁶¹ ОАК за 1898 г., стр. 150.

¹⁶² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 146.

¹⁶³ Материалы раскопок М. И. Исакова.

¹⁶⁴ Материалы раскопок К. Ф. Смирнова.

¹⁶⁵ Материалы раскопок Н. Д. Путинцевой.

¹⁶⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 137, 138, рис. 62, 10, 11.

¹⁶⁷ Там же, стр. 71, 100, 146, а также рис. в личном архиве А. П. Круглова (архив ЛОИА АН СССР).

¹⁶⁸ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля, стр. 118, рис. 23, 1.

¹⁶⁹ М. И. Пиккуль. Раскопки на Сулаке..., стр. 158, рис. 2, 1.

¹⁷⁰ Гос. Музей Грузии, № 143-13. Находка Г. Н. Бамматова (1913).

¹⁷¹ Материалы раскопок К. Ф. Смирнова.

¹⁷² М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 2.

Наперстные кольца в изучаемое время не были так модны, как в последующие эпохи. Известны лишь отдельные находки колец. Сделаны они из тонкой проволоки и узкой пластины бронзы, концы у них заходят друг за друга или проволока свернута в виде спирали. Проволочные колечки найдены в гробнице могильника Тарки II¹⁷³, могильниках Уч-Авлах¹⁷⁴, Каякент (погребения 20, 31, 32)¹⁷⁵; пластинчатое кольцо — в могильнике Ак-Яр¹⁷⁶.

Более массовый характер имеют находки височных подвесок. Эти предметы — прототипы серег, большей частью встречаются при женских костяках (около черепа), но известны находки их и при мужских скелетах (могильник Тарки II¹⁷⁷, Зандак). Такие подвески нашивались на головной убор у виска. Еще и сейчас почти все дагестанские женщины носят чухту — своеобразный волосяной мешок, в который прячут косы. У разных народов различен покрой чухты. До сих пор женщины из селений Арчо, Тлярата, а также багулалки и хваршинки нашивают серебряные височные кольца в виде обручей и дисков на свои головные уборы (рис. 29)¹⁷⁸.

Височные подвески (привески) изучаемой эпохи можно разделить на три группы, хотя все они свернуты в 1,5 оборота.

1. Миниатюрные по размерам подвески (до 3 см в высоту) круглой и овальной формы. Сделаны из прута круглого сечения, концы их расплющены, приострены и разведены в разные стороны (рис. 28, 5—7). Круглые подвески (височные кольца) — наиболее архаическое украшение, известное во многих памятниках Древнего Востока¹⁷⁹. Подвески обеих форм широко распространены в памятниках эпохи бронзы Кавказа. Среди изучаемых памятников подобные подвески найдены в погребениях у сел. Чох¹⁸⁰, Хорокоевском могильнике (моги-

¹⁷³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 252. Найдены при мужском скелете.

¹⁷⁴ Материалы раскопок М. И. Исакова.

¹⁷⁵ ОАК за 1898 г., стр. 151—156.

¹⁷⁶ Материалы раскопок М. И. Пиккуль (1952 г.).

¹⁷⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 252.

¹⁷⁸ З. А. Никольская. Аварцы. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 63; Д. Б. Добрынин. Горный Дагестан и элементы его ландшафтов. «Землеведение», кн. I—II, М., 1917, стр. 114; Г. А. Сергеева. Народная одежда арчинцев. КСИЭ, т. XXXVIII, 1963; Она же. Арчинцы. М., 1967, стр. 113, 114.

¹⁷⁹ На территории Северо-Восточного Кавказа древнейшее золотое височное кольцо найдено в одном из курганов у сел. Бамут (раскопки Р. М. Мунчаева, 1965 г.).

¹⁸⁰ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИА, вып. 71, 1958, стр. 45, рис. 11, 11.

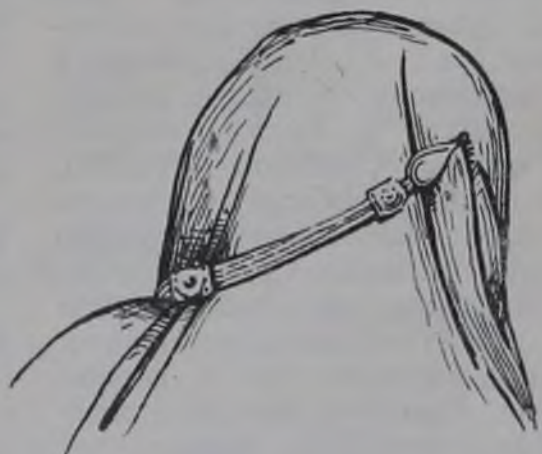
1

2

3

4

Рис. 29. Височные подвески на головных уборах дагестанок

1 — тляротинка (сел. Тлярош) с серией подвесок; 2 — хваршинка с височными подвесками и серьгами; 3, 4 — девочка-арчинка в чухте с подвесками (вид спереди и сзади, по Г. А. Сергеевой); 1, 2 — с дореволюционных снимков

лы 2, 16, 22, 44)¹⁸¹, могильнике Тарки II¹⁸², Талгинском могильнике (погребение 1)¹⁸³, Кабарты-Кутан¹⁸⁴, Каякентском могильнике (погребение 11)¹⁸⁵, Кичи-Гамри¹⁸⁶.

2. Крупные пластинчатые подвески овальной формы. Сделаны из пластины металла, изогнутой желобом (рис. 28, 8—11). Концы подве-

¹⁸¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 103 и сл.; рис. 25, 3, 4.

¹⁸² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 252, 253, рис. 13, 2.

¹⁸³ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 252, 253, рис. 13, 2.

¹⁸⁴ М. И. Пиккуль. Работы на Сулаке..., стр. 159, рис. 2, 2.

¹⁸⁵ ОАК за 1898 г., стр. 147.

¹⁸⁶ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пиккуль).

сок — лопасти закруглены и разведены в разные стороны. Высота их доходит от 3,5 до 7,5 см. Привязывались они к головному убору за суженную часть. Подобные подвески весьма редки в памятниках развитой бронзы. Мы можем указать только на находки таких подвесок в склепе 6 могильника Гинчи (в этом склепе был найден сосуд четвертого типа)¹⁸⁷ и могильника Гатын-Кале (погребения 4, 7, 14, 36). Наблюдения, сделанные на последнем могильнике, показали, что подвески обеих групп определенное время употреблялись вместе. Известна также находка подобной подвески в склепе 3 у сел. Чох¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Там же, д. 2387 (отчет М. Г. Гаджиева).

¹⁸⁸ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане, стр. 45, рис. 11, 6.

В памятниках изучаемой культуры пластинчатые подвески встречаются весьма часто. Они в какой-то степени также являются массовым материалом, объединяющим различные памятники в единую культуру. Таковы находки данной группы подвесок в могильниках, расположенных у селений Хорошой (погребения 5, 17, 21, 22, 27, 29, 32, 33, 47), Гагатль¹⁸⁹, Верхний Чир-Юрт (курганы IV группы у хут. Зурамагенд¹⁹⁰), Новый Чиркей (овраг Ачи)¹⁹¹, Кафыр-Кумух, г. Буйнакса (могила XXVI — ?)¹⁹², Ачи-Су¹⁹³, Усиша (уроч. Ундала-Ава)¹⁹⁴, Кичи-Гамри¹⁹⁵, г. Изберг, Маджалис¹⁹⁶, Мамай-Кутан¹⁹⁷, Каякент (погребения 11, 13, 16, 20, 21, 31, 32, 34)¹⁹⁸, Берекей (погребение 3)¹⁹⁹, Геджух²⁰⁰. Подобные подвески найдены также в окрестностях сел. Ведено (коллекция Н. В. Орлова), на Новолакском поселении (Банай)²⁰¹ и в могильнике Зандак.

3. Исключительно массивные подвески почти прямоугольной формы встречаются редко. Высота их достигает 5—6 см. Толщина прута у них одинаковая и у притупленных окончаний, и у вершины. Для привязывания к ткани в верхней части иногда сделан желобок (рис. 28, 12, 13). Мне пока известны находки таких подвесок только из могильников Кабарты-Кутан²⁰² и Зандак²⁰³.

Височным подвескам в погребениях часто сопутствуют медные трубочки, полушарные и конусовидные колпачки (у А. П. Круглова они носят название подвесок; рис. 26, 9—15). Эти предметы служили украшением головного убора женщин, на что указывают находки их в непо потревоженном виде в погребениях Хорошой. А. П. Круглов детально останавливается

на их описании²⁰⁴. Мы считаем необходимым только привести более полный список подобных находок. Бронзовые трубочки сейчас известны из следующих памятников: Хорошой (погребения 2, 5, 47)²⁰⁵, г. Буйнакс²⁰⁶, Кичи-Гамри, Маджалис²⁰⁷, Талги (погребение 4)²⁰⁸.

Конусовидные и полушарные колпачки (подвески, по А. П. Круглову) найдены в селениях Ведено, Хорошой (погребения 2, 5, 8, 16, 23, 28, 31)²⁰⁹, в погребении 1, открытом нами в 1957 г.), Миатлы (погребения в курганах)²¹⁰, Новый Чиркей (овраг Ачи)²¹¹, г. Буйнакс²¹², Тарки²¹³, Кичи-Гамри²¹⁴, Каякент²¹⁵, г. Изберг, Маджалис²¹⁶.

Наиболее ранние из них обнаружены в могильнике Гатын-Кале²¹⁷, подкурганых склепах у сел. Миатлы²¹⁸ и в склепе 2 у сел. Чох²¹⁹. Бронзовый литой колпачок найден М. И. Исаковым в Талгинском могильнике²²⁰. Как видно из материалов могильника Карабудахкент I, такими колпачками как украшениями пользовались и позже, в сарматское время²²¹.

В эпоху ранней бронзы появляются, очевидно, и первые трубочки — украшения женских головных уборов. Первоначально такие трубочки свертывали из проволоки в виде довольно плотной спирали (находки в могильнике Карабудахкент II²²², на поселении Кумрала-Када в

²⁰⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 66—68.

²⁰⁵ Там же, стр. 66, 102 и сл., рис. 25, 1; 28, 1.

²⁰⁶ Работы Ф. А. Афанасьева.

²⁰⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 66, 67.

²⁰⁸ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 128.

²⁰⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 66—68, 102 и сл., рис. 25, 2; 28, 2.

²¹⁰ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 115, 118, рис. 21, 4; 23, 3.

²¹¹ Материалы Н. Д. Путинцевой.

²¹² ГИМ, № 57773 (работы Ф. А. Афанасьева в 1899 г.).

²¹³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 249, рис. 12, 4 (вещь из погребения 5 Тарки I). Этот колпачок имеет два отверстия.

²¹⁴ Материалы М. И. Пиккуль.

²¹⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 67, 142 (погребение 2, раскопки А. П. Круглова).

²¹⁶ Там же, стр. 67, 146.

²¹⁷ В. И. Маркович. Новый памятник..., стр. 60, 126, рис. 6, 6—8.

²¹⁸ В. И. Канивец, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, стр. 64, 68, табл. I, 17.

²¹⁹ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане, стр. 45, рис. 11, 7.

²²⁰ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 8.

²²¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени..., стр. 190, 210, рис. 35, № 84.

²²² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент, стр. 154, рис. 7, 2, 3.

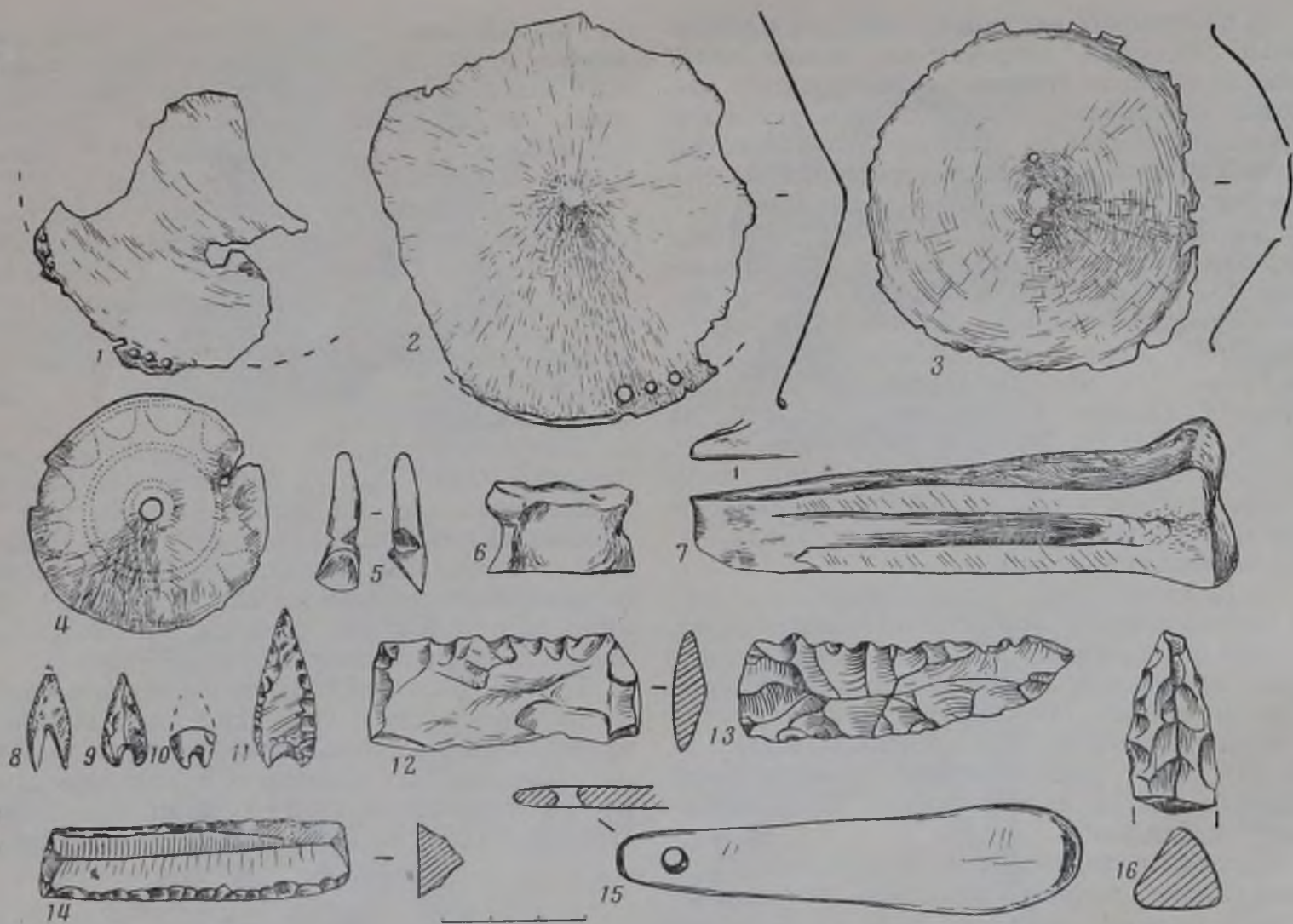

Рис. 30. Предметы из бронзы (1—4), кости (5—7) и камня (8—16)

1—4 — бляхи (1 — Каякентский могильник, погребение 17; 2 — Талгинский могильник, погребение 6; 3 — находка из района сел. Тарки; 4 — случайная находка из Дагестана; 5 — подвеска из резца овцы, Таркинский могильник I (кв. 66, гл. 0,40 м); 6 — игральная кость — «альчик» с подшлифованным основанием, Таркинский могильник I, погребение 3; 7 — ложило, зольник у сел. Курчалой; 8—11 — кремневые наконечники стрел (8—10 — Капчугай, культурный слой у наскальных изображений; 11 — поселение у сел. Карабудах-

кент, близ горы Гумбет-тау); 12, 13 — кремневые вкладыши; зольник у сел. Курчалой; 14 — кремневый «нож»; Карабудахкент, погребение у мельницы; 15 — оселок; зольник у сел. Курчалой; 16 — кремневый «ретушер»; Таркинский могильник I, погребение 19; 1 — раскопки В. И. Долбежева; 2, 14 — раскопки М. И. Исакова; 3, 7—13, 15 — сборы и раскопки В. И. Марковина; 4 — по публикации А. А. Бобринского; 5, 6, 16 — раскопки К. Ф. Смирнова

Усишинской долине²²³). В таком виде, но более аккуратные известны они и из курганов у ст. Манас²²⁴. В виде настоящих трубочек подобные украшения бытовали и в скифо-сарматское время (могильник Балан-Су в Чечне). Судя по погребению 38 могильника Зандак, трубочки-спиральки могли служить для обшивки одежды.

Бронза употреблялась иногда и для изготовления бус. Так, уплощенно-круглые литые бусины найдены в Таркинском могильнике II и в

Талгинском могильнике (погребения 1, 12)²²⁵, бусина, свернутая из кусочка проволоки, обнаружена под скалами у сел. Капчугай²²⁶. Три литые каплевидные бусины (рис. 27, 16, 17) происходят из гробницы 1 могильника близ каменоломни сел. Тарки²²⁷ и Талгинского могильника²²⁸.

²²⁵ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, 130, рис. 53, 7.

²²⁶ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

²²⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 248, 249, рис. 12, 6.

²²⁸ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 5.

²²³ Работы В. Г. Котовича (Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1949, стр. 64—65, табл. 46, 8).

²²⁴ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XX, 1956, стр. 173, рис. 3а.

Интересные находки были сделаны в могильниках у сел. Нижний Дженгутай и сел. Тарки. В погребении 37 могильника Тарки I под человеческими костями «находился желобчатый предмет, согнутый из тонкого бронзового листа с точечным орнаментом» — остатки налобной бляхи (рис. 28, 15)²²⁹. В гробнице могильника Тарки II на лбу мужского черепа лежала «бронзовая лента с тремя рядами выпуклостей» (рис. 28, 14)²³⁰. Все три находки являются налобными украшениями. Налобная бронзовая лента обнаружена и в погребении 38 могильника Зандак. Она покоилась на черепе мужчины-воина²³¹. Налобные бляхи известны сейчас из Лугового могильника скифского времени в Ингушетии. Они, так же как и таркинская, покрыты пунсонным орнаментом²³².

В каякентско-хорчоевских погребениях изредка встречаются крупные бляхи. Возможно, они служили нагрудными украшениями мужчин. Так, Е. И. Крупнов впервые обратил внимание на остатки «бесформенного куса листовой бронзы, орнаментированного по краю пунктиром»²³³, происходящего из погребения 17 Каякентского могильника²³⁴ (рис. 30, 1). В дальнейшем М. И. Исаков нашел целую умбонovidную бляху в погребении 6 Талгинского могильника (рис. 30, 2)²³⁵. Позже подобная бляха диаметром 7,5 см с двумя отверстиями в центре были найдена мною на северо-западной окраине сел. Тарки (рис. 30, 3). Обломок бронзовой пластины, очевидно бляхи, происходит также из каменного ящика в Кичи-Гамри²³⁶.

В памятниках каякентско-хорчоевской культуры никогда не встречались фибулы. Единственный предмет, служивший застежкой (рис. 26, 16), происходит из гробницы могильника Тарки II — это слабо изогнутая пластина с небольшим крючком и присоединенными к ней сдвоенными «пуговками»²³⁷. Для скрепления одежды могли служить булавки с наконечниками, отдаленно напоминающими валюты (рис. 27, 18, 19). Таковы обломки булавок из Талгинско-

²²⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 238, 249, рис. 12, 11.

²³⁰ Там же, стр. 252, 253, рис. 13, 7.

²³¹ Материалы раскопок автора.

²³² Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 101, 103, рис. 4, 4; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. ДЧИ, стр. 146 и сл., рис. 10, 1—4 и многие другие.

²³³ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник..., стр. 12.

²³⁴ ОАК за 1898 г., стр. 150.

²³⁵ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 129. Диаметр предмета 8 см.

²³⁶ Материалы М. И. Пикуль.

²³⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 253, рис. 13, 6.

го могильника²³⁸ и погребения, вскрытого у сел. Маджалис²³⁹.

Единичной является пока находка ворворки из погребения 35 могильника Тарки I²⁴⁰ (рис. 26, 17).

Изделия из сурьмы представлены только бляшками, которые нашивались на одежду, бусами — пронизками и подвесками (рис. 28, 16—21). Разнообразие форм и обилие этих предметов в погребениях²⁴¹, возможно, указывает на их местное изготовление, тем более, что в северо-восточной части Кавказа имеются месторождения сурьмяного блеска — антимонита (стибинита)²⁴². В основном бусы-пронизки отливались в виде кружочков, цилиндров, четырехгранников и пятигранников. Более разнообразны подвески. Здесь можно видеть ромбы с решетчатым узором, кружки с перекрестиями, подвески с циркульным орнаментом и отлитые в виде гусиных лапок. Мне кажется, что каждый новый памятник может принести и новые формы подобных предметов. Сейчас такие предметы известны из Хорчоевского могильника (погребения 2, 12, 25, 29), сел. Ведено (находка Н. В. Орла)²⁴³, из окрестностей сел. Миатлы (погребение 1 в кургане XI группы)²⁴⁴, ст. Манас (погребение 1 в кургане 1, раскопки К. Ф. Смирнова), хут. Мамай-Кутан²⁴⁵, г. Буйнакса²⁴⁶, Каякентского могильника (погребение 16)²⁴⁷. Бусы, утратившие первоначальную форму (скорее всего пятигранные), обнаружены и в могильнике у сел. Зандак. Первые пред-

²³⁸ М. И. Исаков. Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 6.

²³⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 146.

²⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 249, рис. 12, 5. В могильнике у сел. Зандак находки ворворок многочисленны. Среди них имеется ворворка, сделанная из кости.

²⁴¹ В погребении 1 кургана XI группы у сел. Миатлы было найдено около 150 сурьмяных бус. См. И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 118—120.

²⁴² Основные месторождения упоминаются А. П. Кругловым («Северо-Восточный Кавказ...», стр. 81), а также: Аптоннов. Горные богатства Дагестана. «Юго-Восток», № 8 (10). Ростов-на-Дону, 1923, стр. 136. Об этом минерале см.: А. В. Нечаев. Минералогия. Киев, 1908, стр. 72; Н. М. Федоровский. Курс минералогии. М.—Л., 1930, стр. 82—83.

²⁴³ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 71, 102 и сл., см. также коллекции Гос. Эрмитажа.

²⁴⁴ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 118—120, рис. 23; 24.

²⁴⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 136—138, табл. VI, 3—5, 7, 8.

²⁴⁶ ГИМ, № 57773; см. также: А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 140.

²⁴⁷ ОАК за 1898 г., стр. 149.

меты этого типа из сурьмы скорее всего появляются в период расцвета эпохи бронзы²⁴⁸.

Изделия из кости, камня, раковин и стекла. Изделия из кости в погребальных памятниках почти не известны. Возможно, амулетами служили клыки свиньи, найденные в одном из ящиков у сел. Старый Чпркей и в хороchieвских погребениях 17 и 31. Три клыка из погребения 17 снабжены отверстиями для подвешивания²⁴⁹. Вероятно, подобными амулетами служили и два резца овцы, подпиленные с боков (могильник Тарки I. Рис. 30, 5)²⁵⁰.

Две «продолговатой формы косточки с широкими отверстиями» длиной в 2 см, найденные в хороchieвском погребении 42, по мнению А. П. Круглова, могли служить подвесками²⁵¹.

Как видно из этого краткого описания, в могилы изучаемой культуры изделия из кости почти не клали. Костяные изделия чаще всего встречаются в остатках жилых комплексов — стойбищах и поселениях. Главную часть этих находок составляют проколки (шилья). Изготавливались они из обломков или тонких трубчатых костей диких и домашних животных. Одна часть их обтачивалась и приострялась, другая, с сохранившимся эпифизом, служила рукоятью. Длина их колеблется от 12 до 7 см. Обломки таких проколок найдены в культурном слое у шестой гряды скал Капчугайского ущелья в Дагестане²⁵², на Нижне-Сигитминском поселении. Целая серия их собрана при раскопках зольника у сел. Курчалой. Найдены они на различной глубине. Эти орудия заполировались от работы до блеска (рис. 31, 1—8).

В зольнике Курчалоя помимо проколов найдено ложило, изготовленное из кости коровы. Длина орудия 11,2 см, ширина рабочей части 1,2 см (рис. 30, 7). Из слоев зольника происходит также костяная пуговица в виде заполированной палочки с перекрещивающимися отверстиями (длина ее 4,5 см, рис. 31, 10).

По-своему уникальна находка модели колеса повозки, сделанная из кости. Колесо только

²⁴⁸ Бусы, выдаваемые за известняковые, обнаруженные в кургане 2 группы II у сел. Миатлы (см. В. И. Капиев, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, стр. 69, 70, рис. 5, 4, 5), нам кажутся сделанными из сурьмы. Они были найдены с сосудами эпохи развитой бронзы. Если это так, то, значит, сурьмой в северо-восточной части Кавказа стали пользоваться рано.

²⁴⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 117.

²⁵⁰ Раскопки К. Ф. Смирнова в 1949 г., кв. 66, гл. 0,40 м.

²⁵¹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 135.

²⁵² В. И. Маркович. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 328, 332, рис. 4а, 16, 17.

с внешней стороны снабжено ступицей и выпуклым ободом (рис. 31, 9)²⁵³.

Необходимо также указать на овечьи и козьи астргалы (альчики) — игральные кости, широко распространенные в памятниках эпохи бронзы всего Кавказа (рис. 30, 6). Известны они и в погребениях изучаемой культуры. Таковы находки в погребениях 3, 5 Таркинского могильника²⁵⁴ и в погребениях 9, 14, открытых в Хороchie²⁵⁵.

Многочисленны изделия из различных видов камня (минералов и горных пород) в памятниках культуры. Среди них можно выделить предметы вооружения, орудия труда, украшения. Помимо этих категорий предметов во многих погребениях встречаются осколки кремня. Таковы, например, находки кремневых осколков в могильнике у сел. Белгатой (погребение 6), Хороchieй (погребения 8, 13, 16, 18, 19, 21, 26, 42, 46)²⁵⁶. Кремневые желваки со сколами и отщепы встречались в отдельных наиболее ранних зандакских могилах. Можно предполагать, что они предназначались для высекания огня.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и камнями для пращи. Наконечник стрелы треугольно-линовидной формы обнаружен Н. Д. Путинцевой в каменном ящике 3 у сел. Старый Чиркей (Бураган-Шоб). Наконечник отретуширован с двух сторон и снабжен неглубокой выемкой у основания (длина его 2,3 см, рис. 6, 3). Три подобных наконечника стрел с выемками (у одного более приостренный выем) происходят из капчугайских ущелий — из культурных слоев, связанных с наскальными изображениями (рис. 30, 8, 10)²⁵⁷. Более крупные наконечники с выемками подняты на территории Карабудахкентского поселения (рис. 30, 11). Здесь же найдены более ранние по типу две заготовки стрел — линовидной формы и с черешком²⁵⁸. Все указанные находки сделаны из местного, обычного для Дагестана желтовато-дымчатого и серого кремня.

Нельзя считать случайными находки каменных шаров разной величины, встречающиеся и в погребениях, и на поселениях. Работы последних лет на поселении Сержень-Юрт показали, что такие природные шары и конкреции древ-

²⁵³ Раскопки автора в 1954 г. Диаметр предмета 7 см.

²⁵⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 230, 232. Некоторые из альчиков слегка подшлифованы — так называемые мочки.

²⁵⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 107, 111.

²⁵⁶ Там же, стр. 97, 106, 110, 114, 117, 121, 135, 136.

²⁵⁷ В. И. Маркович. Археологические памятники в районе сел. Капчугай..., стр. 328, 333, рис. 4а, 8, 23, 24.

²⁵⁸ Р. М. Муцаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент, стр. 171, 173, рис. 9, 8—10.

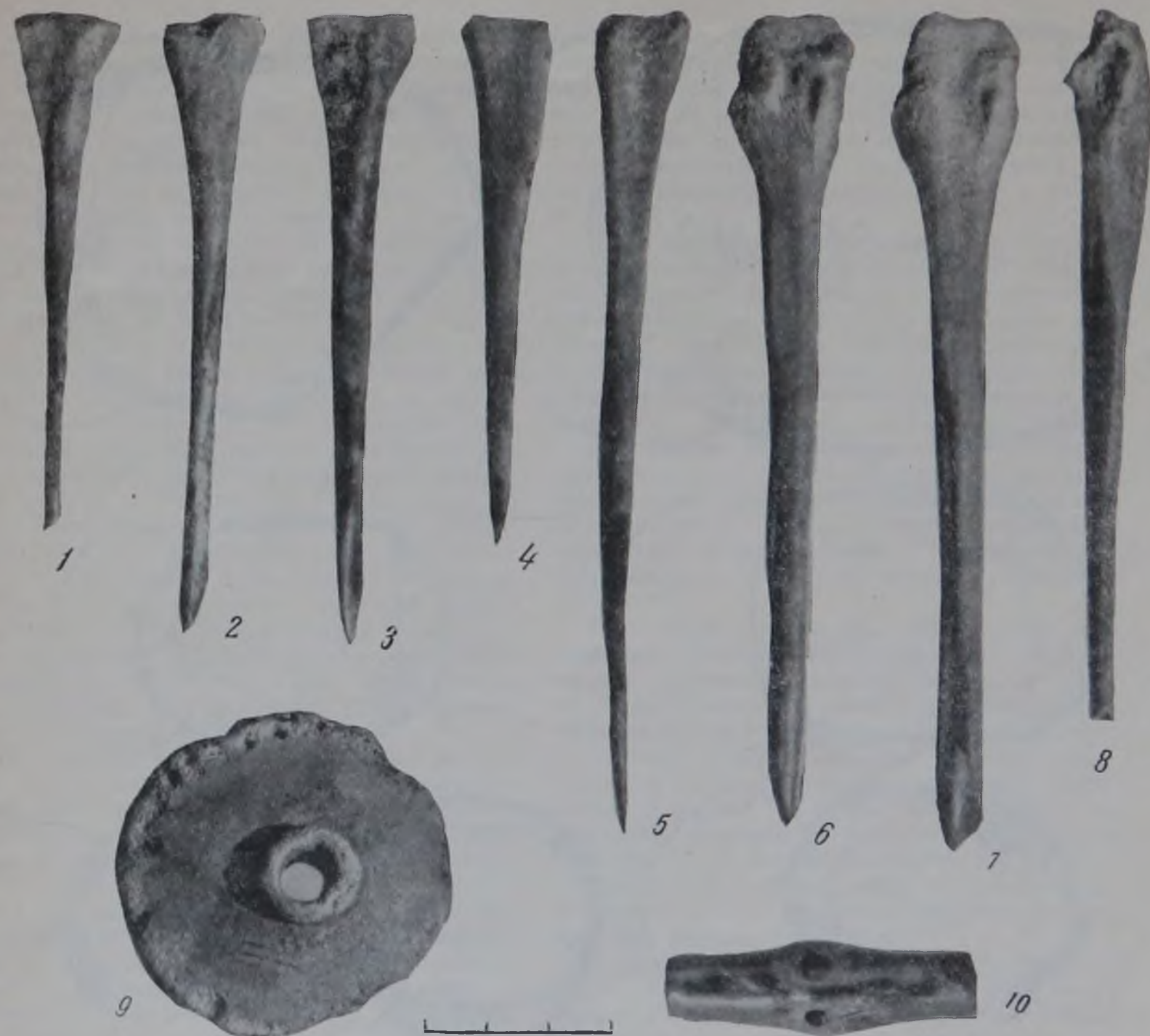

Рис. 31. Предметы из кости. Зольник у сел. Курчалой (Чечня, раскопки В. И. Марковина)

1—8 — проколки; 9 — модель колеса повозки (кв. 1, гл. 1,90 м); 10 — пуговица (кв. 3, гл. 0,70 м)

нее население специально собирало. Очевидно, это пращевые камни²⁵⁹. До самого последнего времени жители Чечено-Ингушетии пользовались ими для игр и при схватках специальными лучковыми пращами²⁶⁰. Такие луки известны были и в Дагестане²⁶¹. Пращевые камни, очевидно, часто находили в погребениях, но на них не обращали должного внимания. Такие камни

²⁵⁹ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, 98, 1964, стр. 77.

²⁶⁰ Сообщено мне Х. Д. Ошаевым.

²⁶¹ Сообщено мне Б. И. Гаджиевым. Такая лучковая праща хранится в музее школы № 5 г. Буйнакса.

шары диаметром до 5 см зафиксированы в Таркинском могильнике (погребения 7, 39)²⁶² и в могиле 1 Ак-Яра.

В погребениях каякентско-хороchieвской культуры иногда встречаются кремневые вкладыши для серпов. Таких находок известно нам немного (Новолакское и Нижне-Сигитминское поселения²⁶³, зольник у сел. Курчалой и могильники у селений Зандак²⁶⁴, Кичи-Гамри²⁶⁵,

²⁶² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 232 и 240.

²⁶³ Работы М. И. Пикунь и К. А. Бредя.

²⁶⁴ Работы автора.

²⁶⁵ Работы М. И. Пикунь.

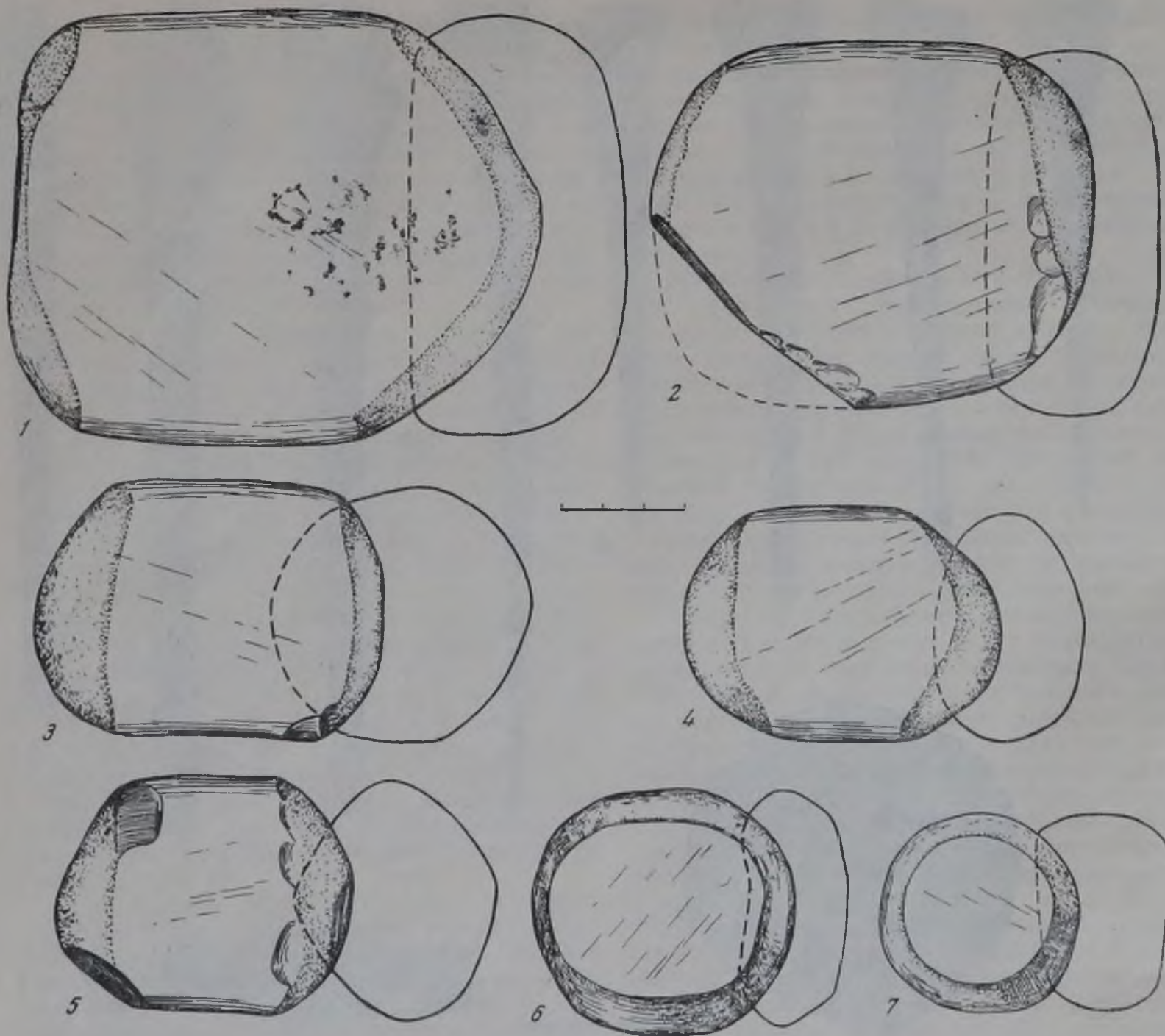

Рис. 32. Каменные терочники и песты-куранты

1—5 — терочники из серого кварцита (1, 2, 4 — район сел. Тарки; 3, 5 — урочище Тарнаир в пределах г. Махачкала); 6, 7 — песты-куранты из кварцита и плотного песчаника (6 — район сел. Тарки; 7 — Капчугай, скальный увал 6); сборы Д. А. Капаницына, В. И. Марковина, Н. Г. Полихрониди, В. Ф. Черепанова

Берекей, погребения 2, 3²⁶⁶), и все они однотипны. Вкладыши для серпов представляют собой двусторонние обработанные ретушью пластины с зубчиками (рис. 30, 12, 13). Такие пластины закреплялись в основе из дерева или кости, образуя серп. А. П. Круглов, описывая вкладыши из сел. Берекей, указывает на пятна какого-то клеящего вещества, сохранившиеся на одной из находок²⁶⁷. Зубчики обычно заполированы

²⁶⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 77, 144.

²⁶⁷ Там же. стр. 77.

до блеска — они образовывали рабочую часть жатвенного орудия. Длина срединных вкладышей достигает 6 см, боковых (они имеют подтреугольную форму) — до 8—10 см. Полный состав вкладышей без основы был обнаружен нами в погребении 23 у сел. Зандак²⁶⁸.

А. П. Круглов в своей монографии упоминает обломки зернотерок, найденных на поселении у селений Каякент (Каякент II) и Мамай-

²⁶⁸ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИИ, 98, 1964, стр. 85, 87, рис. 24, 7.

Кутан²⁶⁹. Последующие работы, предпринятые В. Г. Котовичем, показали, что поселение у хут. Мамай-Кутан, указанное А. П. Кругловым, относится к куро-аракской культуре²⁷⁰. Это, однако, не меняет сути дела — ладьевидные зернотерки употреблялись в течение многих столетий и, судя по находкам на поселении Сержень-Юрт, даже в более позднюю эпоху их форма оставалась прежней. Нам известны находки терочников-камней, с помощью которых работали на зернотерках. Несколько таких камней (величина их достигает 10×8 см) найдены нами среди лепной керамики описанного типа в Капчугайских ущельях²⁷¹, по склонам горы Таркитау, на Тарнаире (рис. 32), в районе могильников Тарки I и II²⁷² и зольника сел. Курчалой. Среди этих находок выделяются два песты-куранты²⁷³ почти круглой формы диаметром 5—6 см и высотой 2,5—3,5 см (рис. 32, 6, 7). Ими, вероятно, пользовались для выполнения каких-то более тонких работ, чем растирание зерна, может быть, растирали краски.

На Карабудахкентском поселении найден каменный пест с четко выделенной рукоятью и следами работы²⁷⁴. Сделан он из гальки серого кварцита (длина 16 см). Такие песты обычно употреблялись для дробления руды, кремня, ими могли толочь зерно.

Интересным предметом, на котором мы хотели бы остановиться, является кремневая подделка, сделанная из ножевидной пластины трапециевидного сечения (желтоватый кремнь). Край ее тщательно отретушированы (размеры: 6,5×1,7×0,9 см). По форме она напоминает нож почти неолитического облика. Предмет был обнаружен М. И. Исаковым у сел. Карабудахкент в погребении «близ водяной мельницы» (рис. 30, 14). Странна архаичность вещи, ее непонятное для эпохи металла назначение. Возможно, подобными орудиями обрабатывали кость. Однако этот предмет не единичен. Также архаична серия других этого типа предметов, найденных в склепе 2 у сел. Чох (вместе с височной подвеской и другими предметами)²⁷⁵, в погребениях у г. Буйнапакса (могила XV,

²⁶⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 77, 78.

²⁷⁰ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 133 и сл.

²⁷¹ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай, стр. 340, рис. 20, 2, 3.

²⁷² Находки автора, В. Ф. Черепанова, художника Д. А. Капаницына.

²⁷³ Один найден в районе сел. Капчугай у шестого увала, другой в районе сел. Тарки.

²⁷⁴ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент, стр. 171, 173, рис. 9, 11.

²⁷⁵ Раскопки Р. М. Мунчаева.

работы Ф. А. Афанасьева. Найден вместе с глазчатыми бусами)²⁷⁶, в таркинском погребении 19 (могила содержала сарматское захоронение (рис. 30, 16)²⁷⁷, в Ак-Ярском могильнике (погребение 1). Все они имеют удлиненную форму с приостренными концами, треугольное сечение, покрыты сколами. Достигают в длину до 10—12 см.

К. Ф. Смирнов рассматривает свою находку из погребения 19 Тарки 1 как огниво²⁷⁸. Но подобные орудия известны и в неолитических комплексах (Дузани, Тарнаир, близ озера Кезеной)²⁷⁹. Эти орудия служили отжимниками — ретушерами и, вероятно, закладывались в могилу мастерам по обработке кремневых изделий.

Для заточки ножей употреблялись оселки — гальки плотного песчаника и глинисто-песчанниковой породы удлиненной формы с отверстиями на одном конце. Оселки, очевидно, подвешивались. Такие оселки найдены в зольнике у сел. Курчалой (рис. 30, 15) и в могилах у сел. Зандак.

Рассмотрим украшения, характерные для каякентско-хорочоевской культуры. Излюбленным украшением древних племен были бусы. В виде ожерелий ими украшалась грудь, обшивалась одежда (в том числе и бляшками из сурьмы) и обувь (обшивка бисером, отмеченная А. П. Кругловым для некоторых погребений Хорочоя)²⁸⁰. Бусы изготовлялись из сердолика розового и коричневатого цвета (мужской и женский), лигнита, гагата (оба минерала представляют собой различные виды каменного угля). Единичны находки бус из мрамора, янтаря и кальцита.

Несмотря на то, что в Дагестане имеется сердолик (натеки его встречены автором по берегу Каспия в районе городов Махачкала и Каспийск, в горах у сел. Урма), мы не думаем, чтобы все типы сердоликовых бус изготовлялись на месте, в Дагестане. Огромное количество бус тех типов, о которых мы скажем ниже, заполняют фонды музеев Закавказья. Прекрасные месторождения агата и сердолика известны в Армении, в районе Иджеван, Котайск, Мегри, Веди, у оз. Севан, в Зангезуре²⁸¹.

²⁷⁶ ГИМ, № 57773.

²⁷⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 236.

²⁷⁹ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 201, рис. 47, 7; В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкала, МАД I, Махачкала, 1959, стр. 24, 26, рис. 2, 16, 17. Подобный отжимник был найден мною и у сел. Капчугай.

²⁸⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 72.

²⁸¹ А. Мнацаканян. Раскопки могильников в

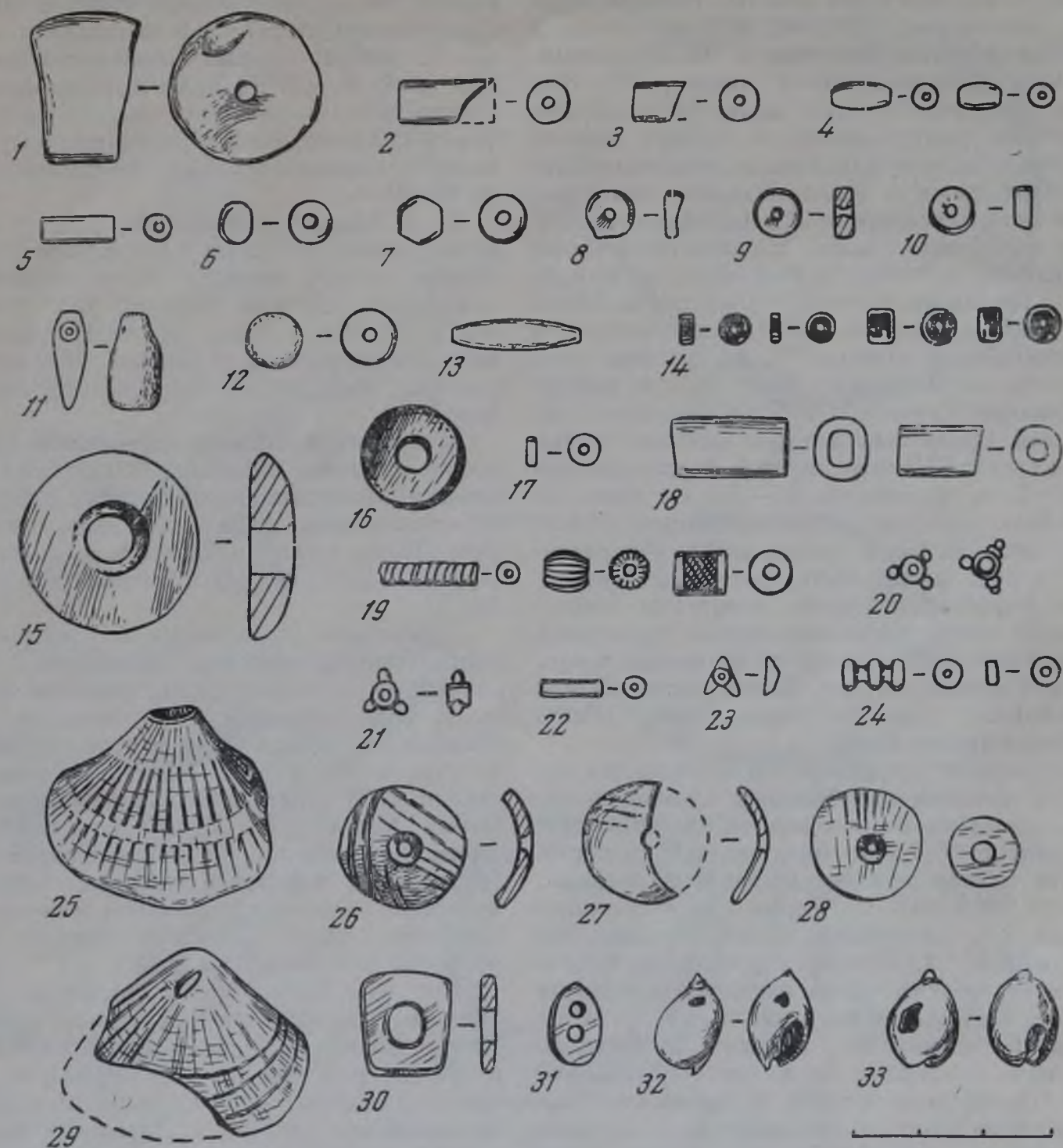

Рис. 33. Бусы и подвески из камня, стеклянной пасты и раковин

1—7 — сердоликовые бусы разных форм (1 — Кафыр-Кумух; 2, 3, 4, 6, 7 — Хорокоевский могильник, из погребений 5, 27, 29; 5 — каменный ящик у сел. Тарки); 8—10 — сердоликовые бусы «рубленого» типа (8 — Таркинский могильник II; 9 — Хорокоевский могильник, погребение 5; 10 — Миатлы, погребение 1 в кургане XI группы); 11 — подвеска из янтаря, Хорокоевский могильник, погребение 2; 12, 13 — бусина из мрамора и пронизка из белемнита, Хорокоевский могильник, погребение 5; 14—16 — бусы из гагата (14 — Хорокоевский могильник, погребение 5; 15 — Талгинский могильник, погребение 12; 16 — Миатлы, погребение 1 в кургане XI группы); 17 — бусина из лигнита, Хорокоевский могильник, погребение 2; 18—24 — бусы из стеклянной пасты (18, 19 — Таркинский

могильник I, погребение 1; 20 — Каякентский могильник, погребение 2; 21 — могильник Нохла-Ад у сел. Чох; 22, 24 — Хорокоевский могильник, из погребений 8, 29, 41 и др.; 23 — Ведено; 25—33 — бусы и подвески из каспийских раковин (25, 26 — зольник у сел. Курчалой; 27 — поселение у сел. Нютюг; 28, 30, 31 — Ведено; 29, 32 — Таркинский могильник I, с территории раскопа и из погребения 39; 33 — Миатлы, погребения кургана I группы I); 1 — Гос. Музей Грузии, № 147; 2—4, 6, 7, 9, 11—14, 17, 20, 22, 24 — раскопки А. П. Круглова; 5, 25, 26 — раскопки В. И. Марковина; 8, 18, 19, 29 — раскопки К. Ф. Смирнова; 10, 16, 33 — раскопки И. П. Костюченко; 15 — раскопки М. И. Исакова; 21 — раскопки Р. М. Мунчаева; 23 — сборы Н. В. Орла; 27 — сборы М. И. Пиккуль

Сердолик имеется и в Грузии. Очевидно, из этих районов происходят бусы оранжево-красного, огнистого цвета с нежной глубинной игрой. Из такого сердолика изготовлены шаровидные, бочонковидные, цилиндрические и многогранные бусы (рис. 33, 1—7). Они тщательно обработаны и заполированы до блеска. Сквозной канал у них равномерно цилиндрический²⁸². Из камня более грубого мутного тона сделаны бусы рубленого типа (со следами скалывания. Рис. 33, 8—10). Для этого рода бус использовались местные ресурсы. Сверление у них более примитивное: коническое, двустороннее. Бусы рубленого типа известны даже для памятников сарматского времени (могильники Балан-Су, Шушия)²⁸³. Это еще раз указывает на длительное традиционное их изготовление. Сердоликовые шарообразные бусы (коническое сверление) сейчас известны из следующих памятников: Хорокоевский могильник (погребение 2)²⁸⁴, сел. Миатлы (курган 1 группы I)²⁸⁵; сердоликовые и халцедоновые шарообразные (цилиндрическое сверление) — Хорокоевский могильник (погребения 5, 8, 27, 29, 46), Маджаллис; сердоликовые и халцедоновые уплощенно-цилиндрические рубленого типа — Хорокоевский могильник (погребения 5, 8, 16, 27), Миатлы (каменный ящик в кургане 1 группы I; погребения 1, 2 кургана XI группы)²⁸⁶, Кабарты-Кутан²⁸⁷, Тарки II²⁸⁸, Кафыр-Кумух²⁸⁹, Маджаллис; сердоликовые уплощенно-круглые (цилиндрическое сверление) — Хорокоевский могильник (погребения 8, 16, 19, 27, 29, 46), Нижний Чиркей (овраг Ачи)²⁹⁰, Маджаллис; сердоликовые удлиненно-цилиндрические и бочонковидные (цилиндрическое сечение) — Хорокой (погребения 27, 2, 19), Тарки (ящик у кладбища)²⁹¹, Нижний Чиркей (овраг селения Головино. «Труды ГИМ Армении», т. V. Ереван, 1959, стр. 60.

²⁸² Г. Г. Лемлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 27 и сл.; Он же. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 159.

²⁸³ Работы автора.

²⁸⁴ А. П. Круглов, Северо-Восточный Кавказ..., стр. 100 и сл. При дальнейшем описании бус все ссылки на Хорокоевский материал, находки из сел. Берекей, Маджаллис, см. здесь.

²⁸⁵ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 115, 116, рис. 21, 1.

²⁸⁶ Там же, стр. 116, 118, 120; рис. 23, 9; 24, 4.

²⁸⁷ М. И. Пиккуль. Раскопки на Сулаке..., стр. 159, 161, рис. 2.

²⁸⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 249, 12, 6.

²⁸⁹ Гос. Музей Грузии, № 147-13. Находки Г. Н. Бамматова. В коллекции 93 рубленные бусы из халцедона и сердолика.

²⁹⁰ Материалы Н. Д. Путинцевой.

²⁹¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 242, 255, рис. 14, 3.

Ачи)²⁹², Маджаллис; сердоликовые удлиненно-многогранные — Хорокой (погребения 2, 5).

Б. Е. Дегеном-Ковалевским в погребении, открытом у сел. Маджаллис, обнаружены три бусины округлой формы, сделанные из розоватого минерала, предположительно из полевого шпата, и подвески (принизки) из халцедона треугольной формы («в форме зубов»)²⁹³.

Известны единичные находки шаровидных бусин из мрамора (Хорокой, погребение 5, рис. 33, 12); каплевидной пронизки из янтаря — копала (Хорокой, погребение 2, рис. 33, 11)²⁹⁴; из лигнита — цилиндрической и уплощенной формы (Хорокой, погребения 2, 5 и Каякент, погребение 2 — раскопки А. П. Круглова, рис. 33, 17)²⁹⁵. В хорокоевском погребении 5 обнаружена удлиненная бусина с закругленными концами, сделанная, по предположению А. П. Круглова, из обломка белемнита, рис. 33, 13²⁹⁶. Это вполне возможно. В районе могильника мною в 1962—1963 гг. встречено обнажение, содержащее массу мелких белемнитов (коричнево-желтый кальцит).

В памятниках культуры известны бусы из гагата (гипера) — минерала приятного черного цвета (рис. 33, 14—16). После полировки он приобретает глубокий тон и прекрасный блеск. Месторождения этого камня — «излюбленного черного камня древности», как называл его А. Е. Ферсман²⁹⁷, известны и в Дагестане (бассейн р. Рубас-чай, у аула Хараг)²⁹⁸, и в Чечне (аул Гуни)²⁹⁹. До последнего времени дагестанцы добывали гагат для различных поделок³⁰⁰. Гагатовые плоскоцилиндрические бусы разных размеров (диаметр от 0,5 до 1,2 см) обнаружены в Хорокоевском могильнике (погребение 5)³⁰¹, Миатлы (погребение 1 кургана XI группы)³⁰². В Талгинском могильнике (погребение 12) М. И. Исаков нашел

²⁹² Материалы Н. Д. Путинцевой. Бусина сверлилась с двух сторон.

²⁹³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 146.

²⁹⁴ Там же, стр. 103, рис. 25, 6.

²⁹⁵ Там же, стр. 142.

²⁹⁶ Там же, стр. 106, рис. 28, 4.

²⁹⁷ А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I. М., 1954, стр. 316.

²⁹⁸ Д. В. Дробышев. Уголь и горючие сланцы в Дагестанской АССР. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», т. I. М.—Л., 1935, стр. 215.

²⁹⁹ В. В. Мокрицкий. Угленосность в пределах Северо-Кавказского края. «Природные богатства Северо-Кавказского края», Пятигорск, 1938, стр. 133.

³⁰⁰ Д. В. Дробышев. Указ. соч., стр. 215.

³⁰¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 105 (у автора эти бусы указаны как лигнитовые).

³⁰² И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 118, рис. 23, 8.

АРЕАЛ, ХРОНОЛОГИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

крупную круглую бусину с выпукло-плоской поверхностью, сделанную из расслаивающегося гагата (диаметр ее 3 см. Рис. 33, 15)³⁰³.

Бусы из камней очень часто дополнялись в ожерельях раковинами и бусами, выточенными из них (рис. 33, 25—33). Раковины, употреблявшиеся для таких целей, в основном принадлежат каспийским моллюскам *Cardium* sp. (желтого, белого цвета) и *Didacna trigonoides* (Pallas) (раковины серого, черного цвета) и мелкие раковинки *Theodoxus pallasii* Lindn. Берег Каспийского моря усыпан ими, изредка встречаются они в виде включений в известняках-ракушечниках сарматского яруса (ими сложены прибрежные поднятия), но такого рода окаменелости не известны для мергелевых пород и песчаников, т. е. в основных породах тех местностей, где обнаружено большинство изучаемых памятников. Очевидно, их привозили с берегов Каспия.

Раковины употреблялись как подвески, для этого в них проделывали отверстия. Бусы, изготовленные из них, имеют круглую (диаметр 2,3—0,7 см) или прямоугольную форму. Встречаются бусы-разделители овально-заостренной формы с двумя дырочками.

Раковины-подвески известны из следующих памятников: Хорочоевского могильника (погребения 2, 27, 31, 37, 38)³⁰⁴, зольника Курчалоя, Тарки (между могилами и в погребение 39 в Тарки I; гробница возле каменоломни)³⁰⁵, Миатлы (погребение кургана I группы I)³⁰⁶, Берекей (погребения 1, 2), Каякент (погребение 2)³⁰⁷.

Бусы из раковин найдены в районе сел. Ведено (раскопки Н. В. Орла, 67 экземпляров), Хорочоевском могильнике (погребения 38, 47)³⁰⁸, зольнике у сел. Курчалоя, погребении, открытом у сел. Маджалис. Подобные бусины и подвески из раковин встречались в погребениях могильника Зандак.

В состав ожерелий входили также бусы импортного происхождения, изготовленные из стеклянной пасты разных цветов — белого, желтоватого, светло-зеленого, коричневого (рис. 33, 18—24). Среди них трудно наметить определенные типы. Обычно это уплощенно-круглый бисер, круглые бусинки с приостренными краями, удлинено-цилиндрические, биконической формы, сдвоенные и строенные. Такие

бусы входили не только в состав ожерелий, ими обшивалась обувь и одежда. Реже встречаются «бородавчатые» бусы — с тремя выступами. Этот вид бус нам пока известен из района селений Ведено (коллекции Н. В. Орла) и Каякент (погребение 2, раскопки А. П. Круглова). Подобные бусы с «бородавками» относятся ко второй половине II тысячелетия до н. э.³⁰⁹ Бусы более рядовых типов, описанные выше, обнаружены в Хорочоевском могильнике (погребения 2, 8, 10—12, 17, 22—27, 29, 37, 38, 40—42, 46), Ведено (коллекции Н. В. Орла), Буйнакске (раскопки А. Ф. Афанасьева)³¹⁰, Миатлы (курганные погребения в XI группе курганов)³¹¹, Нижнем Чиркее (овраг Ачи)³¹², Каякенте (погребение 2, раскопки А. П. Круглова), Берекее (погребение 3).

Несколько обособленно стоят находки пастовых бус в виде полулуния с утолщениями на концах (Хорочай, погребение 21), цилиндрических и шарообразных, покрытых врезками в виде сетки, штрихов и легких каннелюр (могильник Тарки I, погребение 1³¹³; Кабарты-Кутан³¹⁴). Две глазчатые бусины вместе с бронзовыми трубочками были обнаружены Ф. А. Афанасьевым у г. Буйнакска (могила XV, работы 1899 г.). В ящике I могильника Ак-Яр найдена крупная бусина сероватого цвета с более темными косыми полосами. Форма у нее уплощенно-круглая (диаметр 1,7 см). Описанного вида бусины являлись предметами переднеазиатского и ближневосточного импорта³¹⁵.

Бусы являлись любимым украшением. В погребениях они встречаются десятками и даже сотнями (в погребении I кургана I группы у сел. Миатлы найдено 720 бус). И почти всегда самым разнородным бусам сопутствует хотя бы одна бусина из сердолика.

Мы детально рассмотрели основной инвентарь изучаемых памятников. Как видно, те или иные предметы спорадически встречаются по всей территории культуры. Многие из них не известны за ее пределами. Этот материал — неоценимый источник для изучения хронологии культуры, ее границ, реконструкции быта и хозяйства ее носителей.

³⁰⁹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 1951, № 23, стр. 56, 57, рис. 19, 9.

³¹⁰ ГИМ, инв. № 57773.

³¹¹ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля..., стр. 119—120, рис. 23; 24.

³¹² Работы Н. Д. Путищевой.

³¹³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 253, рис. 13, 3.

³¹⁴ М. И. Пякуль. Раскопки на Сулаке..., стр. 159, 161, рис. 2.

³¹⁵ Е. И. Крупнов. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами древнего Востока. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 72—82.

Полный учет памятников и анализ массового археологического материала позволяют говорить о монолитности каякентско-хорочоевской культуры, что не исключает возможности выделения на ее территории отдельных локальных групп. Мне кажется вполне правомерным и название культуры, данное Е. И. Крупновым по двум главным памятникам — Хорочоевскому могильнику (в пределах восточной Чечни) и Каякентскому могильнику (в южной части Дагестана).

Еще совсем недавно археологическая изученность Северо-Восточного Кавказа была настолько слаба, что А. П. Круглов вынужден был обращать внимание на «территориальный разрыв между западной и восточной группой памятников»¹. Сейчас этого разрыва нет. Вся предгорная и частично горная полоса страны довольно густо покрыта памятниками культуры.

Хуже обстоит дело с изучением юго-западной, горной части Дагестана — здесь не известны поселения и могильники данной культуры, хотя М. И. Исаков и упоминает в своем труде множество могильников с каменными ящиками, но у нас очень мало уверенности, что эти объекты не являются средневековыми, поэтому мы их в своем перечне опустили. Однако почти на всех публикуемых картах территория Дагестана густо заштрихована — эта территория отводится племенам изучаемой культуры². Это верно только с учетом того, что именно в горной части страны, у хуторов Гоно, Гинчи, у селений Меgeb, Гунпб, Чох, Ирганай найдены те памятники эпохи бронзы, которые дают наиболее чистый

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 51.

² «Очерки истории СССР. (Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР)». М., 1956, стр. 128, карта; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 96, рис. 21; Он же. A propos de la Chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord. «VI Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques». Moscou, 1962, стр. 14, рис. 1.

материал, без северокавказского налета. Сам географический характер горного Дагестана, с ущельями, открывающимися в сторону моря, несмотря на все пазы и лабиринты их орографической схемы, позволяет думать, что и в горной части страны будут найдены интересующие нас памятники. И в этом смысле карты, предложенные Е. И. Крупновым, нам представляются верными.

Наиболее спорной и нечеткой является северная граница культуры. Вероятно, она проходила вдоль северных склонов лесистых гор Ичкерии. И хотя в районе сел. Ведено, где найдены довольно ранние вещи кобанского типа (очковидная подвеска, лопатообразные булавки, браслеты с насечками по корпусу и пр.³), пока еще не найдена древняя керамика⁴, синхронная сделанным здесь находкам и характерная для посуды хорочоевского типа с обмазкой, небольшими днищами и другими признаками, мы склонны такую границу отодвигать на север, за сел. Ведено. Дело в том, что в сел. Гуни и на поселениях у сел. Сержень-Юрт (а они расположены севернее сел. Гуни) найдена такая керамика с обмазкой⁵. К жителям серженьюртовских поселений подобная посуда могла попасть в порядке обмена. И этот обмен, несомненно, не мог производиться, минуя район сел. Ведено, стоящего возле жерла узкого ущелья, ведущего к сел. Сержень-Юрт. Севернее сел. Сержень-Юрт

³ Гос. Эрмитаж, № 1363; см. также: В. И. Марков и п. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни. «Археолого-этнографический сборник. Изв. ЧИНИИ», т. VII, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 123—128, рис. 2; 3.

⁴ Сосуды из сел. Ведено, опубликованные А. П. Кругловым («Северо-Восточный Кавказ...», стр. 145, рис. 70, 1—4; сосуд рис. 5 не из сел. Ведено, а из сел. Гуни), нам представляются более ранними.

⁵ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, 1962, вып. 88, стр. 38 и сл.; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, 1964, вып. 98, стр. 77 и сл.

зафиксированы только отдельные предметы, характерные для культуры. Такова, например, пластинчатая подвеска, найденная в сел. Шали⁶, баночный сосуд, происходящий из г. Грозного (рис. 25,8)⁷. Красная поверхность этого сосуда покрыта вмазанными кусочками глины. По форме он близок хороchieвским банкам. Это единичные находки, и, вероятно, в районе селений Сержень-Юрт, Шали и г. Грозного нельзя ожидать памятников каякентско-хороchieвской культуры. Здесь, по заключению Е. И. Крупнова, начиналась область грозненского варианта кобанской культуры⁸.

Мы склонны границу каякентско-хороchieвской культуры отодвигать за сел. Гуни, где в 1913 г. Н. В. Орлом были найдены каменные ящики, и доводить ее почти до древних поселений у сел. Сержень-Юрт, далее вести к сел. Курчалой (местный зольник содержит массу посуды хороchieвских форм) и к сел. Ишхой-Юрт, где известен могильник, содержащий каменные ящики⁹.

Неясное упоминание о каменных ящиках имеется в отчете В. И. Долбежева, копавшего курганы по р. Яман-Су (район г. Хасав-Юрт)¹⁰. Судя по описанию, они близки памятникам, обнаруженным в районе сел. Верхний Чир-Юрт. Тогда мы сможем границу культуры провести от сел. Ишхой-Юрт к г. Хасав-Юрт, затем к р. Сулак и сел. Верхний Чир-Юрт и далее к ст. Алмало, где начинаются прикаспийские пустыни — пески и где были найдены прекрасные образцы каякентско-хороchieвской керамики.

Горная часть Чечни, а именно Аргунское ущелье, из-за труднодоступности обследовано до сих пор еще недостаточно. Однако находки керамики возле сел. Дуба-Юрт, у входа в ущелье, и могильник Гатып-Кале в глубине ущелья, содержащий материалы, близкие дагестанским памятникам типа Гинчи, позволяют западную границу в пределах Чечни условно проводить по р. Чанты-Аргун. Все остальные границы в пределах Дагестана представляют собой естественный рубеж — хребты Большого Кавказа.

Интересен еще один факт. По мере приближения к Азербайджану число выявленных па-

мятников уменьшается и пустая зона, условно включенная нами в территорию культуры, увеличивается. Возможно, это не случайно. Во всяком случае, по нашей карте памятников (рис. 2) можно сделать вывод, что носители каякентско-хороchieвской культуры предпочитали селиться в плоскостных¹¹ и нагорных районах Северо-Восточного Кавказа, в степях за Хасав-Юртом — Алмало они уже, очевидно, почти не жили.

Если вопрос о территории культуры решается путем учета всех ее памятников, то хронологические членения куда более сложны.

Вопрос о времени существования любой археологической культуры тесно связан с вопросом о ее происхождении. В предыдущих главах, в том числе и в главе, посвященной истории вопроса, мы отметили мнение ряда исследователей о возможности местного происхождения культуры. Это мнение мы полностью разделяем. Подобным образом А. П. Круглов высказывался еще в те годы, когда для выяснения общей линии развития местных культур в эпоху бронзы не хватало многих звеньев. Но и в то время ему удалось наметить «вполне закономерную смену одних памятников другими, непрерывную линию исторического процесса»¹². Р. М. Мунчаев также генетически связывает изучаемую нами культуру с предшествующими этапами¹³. Подобное мнение высказывалось А. А. Иессеном¹⁴, В. И. Канивцом¹⁵, В. Г. Котовичем и В. М. Котович¹⁶. Попытку проследить последовательные этапы развития древних дагестанских племен предпринял Я. А. Федоров. По его мнению, племена каякентско-хороchieвской культуры являются «далекими потомками дагестанских аборигенов, населявших эту страну в эпоху энеолита»¹⁷. К сожалению, подобные мнения ни в

¹¹ Плоскостью на Кавказе называются относительно невысокие участки (плато, предгорья), включая и степи, примыкающие к горным массивам.

¹² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 92, 93.

¹³ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 13.

¹⁴ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. «Тезисы докладов на конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г.», М., 1956, стр. 15.

¹⁵ В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 50—51.

¹⁶ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. VIII. Махачкала, 1960, стр. 340—345; В. М. Котович. Верхнегунпбское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 249, 250.

¹⁷ Я. А. Федоров. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана по данным археологии. СА, 1960,

одной работе не нашли последовательного освещения.

Анализ погребального обряда памятников культуры, основного археологического материала, сделанный нами выше, позволяет, не углубляясь в излишнюю детализацию, утверждать, что всем своим развитием каякентско-хороchieвская культура действительно связана с предшествующими эпохами. Такие известные памятники Северо-Восточного Кавказа, как Великентское и Каякентское поселения, могильники Гоно, Миатлы, Гинчи, Гатып-Кале и поселение в Верхнем Гунибе, содержат материал, без учета которого трудно представить хотя бы приблизительную схему исторического развития местных племен и подойти к пониманию изучаемой культуры.

О плавном, постепенном переходе культуры предшествующего времени в каякентско-хороchieвскую свидетельствуют также материалы зольника у сел. Курчалой. Он занимает высокую платформу р. Хумык, слегка понижающуюся с запада на восток. Толщина культурного слоя достигает 3,4 м. Слой обожженной глины отделял верхнюю часть зольника от нижней, позволяя наметить условные «строительные горизонты». Несомненно, здесь имели место и смывы, и ветровые перемещения золы и предметов. Зольник — это самая трудная для изучения часть поселения.

Тщательный анализ по квадратам и глубинам (через каждые 10 см) позволил заметить, что во всех слоях лощеная керамика сопутствует керамике с обмазкой. В верхних частях зольника ясно заметное преобладание керамики с обмазкой над лощеной посудой. Керамики с обмазкой здесь в 6—7 раз больше, чем гладкой. В нижних частях зольника обнаружены в большом количестве обломки гладкостенной керамики и отдельные черепки с ручками в виде прощеленного выступа, а также вкладыши-пластины без зубцов — материал весьма раннего, архаического облика¹⁸. На это же указывает и состав металла бронзовых (сильно мышьяковистых) находок нижних слоев. Только отдельные находки среди массы керамики и общий подсчет всех найденных образцов указывали на медленную эволюцию, накопление новых качеств в материале. Именно трудность выделения специфических предметов и характерных особенностей в керамике, соответствующих хронологическим

№ 3; Он же. Происхождение кумыков. Автореферат канд. дисс. М., 1961, стр. 4.

¹⁸ В. И. Маркович. Археологические разведки..., стр. 64, 67, рис. 23, 5, 9; Он же. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни, стр. 122, 123; см. также материалы работ в Курчалое в 1964 г.

периодам культуры, и привела к мысли о ее монолитности¹⁹. Да, такие трудности несомненны.

А. П. Круглов первый попытался разобраться в хронологических особенностях памятников каякентско-хороchieвской культуры. Его наблюдения свелись к одному весьма неопределенному мнению: разницу между материалами могильников хороchieвского и каякентского типов можно объяснить «некоторой разновременностью тех и других погребальных комплексов»²⁰. Какова же степень этой разновременности, автор умолчал. Неприемлемы для нас и его сопоставления изучаемого материала с памятниками типа Нальчикского могильника, пятигорских курганов и т. д.²¹ Наш труд в определенной степени облегчает работа Е. И. Крупнова, предпринятая им в связи с синхронизацией памятников кобанской культуры с культурами сопредельных областей. Памятники каякентско-хороchieвской культуры датируются им временем примерно от 1200 г. до н. э. до н. э.²² Е. И. Крупновым создана и таблица их относительной периодизации — от менее древних к древним в такой последовательности: могильники Мугерган, Зандак (Дагбаш), погребение в Манасских курганах (эти памятники отнесены ко времени около 800 г. до н. э.); Талгинский могильник, Уч-Авлах (около 900 г. до н. э.); Каякентский могильник, Белгатой (около 1000 г. до н. э.); Тарки I и II, Мамай-Кутан (около 1100 г. до н. э.), Хороchieвский могильник, поселение Нижняя Сигитма, отдельные погребения в курганах на р. Сулак (время до 1100 г. до н. э.)²³. В этой схеме учтены основные памятники культуры. В целом мы считаем ее довольно правильной. Наша задача сводится к уточнению этой таблицы и к заполнению тех пустот, которые в ней имеются.

Первая и, пожалуй, самая трудная задача состоит в том, чтобы в могильных комплексах одного памятника выделить разновременные погребения и поставить их на соответствующие места. Далее, оперируя всем материалом, наметить вехи развития столь трудно расчлененной куль-

¹⁹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана..., стр. 344.

²⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 66.

²¹ Там же, стр. 89—91. Такие сопоставления были возможны и в какой-то мере правомерны в то время, когда А. П. Круглов писал свою работу, так как тогда многие памятники не были известны.

²² Е. Крупнов. A propos de la Chronologie..., стр. 11—13, рис. 3; Он же. Ранний железный век Северного Кавказа (опыт датировки памятников материальной культуры). «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIV. Махачкала, 1965, стр. 339—341.

²³ Е. Крупнов. A propos de la Chronologie..., стр. 11—12.

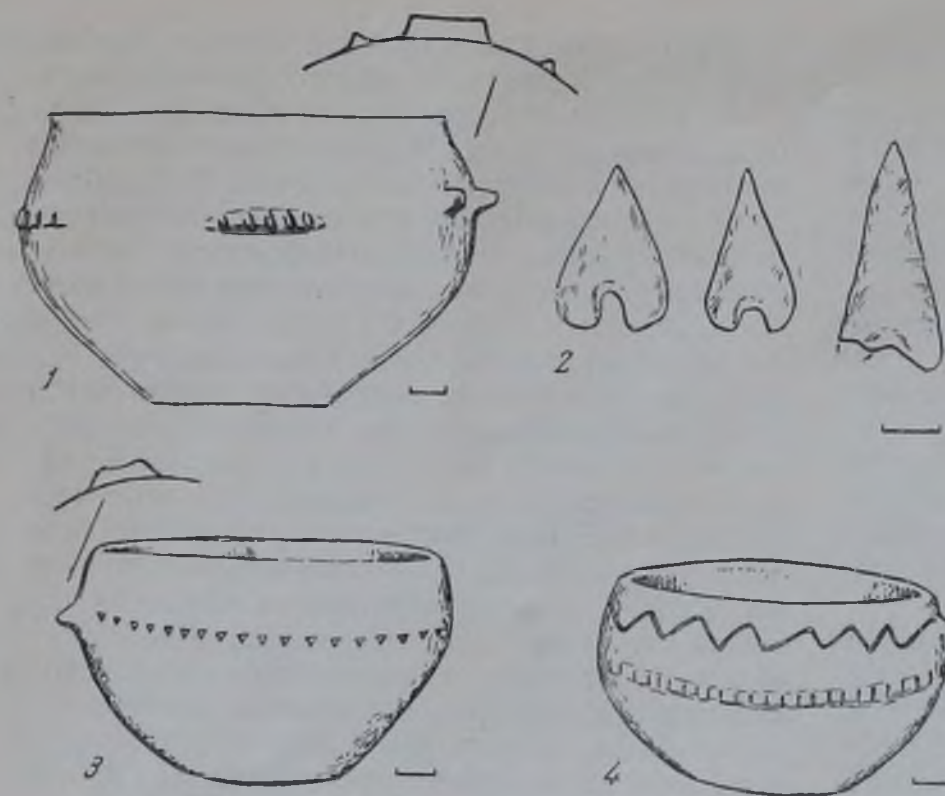

Рис. 34. Предметы из сел. Ведено (1—3) и Берекей (4)
1, 3, 4 — глиняные сосуды; 2 — кремневые наконечники стрел (1—3 — сборы Н. В. Орла; 4 — из погребения 3, раскопки Б. Е. Дегена-Ковалевского)

туры. В этом отношении опыт Е. И. Крупнова оказывает нам большую помощь.

Реальные возможности возникновения культуры в ее четких контурах начинают проследиваться с начала второй половины II тысячелетия до н. э. Таковы, например, находки в склепе 6 могильника Гинчи (сосуд 4-го типа и пластинчатая подвеска), в склепе 7 Гатын-Кале (колпачки) и в подкурганых склепах Миатлы (бородавчатые сурьмяные бусы, колпачки в погребениях курганов I, II группы), погребение, обнаруженное М. И. Исаковым у мельницы в сел. Карабудахкент. В этом отношении представляют большой интерес находки, сделанные Р. М. Мунчаевым в могильнике сел. Чох. Здесь из колодеобразных склепов извлечены обломки керамики, покрытые елочным узором, заштрихованными треугольниками, вмятинами и валиками, пластинчатые подвески и колпачки, пастовый «бородавчатый бисер»²⁴ — материалы, отличающиеся от предметов культуры лишь отдельными формами сосудов и некоторыми элементами орнамента. Этот памятник занимает промежуточное положение, он как бы стоит на грани перехода от склеповых могил эпохи бронзы к каменным ящикам каякентско-хорочоевской культуры. Чохские склепы можно датиро-

²⁴ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, 1958, вып. 71, стр. 44—47, рис. 11.

вать по найденному в них бисеру 1250—1200 гг. до н. э.²⁵ Подобный «бородавчатый» бисер был обнаружен А. П. Кругловым в погребении 2, открытым им у сел. Каякент. Могила содержала пластинчатые подвески, колпачки, браслет, сурьмяные бусы, раковины-подвески. Интересны также сосуды. Оба орнаментированы короткими врезами, волнистыми линиями, небольшими треугольниками²⁶. Это погребение мы бы отнесли ко времени, несколько более позднему, чем захоронения в Чохе.

В районе сел. Ведено в 1913 г. Н. В. Орел извлек из каменных ящиков довольно большую коллекцию предметов. Среди них А. П. Круглов выделил два округлых горшка с орнаментом в виде вдавлений и налепов (рис. 34, 1, 3). Вероятно, этим сосудам сопутствовали кремневые наконечники стрел с выемками в основании (рис. 34, 2)²⁷. Сосуд подобного типа с налепом и довольно богатым декором (штрихи, волнистые линии, рис. 34, 4) Б. Е. Деген-Ковалевский обнаружил в погребении 3 у сел. Берекей вместе с пластинчатыми подвесками, бронзовым наконечником стрелы, кремневым вкладышем с зубчиками и обломками сосудов²⁸.

Описанные материалы существенно дополняют друг друга. Бронзовый наконечник стрелы, судя по описанию, близок закавказским стрелам листовидной формы с выступающими усиками и с плоским или четырехгранным черенком. Такие стрелы армянские археологи датируют XIII—XII вв. до н. э.²⁹, подобная дата прослеживается и по памятникам Грузии³⁰. Стрелы этого типа, несколько изменяясь (приобретая ребро, более вычурный контур), упот-

²⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северо-Осетии докобанского периода. МИА, 1951, № 23, стр. 56, 70, рис. 27, 21.

²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 141, 142, а также см. личный архив А. П. Круглова с рисунками вещей.

²⁷ Там же, стр. 66, 69, 145, рис. 16, 1—6; 70, 2, 3.

²⁸ Там же, стр. 142, 144, 145, рис. 70, 6.

²⁹ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Автореферат канд. дисс. Ереван, 1962, стр. 12; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 122.

³⁰ Р. М. Абрамшвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. Музея Грузии», т. XIX-A и XXI-B. Тбилиси, 1957, стр. 140, табл. 228, 229.

ребляются долго, до VIII—VI вв. до н. э. включительно. Интересно и то, что в закавказских памятниках они часто встречаются вместе с кремневыми выемчатыми стрелами³¹. Мы не можем, однако, упомянутые погребения Чечни и Дагестана относить к позднему времени, так как сосуды, обнаруженные в ящиках у сел. Ведено, единичны в памятниках культуры, не составляют особых типов — они более всего характерны для памятников предшествующего времени (времени миатлинских курганов). Не стремясь особенно удревять изучаемый материал, мы бы отнесли эти находки ко времени, несколько более позднему, чем 1200 г. до н. э. Этим же временем можно датировать и селпще у сел. Анди в Дагестане³².

Необходимо обратить еще внимание на погребение 6 из сел. Белгатой. Из него извлечен сосуд 4-го типа³³, аналогичный кувшину из склепа 6 Гинчи. Гинчинский некрополь М. Г. Гаджиев датирует временем около середины — третьей четверти II тысячелетия до н. э.³⁴ Мы вправе в силу этого белгатоевское погребение 6 относить к равным памятникам культуры. Такими же древними нам кажутся и сосуды из селений Гуни и Согунты. Оба горшка имеют по ручке, очень бедно орнаментированы валиком. Мы относим их к 1-му типу сосудов, хотя они и отличаются меньшей отогнутостью венчика, наличием ручек и гладкой поверхностью. Они близки керамике из могильника Гатын-Кале (погребения 7, 13 и др.). Число ранних памятников можно увеличить. Таково Карабудахкентское поселение, на котором найдены крупные кремневые стрелы с выемками у основания³⁵.

Все перечисленные выше памятники мы бы датировали суммарно 1300—1100 гг. до н. э. Памятники подобного типа позволят в дальнейшем выделить переходный этап от эпохи развитой бронзы ко времени существования каякентско-хорочоевской культуры. Этот переход, как мы

³¹ А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского времени. «Изв. АН АрмССР», 1956, № 9, стр. 63, рис. 2; И. Г. Нариманов. Археологические памятники Гянджинского района. Баку, 1958, стр. 136, табл. 16; Д. А. Халилов. Археологические памятники Западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железного века. Баку, 1959, стр. 72, табл. XI.

³² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 94, 95, рис. 19.

³³ Там же, стр. 97, 99, рис. 21, 2.

³⁴ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X. Махачкала, 1962, стр. 188.

³⁵ Р. М. Мунчаев. К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 1958, № 68, стр. 173—175.

уже говорили, происходил очень плавно. И все же во всех упомянутых памятниках еще мало сосудов 1-го типа, наиболее характерных для изучаемой культуры. Гладкая керамика превалирует в восточных районах, где несколько позже главное место займет посуда с обмазкой.

Большая часть памятников (Ишхой-Юрт, Дарго, Белгатой — погребения 1—5, Хорочоевский могильник, Хиндойское и Новолакское поселения, погребения у селений Гагатль, Верхний Чир-Юрт, Миатлы, Старый и Новый Чиркей, находки, сделанные в районе г. Махачкала, Тарки, Талги, Нижний Дженгутай, Кафыр-Кутух, Манас, Дургели, Урма, Успша, Сутай-Кутан, Ачи-Су, Берекей, Изберг, Каякент, Уч-Авлах, Мамай-Кутан, Геджух, Дагестанские Огни, Маджалис, а также, вероятно, Дуба-Юрт и Ленин-кент Махачкалинского района)³⁶ характеризует период расцвета культуры. Несомненно, не все памятники одновременны, среди них имеются более и менее древние. Так, памятником, занимающим промежуточное положение от первого периода ко второму, можно считать основные материалы зольника у сел. Курчалой, металлические предметы которого были сделаны из мышьяковистой бронзы.

Такие бытовые памятники, как Нижне-Спитинское поселение³⁷, культурные слои в Капчугае и др., связанные с наскальными рисунками³⁸, также можно отнести к довольно раннему времени.

В нижнем ряду нашего списка памятников можно поместить и одиночную гробницу, открытую нами у сел. Тарки. В ней, как известно, был обнаружен бронзовый листовидный нож³⁹. Подобные похи-кинжалы употреблялись в Закавказье с XV до X в. до н. э.⁴⁰, на Северном Кавказе подобные ножи бытовали не менее длительное время⁴¹. Талгинский могильник, исследованный М. И. Исаковым, содержал два кинжалных клинка (из погребений 1 и 6). Один из них более архаичен — он напоминает штык или копье, снабжен небольшим черенком

³⁶ См. главу III с кратким описанием памятников.

³⁷ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 25—27.

³⁸ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугаи Дагестанской АССР. СА, 1954, XX, стр. 325 и сл.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 1951, № 23, стр. 242, 255, рис. 14, 4.

⁴⁰ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении, стр. 12, табл. I, 15.

⁴¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии..., стр. 70, рис. 27, 7.

(рис. 26, 8)⁴² и может быть датирован, по А. А. Иессену, XI в. до н. э.⁴³ Второй нож-кинжал листовидной формы, очевидно, имел отверстие для прикрепления рукоятки с помощью заклепок (рис. 26, 6)⁴⁴. Такие кинжалы грузинские археологи датируют XIII—XII вв. до н. э.⁴⁵, а А. А. Иессен относит их к XI в. до н. э.⁴⁶

Таким образом, на основании указанных предметов гробницу у сел. Тарки и Талгинский могильник можно суммарно датировать XI в. до н. э. — хронологическая разница между названными памятниками явно невелика. И оба памятника могут быть сближены с могильниками Тарки I и II. Судя по керамике (сосуды 1-го, 3-го, 5—7-го типов, браслеты, бусы, подвески и пр.), эти могильники могут быть, в свою очередь, сопоставлены с Хорочевским могильником. На раннюю дату последнего указывает хотя бы металл изделий, почти не содержащий примеси олова⁴⁷. Так образуется цепь памятников, относящихся примерно к одному времени, с хронологической разницей в материале в 100—150 лет.

Остановимся еще на датировке Каякентского могильника. Е. И. Крупнов в 40-х годах сближал материалы могильника, в первую очередь металл (браслеты, бляхи, подвески), с предметами ходжалы-кедабекской культуры⁴⁸. В настоящее время эта культура Азербайджана датируется в пределах от XI до IX в. до н. э.⁴⁹ Сравнение каякентских материалов с кобанскими древностями, что было предложено Е. И. Крупновым в самое последнее время, позволяет верхнюю дату Каякентского могильника доводить до IX в. до н. э.⁵⁰

⁴² М. И. Исаков, Талгинский могильник. КСИИМК. 1957, 67, стр. 129.

⁴³ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА. 1951, № 23, стр. 114, 120, рис. 51, 4.

⁴⁴ М. И. Исаков, Талгинский могильник, стр. 126, 128, рис. 53, 1.

⁴⁵ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси. 1957, стр. 111, 123, рис. 16.

⁴⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., стр. 114—120.

⁴⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 80, табл. 4.

⁴⁸ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 10 и сл.

⁴⁹ Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. «Материальная культура Азербайджана», т. IV, Баку, 1962, стр. 124—126; Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Поне. Древний Мингечаур. Баку. 1959, стр. 120, 121.

⁵⁰ Е. Крупнов. A propos de la Chronologie..., табл. 3. Необходимо заметить, что геометрический

Таким образом, памятники периода расцвета каякентско-хорочевской культуры могут быть ориентировочно датированы XI—IX вв. до н. э. В это время вырабатываются самые характерные черты культуры, устойчивый обряд погребения и все те ее особенности, которые можно назвать локальными.

Первые два периода мы имеем полное право относить к эпохе поздней бронзы — в памятниках Северо-Восточного Кавказа этого времени еще нет железа, хотя в соседнем Закавказье с XII—XI вв. до н. э. начинают появляться первые изделия из нового металла. Но и там железо в это время не играет ведущей роли, хозяйственное освоение и применение его происходит позже⁵¹.

Третий период, знаменующий явный переход к железу, мы относим, следуя за Е. И. Крупновым, к IX в. до н. э. и выше. С данным периодом можно связать целую серию памятников: могильники Зандак, Кабарты-Кутан, Ак-Яр, отдельные погребения могильника у сел. Старый Мугерган, погребения, открытые у г. Буйнакса, Нютюгское и Ашага-Стальское поселения.

Среди этих памятников только на поселении близ сел. Ашага-Сталь обнаружены обломки сосудов первого типа. Покрывают они валиком с вмятинами и напоминают «кухонную» посуду так называемого предскифского времени. Подобная керамика собрана и на поселении Нютюг. Оба памятника мы бы отнесли ко времени, переходному от второго периода к третьему. В дальнейшем посуда первого типа исчезает. Ее место занимают не очень многочисленные в памятниках Северо-Восточного Кавказа корчаги.

Наиболее исторически важным среди указанных памятников является могильник Зандак (Дагбаш). Еще М. И. Пиккуль, открывшая здесь только четыре погребения, отмечала его важность для изучения эпохи «первоначального освоения железа на Северном Кавказе»⁵². Несомненно, зандакские погребения не все одновременны⁵³, но многие из них содержат

узор в Дагестане широко распространен с эпохи бронзы (Гичи, Верхний Гуниб и др.).

⁵¹ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников..., стр. 139, 140.

⁵² М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. «Уч. зап. ИИАЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, Махачкала, 1961, стр. 317.

⁵³ Ранним нам представляется, например, погребение 10, в котором находилось бронзовое копье, датруемое XII—XI вв. до н. э. (Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке..., табл. I, рис. 212, 180; О. В. Ткешелашвили. Погребение эпохи поздней бронзы в Навтлуги. «Вестник Гос. Музея Грузии», XXIV-V, Тбилиси 1963, стр. 49—53), погребение и могильник у

Рис. 35. Зандакский (Дагбашский) могильник
1 — погребение 38; 2 — захоронение коня

материалы интересующего нас периода. Отметим только некоторые из таких погребений.

Погребение 31 Зандагского могильника содержало сильно скорченный мужской костяк, лежавший почти на спине (покойного положили первоначально на левый бок и в дальнейшем он опрокинулся). Головой обращен на юго-восток. При нем найдено огромное количество вещей и среди них каменный топор со сверливой, железное копье с длинной втулкой и оваловно-уплощенным жалом, бронзовые стрелы-плошки с короткими черешками, костяная втульчатая четырехгранная стрела башенного типа с плоским основанием. Погребение может быть датировано именно этим наконечником стрелы. Подобные стрелы характерны для периода поздней бронзы — предскифского времени⁵⁴.

В погребении 38 (каменный ящик) было обнаружено два скорченных костяка. Они лежали лицом друг к другу: на левом боку покоился мужчина-воин, на правом — женщина. Оба обращены головами на юго-восток. При мужском костяке найдены бронзовые кинжал с черешком, булава-кистень, бляхи — украшения сбруи, пара трехпетельчатых псаев, удила с двойными кольцами, тут же лежало железное втульчатое копье (рис. 35, 1). Лоб воина украшала бронзовая лента. У черепа женщины лежали массивные височные подвески выделенного нами 3-го типа. В погребении имелись и другие находки (оселок, мелкие бляхи), описание которых мы здесь опускаем⁵⁵. Самую надежную дату погребения дают удила и псални. Подобные предметы известны из Сурмуши (Грузия), Баксанского ущелья, Новочеркасского клад, ст. Филипповской, Чернышевской (Ростовская область) и т. д. А. А. Иессен такие предметы относит к I выделенному им типу и датируют их VIII — серединой VII в. до н. э.⁵⁶

В том же могильнике в погребениях 34, 46, 49 и других рядом с костяками были положены кусочки глинистого сидерита — руды железа, довольно часто встречающейся на Северном Кавказе и в Дагестане.

сел. Старый Мугерган (имеется погребение с копьем, см. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1997, отчет М. И. Пикуль.)

⁵⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 1961, № 101, стр. 58, 59, рис. 39, А, 17.

⁵⁵ Раскопки автора. См. В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100, 1965, стр. 46, 47, рис. 18.

⁵⁶ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 52—70, 102, рис. 1; 4, 2, 8; 10 и др.

В могильнике у сел. Зандак уже не было сосудов первого типа, изредка встречались корчаги; обмазка на сосудах напоминает декоративные каннелюры.

К могильнику Зандак хронологически при- мыкают Кабарты-Кутанские погребения. В них, так же как и в Зандаке, височные подвески представлены крупными массивными изделиями III типа, а керамика — в основном сосудами баночных форм⁵⁷.

Могильник Ак-Яр и погребения, открытые Ф. А. Афанасьевым у г. Буйнакса, содержали материал, типичный для культуры (височные подвески, колпачки), но здесь же были найдены бусы, известные и в погребениях скифского времени⁵⁸. Так, в могильнике у сел. Старый Мугерган (Керимхандагский могильник) найдены обломки посуды, напоминающей хумы (пифосы), бронзовые булавы, гривны и другие предметы, характерные для последующего времени⁵⁹.

Таким образом, эта группа памятников, уходя за пределы нашей темы, знаменуют период освоения железа, уводит ко времени иных влияний и исторических событий. Совершенно прав Е. И. Крупнов, считающий, что изучение памятников скифского и последующего времени позволит выявить новые «и самостоятельные археологические культуры» для Северо-Восточного Кавказа⁶⁰.

Ниже дана сводная таблица хронологических периодов каякентско-хорочоевской культуры.

В данной таблице приведены основные памятники II периода культуры и хотя не все они одновременны, но примерная дата их — 1100—900 гг. до н. э. — не так велика, чтобы возникала необходимость дополнительного расчленения по отдельным комплексам. Именно материалы II периода являются основными, определяющими характер культуры Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы. Данный период, не осложненный еще степным («скифо-савроматским») влиянием, позволяет сделать выводы и о локальных группах культуры.

А. П. Круглов впервые сделал попытку выделить локальные особенности «западных»

⁵⁷ М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 157 и сл., рис. 2; 3; М. И. Пикуль в этой работе чрезмерно удревает памятники.

⁵⁸ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 160—163, рис. 4, 29—31; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 23—31, рис. 4; 5.

⁵⁹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1997, отчет М. И. Пикуль, стр. 9—25, табл. XII, 2.

⁶⁰ Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа, стр. 341.

Памятники каякентско-хорочоевской культуры

Приблизительная дата	Памятники
Близки скифскому времени (позже 900 г. до н. э.)	Буйнакс (отдельные погребения), Ак-Ярский могильник, Керимхандагский могильник у сел. Старый Мугерган (отдельные погребения), Кабарты-Кутанский могильник, Зандакский (Дагбашский) могильник (отдельные погребения), Нютюгское, Ашага-Стальское поселения
II период (около 1100—900 гг. до н. э.)	Уч-Авлах, Каякентский могильник, Мамай-Кутан, Гелжух, Дагестанские Огни, Маджаллис, Дургелли, Сутай-Кутан, Ачи-Су, Берекей, Изберг, район Махачкала, Нижний Дженгутай, Кафыр-Кумух, Хиндойское, Новолакское поселения, Верхний Чир-Юрт, Мнатлы, Старый и Новый Чиркей (могильники), Ишхой-Юрт, Дарго, Белгатай, Гагатль (могильники), Хорочоевский могильник, Тарки I, II (могильники), Талгинский могильник, Тарки (отдельная гробница), Нижняя Сигитма (поселение), Капчугай (культурные слои, рисунки на скалах)
I период (около 1300—1100 гг. до н. э.)	Курчалой (зольник), Карабудахкентское поселение, Согунты, Гуни (отдельные находки из могильников), Белгатай (погребение 6), Анди (селище), Берекей (погребение 3), Ведено

(чеченских) и «восточных» (дагестанских) районов культуры⁶¹. К сожалению, четкого представления о них он не дал. Е. И. Крупнов также писал о возможности выделения двух локальных групп культуры и материалы из Таркинского могильника склонен был рассматривать как «характеризующие особенности восточной группы»⁶². К. Ф. Смирнов, сравнивая хорочоевские и каякентские материалы, отметил, что «таркинская группа погребений имеет общие черты как с каякентской, так и с хорочоевской» и в погребальном ритуале и в инвентаре. «В ней, — пишет К. Ф. Смирнов, — пожалуй, более преобладают черты хорочоевской группы»⁶³. В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов рассматривают различия, имеющиеся в культуре, как территориальные, а не хронологические⁶⁴.

Анализ погребального обряда и инвентаря дает некоторую возможность выделить локальные группы внутри каякентско-хорочоевской культуры (рис. 36). Интересно также попытаться сравнить в самом ориентировочном плане районы культуры с современным расселением народов Северо-Восточного Кавказа⁶⁵.

⁶¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 52—59.

⁶² Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1951, № 23, стр. 222.

⁶³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе..., стр. 255—257.

⁶⁴ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет, стр. 344.

⁶⁵ «Народы Дагестана». М., 1955, карта сост. Я. Р. Винниковым; «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 416, карта сост. по материалам ДЭД 1953—1954 гг.

1. Как отмечалось нами в главе IV, в западной части культуры встречаются ритуальные ограждения могил выкладками в виде кромлев круглой и овальной формы. Судя по имеющимся материалам, южнее района горы Тарки-тау, у сел. Старый Чиркей они не встречаются (крайние пункты — могильники Тарки I, у ст. Тарки, Капчугай, Гагатль).

2. В узколокальном районе, приходящемся в основном на юго-восточную часть современной Чечни, встречаются в одном могильнике сооружения в виде каменных ящиков, простых грунтовых ям и ям, обложенных камнями.

3. Пока еще трудно локализируются участки, подтверждающие ритуальные различия в ориентировке могильных сооружений и их рядов. Почти всю территорию культуры занимают могильники с сооружениями, вытянутыми с юго-запада на северо-восток и с севера на юг (с отклонениями). Однако в районе могильников Каякент и Ак-Яр большая часть ящиков вытянута с востока на запад. Более четко прослеживается три района с различными позами погребенных: западный, центральный и восточный с очень условными границами между ними. На территории западного района преобладают памятники со скорченными костяками, положенными на бок. Этот район совпадает в основном с районом распространения смешанного типа погребальных сооружений. Центральный район содержит памятники со смешанным обрядом погребения, в которых сочетаются скорченные лежащие костяки (они преобладают) с костяками в позе сидя. В этот район должны быть включены и окрестности г. Ха-

сав-Юрт, где известно погребение с сидящим костяком⁶⁶. В южной части данный район в настоящее время может быть ограничен окрестностями курорта Талги, селений Тарки, Урма, Чох с соответствующими могильниками. Восточный район захватывает всю остальную часть страны и характеризуется памятниками с преобладанием сидячих захоронений. Различия в ориентировке погребенных также в основном соответствуют этим районам.

4. Размещение сосудов в могильных сооружениях и их количество также было довольно строго канонизировано. Преимущественно одним сосудом, поставленным в угол могилы, характеризуются памятники западных районов культуры. Границей распространения такой ритуальной черты в погребениях является бассейн р. Сулак. К югу и востоку намечается второй район — здесь в погребениях встречаются два-три сосуда, поставленные по углам. Условной южной границей района может служить широтная отметка, проведенная от ст. Манас. Южнее намечается третий район, погребальные памятники которого содержат несколько сосудов в каждой могиле, при этом обычно крупные располагаются под покровной плитой, а мелкие — «плошки» (чаши, миски) — на дне могилы⁶⁷.

5. Определенные локальные особенности намечаются в керамике и ее декоре. Для современной территории Восточной Чечни характерна посуда, покрытая грубой обмазкой. В ее декоре главное место занимают налепные валики, прочерченный орнамент встречается крайне редко. В эту зону входит и район селений Анди и Гагатль, где была найдена керамика с валиками, разделенными насечками⁶⁸. Второй район охватывает памятники с керамикой, также большей частью покрытой обмазкой. В ее декоре валиковые элементы сочетаются с нарезным орнаментом. Как говорилось в главе V, этот район захватывает северную часть территории культуры до условной линии г. Изберг — Уч-Авлах — Урма. Вся остальная территория культуры приходится на памятники, содержащие грубо заглаженную керамику, покрытую отдельными налепами и нарезным узором.

6. Особенности могильника у сел. Белгатой дают определенное право выделять здесь локальную зону. Исследованные могилы были вытянуты с востока на запад, погребенные ориентированы также на восток и запад.

Правда, эти особенности для могильника в целом могут быть хронологическими.

7. В узкой зоне, ограниченной пунктами Дагестанские Огни, Маджалис, встречены сосуды с декором в виде валиков. Такой узор не характерен для южнодагестанского района, где преобладает керамика с нарезным орнаментом и отдельными налепами.

Итак, как показывает составленная нами карта локальных особенностей культуры, многие специфические черты местных памятников, налагаясь друг на друга, образуют в целом крупные районы с этно-культурным своеобразием. Но мы имеем дело не с точным, а лишь с приблизительным совпадением. Наша карта пестрит «пятнами», где совпадают не все локальные черты. Это происходит, во-первых, из-за небольшого количества материала, которым мы имеем возможность сейчас оперировать, и, во-вторых, возможно, такие лакуны в свою очередь характеризуют отдельные мелкие группы древних племен. Хотелось бы, чтобы наше предположение в дальнейшем подтвердилось. Сопоставление современных этнографических карт Северо-Восточного Кавказа с предложенной картой локальных вариантов показывает, что выделенные древние племенные районы обретают некоторую реальную почву (для удобства на нашей карте отдельным районам даны буквенные обозначения).

Северо-восточный локальный район культуры, дающий пять совпадений различных погребальных особенностей, ныне заселен чеченцами (зона А).

Район нижнего течения р. Сулак с притоками и частью современной Кумыкской плоскости, заселенный ныне в основном кумыками и аварцами, на нашей карте дает три и четыре совпадения. Возможно, этот район соответствует древнему расселению предков аварцев (зоны Б, В). Причем северная часть данной территории с четырьмя совпадающими наложениями могла быть зоной контактов этого, назовем условно, прааварско-лакского населения с близкородственными племенами, возможно даже пракумыкскими.

Узколокальная племенная группировка (три совпадения древних локальных черт) в районе ст. Манас, возможно, характеризует древнее расселение племен, близких даргинцам (зона Г).

Большой участок, занимающий южную часть Дагестана (зона Д), мог включать в себя племена лезгинского типа.

Зона Е, возможно, отражает временное передвижение более северных носителей культуры. Этот участок слабо изучен.

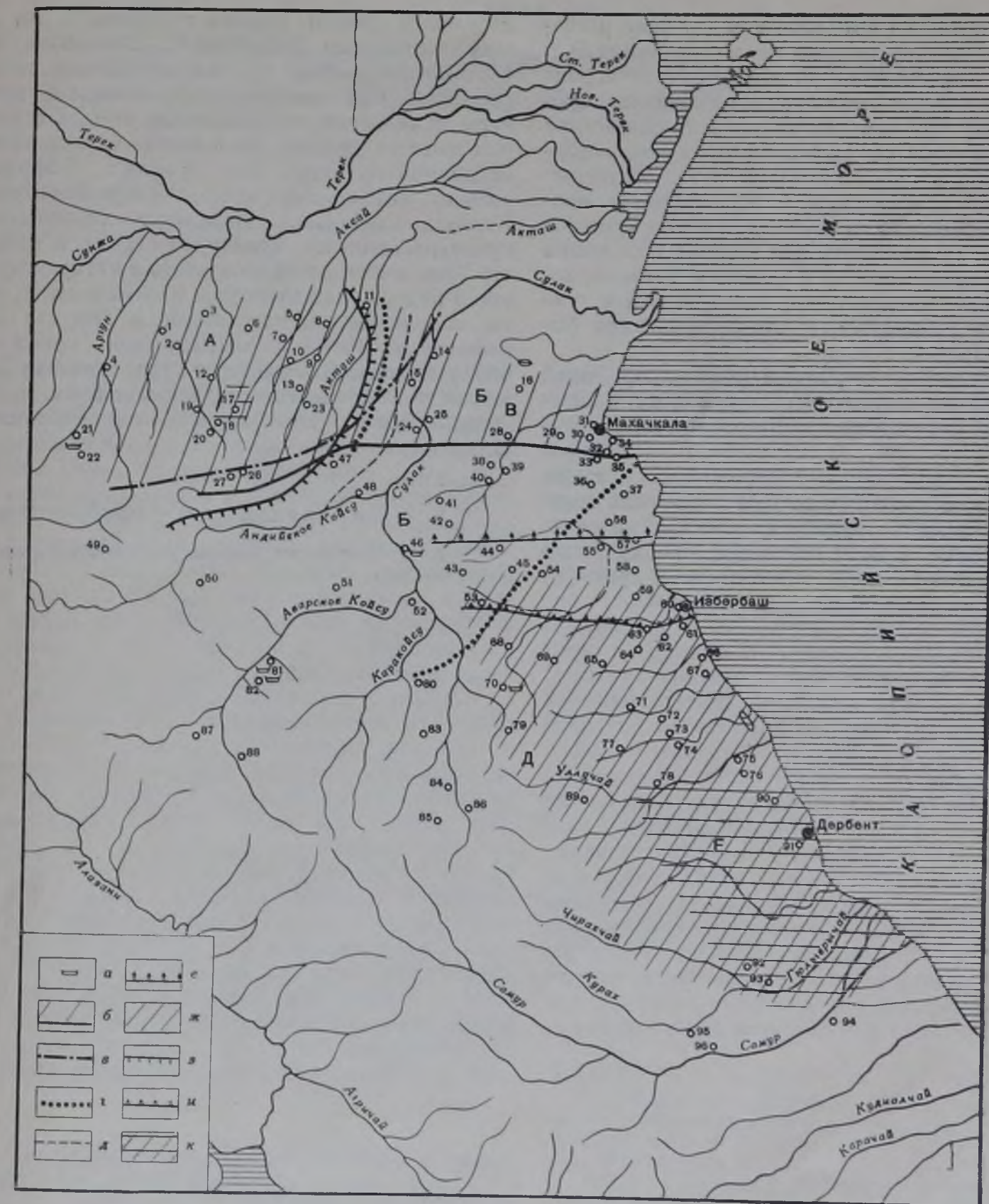

Рис. 36. Локальные районы на территории каякентско-хорочоевской культуры

Условные обозначения: а — памятники эпохи развитой бронзы; б — область распространения памятников с надмогильными оградками; в — граница распространения смешанных погребений (ямы, ящики); г — граница распространения памятников с погребениями «сидя и лежа»; д — граница распространения погребальных памятников, содержащих по одному сосуду в углу могилы; е — граница распространения памятников с двумя-тремя сосудами по углам могилы; ж — область распространения памятников, содержащих сосуды

под перекрытиями могил и «плошки» у их дна; з — область наибольшего распространения памятников с сосудами, покрытыми обмазкой и валиковым декором; и — область распространения памятников с сосудами, украшенными валиками и прочерченным узором; к — узколокальные участки. Крупными буквами обозначены локальные районы и участок (Е). Цифровые обозначения населенных пунктов соответствуют цифровым обозначениям населенных пунктов на рис. 2

⁶⁶ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 99, 100.

⁶⁷ Детальное описание всех особенностей дано в главе IV.

⁶⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 139, 140.

Наша попытка локализовать древнее расселение чечено-дагестанских племен в конце II и начале I тысячелетия до н. э. требует огромнейшей, в первую очередь археологической проверки. Ведь вся юго-западная часть Дагестана до сих пор остается археологически неисследованной. Эта проверка должна быть подтверждена также лингвистами и этнографами: много ли соответствий в языке, скажем, кумыков и аварцев (я понимаю, что сейчас это языки разных групп), хотя бы в наиболее древней, хозяйственной терминологии, соответствий в пословицах и поговорках, в этнографическом быте этих народов и т. д.

Успешная работа ученых разных профилей с тщательным картографированием их наблюдений дает очень много для решения затронутого вопроса.

Говоря о каякентско-хорочоевской культуре, мы не можем рассматривать ее лишь как определенный этап в развитии местных племен. В. И. Канивец и В. М. Котович, оперирующие термином «этап», применяют его то к древнему

населению узкого района р. Сулак⁶⁹, то для всей территории Дагестана⁷⁰. Возможно, для небольшого участка страны проявление специфических черт каякентско-хорочоевской культуры и является определенным этапом в истории данного участка, но в целом характеристика данной культуры как простого хронологического этапа для всего Северо-Восточного Кавказа неверна. Каякентско-хорочоевская культура является культурой огромной важности. Она занимает видное место в истории края, ибо в недрах этой культуры намечаются те черты племенного деления, которые получают еще большее развитие в последующее время — в эпоху железа. В этой культуре впервые возникли многие черты искусства и быта, характерные для горцев всего Северо-Восточного Кавказа.

⁶⁹ В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник..., стр. 50, 51.

⁷⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение..., стр. 249—252.

Довольно трудно реконструировать хозяйственные занятия, быт, связи с соседними племенами и социальные отношения древних племен, когда известны только погребальные памятники. Однако такая попытка необходима, хотя нам придется оперировать незначительным материалом, добытым на поселениях, погребальными комплексами и отдельными находками. Опыт изучения ряда культур (срубной, катакомбной, савроматской), и более всего кобанской¹, с привлечением небольших материалов из поселений, позволяет и нам, вслед за А. П. Кругловым², попытаться восстановить картины жизни древнего населения Северо-Восточного Кавказа.

Несколько слов о физическом типе носителей каякентско-хорочоевской культуры (рис. 37). К сожалению, до сих пор антропологами почти не изучены костные материалы, происходящие из древних могильников. Сейчас не подлежит сомнению, что «какого-либо культурного единства между древним населением Дагестана и Осетии не наблюдалось и в период бытования кобанской и каякентско-хорочоевской культур»³. Носители изучаемой культуры, как и другие древние жители Северного Кавказа, являлись европеоидами⁴. Однако исследования антропологов показали, что по мере приближения к современности антропологический тип населения становится все более разнообразным⁵. Это касается и кав-

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 300 и сл.

² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 77 и сл.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 85.

⁴ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 171—175; Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана. МАД I. Махачкала, 1959, стр. 186, 187.

⁵ A. Jarcho. Die Altersveränderungen der Rassenmerkmale bei den Erwachsenen. «Anthropologischer Anzeiger», Jg. XII, H. 2. Stuttgart, 1935, стр. 179.

ЛЮДИ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИХ ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

казцев⁶. В. В. Бунак замечает, что для восточной части Северного Кавказа характерен долихокранный тип, «но с крупными размерами диаметров черепа». Этот тип «в отдельных группах прослеживается до настоящего времени»⁷. Такое же мнение высказывает А. Г. Гаджиев, хотя и не соглашается с большой древностью крупных черепных указателей. Он пишет: «Можно предположить, что антропологический тип населения территории Дагестана в эпоху бронзы был очень близок к антропологическому типу населения Закавказья и Передней Азии. Данный антропологический тип без больших изменений сохранился вплоть до позднего средневековья, когда в силу внутреннего, автохтонного процесса развития антропологический тип стал претерпевать значительные изменения, а именно указатель стал повышаться, скуловой диаметр стал увеличиваться»⁸. Внутри этого довольно единого типа А. Г. Гаджиев выделяет три близкие друг другу антропологические группы: западную (характерна для андо-аварских народов и лакцев), южную (лезгинские народы), восточную (кайтаги, кумыки)⁹. Возможно, первичные черты такого деления уходят в отдаленное прошлое, связанное с существованием племен каякентско-хорочоевской культуры.

⁶ В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. «Сборник МАЭ», т. XIV, 1953, стр. 351—356.

⁷ Там же, стр. 364.

⁸ А. Г. Гаджиев. Данные по палеоантропологии Дагестана. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X. Махачкала, 1962, стр. 198.

⁹ А. Г. Гаджиев. Этническая антропология Дагестана. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 4, 5. См. также: М. С. Акимова, М. А. Булатова. К антропологии аварцев. КСИЭ, II, 1947, стр. 21—26; М. С. Акимова. Антропологический тип лезгин. КСИЭ, XVI, 1952, стр. 73—74; Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, XIX, 1953, стр. 68—72; В. В. Бунак. Антропологический состав населения Кавказа. «Вестник Гос. Музея Грузии», XIII-A, Тбилиси, 1947, стр. 91—96.

Рис. 37. Бюст женщины из погребения 27 Хорочоевского могильника (реконструкция М. М. Герасимова)

Представители культуры (высоколицый и узколицый кавкасионский антропологический тип) были генетически близки населению, оставившему такие памятники, как Гинчи, Гоно, Гатын-Кале, Джемикент¹⁰. Наблюдения антропологов еще раз подтверждают преемственные связи физического типа населения и его культуры с более ранними периодами.

Древние племена — носители каякентско-хорочоевской культуры были оседлыми земледельцами и скотоводами. Селились они обычно на высоких террасах (смытое Курчалоевское поселение, Нижнее Сигитминское поселение), в лощинах, между гор (Карабудахкентское поселение), на платовых поднятиях (Новолакское поселение), высоких холмах (Нютюг, Ашага-Стал, Каякент II), по склонам гор (Хиндой,

¹⁰ А. Г. Гаджиев. Этническая антропология..., стр. 9. Влияние каспийской расы вырисовывается наиболее явно только у кумыков (там же, стр. 12); Он же. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 89—108, 113, 114.

Анди), но всегда возле источников воды и рек. Поселения занимали более или менее хорошо защищенные места, расположенные на солнечной стороне. Яркое представление о характере таких поселков дают раскопки Нижне-Сигитминского поселения, проведенные К. А. Бредэ. Многокамерные жилые сооружения воздвигались на основании, сложенном из крупных камней, с забутовкой между ними, верхняя часть стен была глинобитной. Ширина их достигает 0,9—1,4 м. Сооружения имели до пяти помещений квадратной или округлой формы с площадью от 4—5 до 32 кв. м. Внутри помещений по углам обнаружены очаги округлой и квадратной формы, сделанные из настилов камня до 1×1,5 м. Вместе с ними встречены небольшие шестигранные очаги (диаметр их 0,50—0,70 м), скорее всего ритуального назначения. Полы в домах земляные. Массивные двери помещений поворачивались на пяточных камнях (рис. 38, 2). Это были дома больших патриархальных семей¹¹.

Близкие по конструкции сооружения М. И. Пикуль обнаружила близ сел. Аркас¹². Новолакское поселение, расположенное на плато, к сожалению, исследовано очень бегло. Здесь среди развалов глинобитных построек и речных валунов (остатки фундаментов — ?) обнаружена круглая в плане печь, служившая, очевидно, для выпечки хлеба¹³. Близкая по типу печь, датируемая VI—V вв. до н. э., имевшая два отделения, была обнаружена на поселении Бавтугай¹⁴. Развалы глинобитных зданий и масса камней наблюдались мною и М. Н. Погребовой на Карабудахкентском поселении. Подобные поселки могли существовать очень долго, об этом свидетельствует хотя бы мощный курчалоевский зольник. Интересно то, что при сопоставлении жилищ эпохи бронзы и более поздних построек почти не прослеживаются изменения в их конструкции и планировке¹⁵. Изменяются лишь места расположения поселков — с труднодоступ-

¹¹ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. III, Махачкала, 1957, стр. 159; К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 25, 26; см. отчеты К. А. Бредэ в Архиве ИА АН СССР, ф. 1, д. 1590, 1616.

¹² М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 46—50; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1838, отчет М. И. Пикуль.

¹³ Там же, ф. 1, д. 639, отчет М. И. Пикуль.

¹⁴ Д. 1838, стр. 40, 41.

¹⁵ В. М. Котович. К истории дагестанского поселения и жилищ на ранних этапах медно-бронзового века. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XII, Махачкала, 1961, стр. 192.

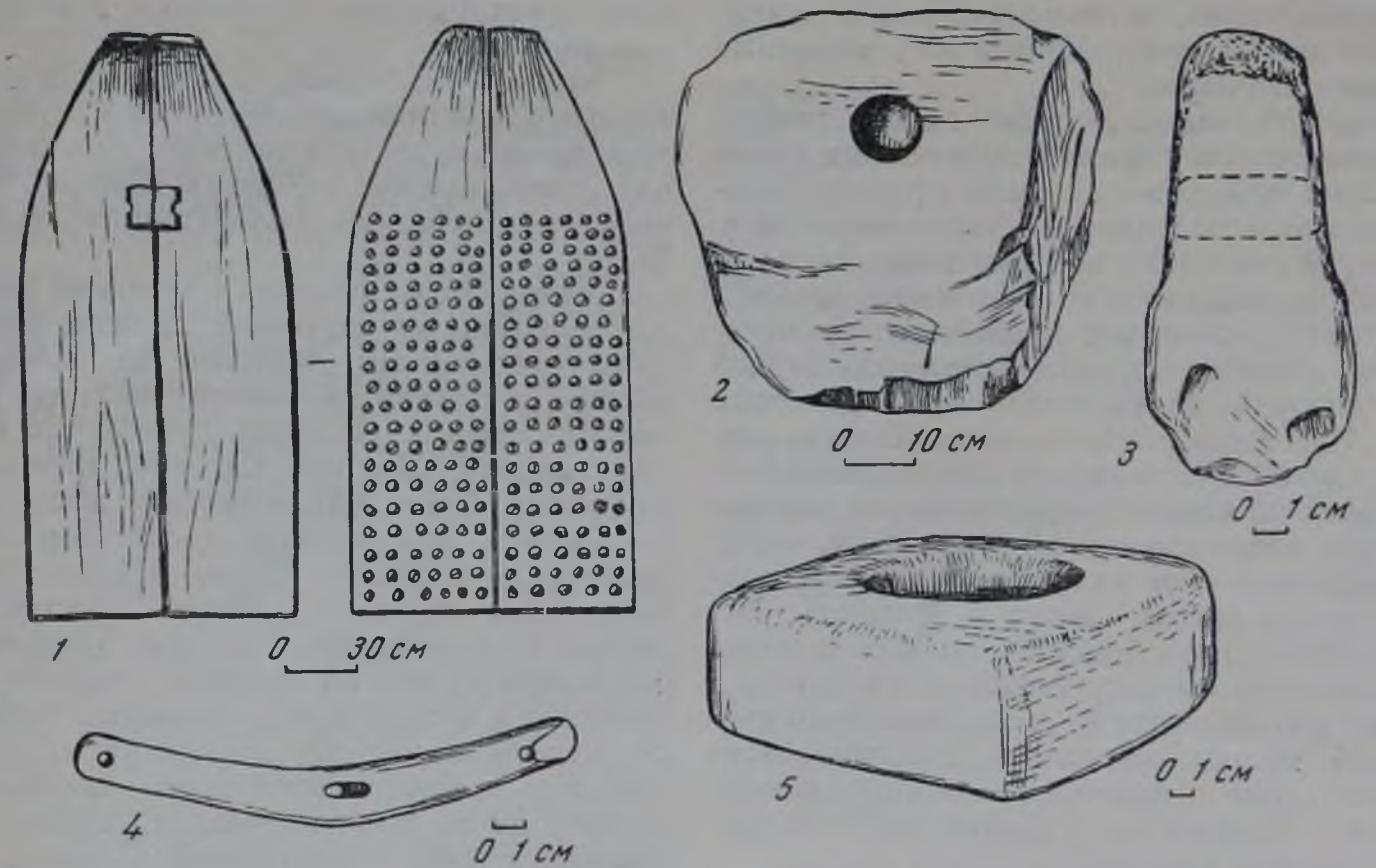

Рис. 38. Предметы быта

1 — современная молотильная доска, употребляемая кумыками (по С. Ш. Гаджиевой); 2 — пяточный камень, Нижне-Сигитминское поселение (раскопки К. А. Бредэ); 3 — каменный пест, Карабудахкентское поселение; 4 — костяной псалий, Зандакский (Дагбашский) могильник, погребение 3 (раскопки М. И. Пикуль); 5 — каменная ступка, Хорочоевский могильник (раскопки А. П. Круглова)

ных гор и скальных поднятий они спускаются в менее укрытые от посторонних глаз долинки, плато, склоны гор. Возможно, это было вызвано необходимостью содержать крупные стада. Этот вопрос требует специального изучения.

Небольшие, вероятно даже сезонные становища зафиксированы в Капчугайском ущелье, у скал Ленин-кента, Уйташа, близ сел. Манасаул¹⁶. Эти места посещались людьми из года в год.

Занятия земледелием древнего населения Северо-Восточного Кавказа документируются находками, происходящими из целого ряда памятников. Кремневые вкладыши в серпы найдены на поселениях Новолакском, Аркас¹⁷, Каякент II¹⁸, в зольнике сел. Курчалой, в погребениях могильников у сел. Кичи-Гамри, Берекей, Зандак (Дагбаш)¹⁹. Вкладыши служили зубьями жатвенных ножей-серпов. К сожалению, мы

¹⁶ Разведки автора, см. главу III.

¹⁷ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа..., стр. 56, 66, рис. 17, 2—8; Архив ИА АН СССР, д. 1838 (альбом, табл. 40).

¹⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 77.

¹⁹ См. главу V.

не знаем, какими орудиями производилась обработка почвы. В. Г. Котович считает, что с III тысячелетия до н. э. племена Северо-Восточного Кавказа уже знали применение пахотных орудий, ибо это был «период наиболее широких взаимоотношений Кавказа с Передним Востоком», давно освоившим пахотное земледелие²⁰. Вполне возможно, что многие пахотные орудия делались из дерева, кости и рога и не сохранились до наших дней. В дагестанских языках (напомним, разноязычные горцы Дагестана не понимают друг друга) имеется общая терминология, связанная с пахотными орудиями, земледельческим производством, некоторыми культурными растениями²¹. Интересно было бы эти

²⁰ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3, стр. 9. См. также: В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, 84, 1962.

²¹ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, № 4, стр. 94; А. Н. Генко. О названиях «плуга» в северокавказских языках. «Доклады АН СССР». Л., 1930, стр. 132—134; Е. А. Бокарев. Введение в срав-

данные сопоставить с соответствующей чеченской терминологией, привлекая восточные диалекты этого языка²².

Находки глиняных рельефов с изображениями парных бычьих упряжек, древнейших участков пахоты и террасовых полей в районе Верхнегунибского поселения (II тысячелетие до н. э.) еще раз указывают на применение каких-то пахотных орудий уже в это отдаленное время²³.

Обмолот урожая мог производиться молотильными досками. Подобные доски ладьевидной формы снизу были усажены камнями твердой породы. Еще совсем недавно можно было видеть в дагестанских селениях, как «быки или буйволы целый день ходили с молотильными досками по снопам, разостланным по всему току, чтобы зерно отделялось от соломы»²⁴. Мне приходилось видеть подобные доски в селениях Чох, Акуша, Муги, Дега (рис. 38, 1). Молотильные доски известны из погребений эпохи бронзы в курганах у г. Дербента (над скелетом было найдено «54 мелких камешка», сгнившие части доски «пластом покрывали названные камешки») ²⁵ и г. Ханлара в Азербайджане²⁶ и в других памятниках Кавказа.

Судя по материалам предшествующего времени (отпечатки зерна голозерного ячменя на сосуде из Мекегинского поселения²⁷, подобные же отпечатки ячменя на керамике и находка зерна мягкой пшеницы в печи № 1 Верхнегунибского поселения²⁸), основными зерновыми

культурами являлись голозерный ячмень, мягкая пшеница.

Размол зерна производился на ладьевидных зернотерках с помощью терочников, крупу могли получать, используя для этого ступки. Подобная ступка найдена в Хорочое (рис. 38, 5)²⁹, а пест — на поселении Карабудахкент (рис. 38, 3)³⁰.

Сейчас трудно говорить о значении земледелия в хозяйстве изучаемых племен. Судя по фундаментальности построек на поселениях, обилию керамики, количеству золы как в ранних памятниках (Верхний Гуниб), так и в более поздних (Нижняя Сигитма, Новолакское поселение, Курчалой), население жило оседло, а оседлость, как правило, свойственна земледельческим племенам. Однако в хозяйстве каякентско-хорочоевских племен немалую роль играло и скотоводство. О составе древних стад мы можем судить по костным остаткам из погребений и находкам на поселениях. Несомненно, к остеологическому материалу из погребений надо подходить осторожно — состав заупокойной пищи мог диктоваться ритуалом, а не повседневными потребностями человека.

Интересно, что в общедагестанской терминологии, охватывающей огромное число названий предметов, животных и растительных видов, явлений природы, не последнее место занимают и слова, относящиеся к домашним животным³¹.

Подсчеты костных остатков с территории Нижне-Сигитминского поселения (площадь раскопа более 1200 кв. м) показали, что кости домашних животных составляли 75,3%, диких — 24,7%. Среди костей домашних животных преобладают кости крупного рогатого скота, далее следуют кости мелких жвачных³², затем лошадей и совсем незначительный процент составляют кости свиньи и собаки³³.

У нас имеются также данные по костному материалу из курчалоевского зольника, где

²⁹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 54, рис. 13.

³⁰ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 1958, № 68, стр. 171, рис. 9; 11.

³¹ У. А. Мейланова. О генетическом единстве дагестанских языков. «Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа». Махачкала, 1965, стр. 42; Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, стр. 9.

³² В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии..., стр. 291.

³³ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД II, стр. 289.

преобладали кости крупного рогатого скота, за ними следовали кости свиней, далее — мелкого рогатого скота и лошади³⁴.

Эти наблюдения могут быть дополнены сведениями, подчеркнутыми из раскопок могильников. В Хорочоевском могильнике в 12 погребениях обнаружены кости овец, в трех случаях — свиньи, единичны случаи находки костей молодого быка и лошади. В Таркинском могильнике четыре раза были встречены кости овцы, два раза — коровы, а возле погребения 35 обнаружен череп лошади. Подобные находки известны и в других могильниках. Большое количество костей мелкого рогатого скота в памятниках, пожалуй, можно объяснить, пользуясь схемой В. Г. Котовича, не преобладанием овец и коз в древних стадах, а чисто хозяйственными (мы бы сказали, экономическими) расчетами. В. Г. Котович пишет: «Мясная продуктивность 1 головы крупного рогатого скота соответствует примерно продуктивности 4 голов мелкого. По молочной продуктивности крупный рогатый скот стоит еще выше. Поэтому, если соотношение 1:4 свидетельствует о примерно одинаковой хозяйственной значимости крупного и мелкого рогатого скота, а соотношение 1:5,7 говорит о преобладании овцеводства, то соотношения 1:1 и 1:2,5 указывает на преобладание крупного рогатого скота»³⁵.

Приведенная выше схема и данные по костным остаткам, явно указывающие на преобладание в стадах крупного рогатого скота, позволяют наметить направленность и формы скотоводства. Оно не могло быть подвижным, отгонным. На это указывают и остеологические материалы из Курчалоя: местное население в древности разводило преимущественно коров и свиней и в меньшей мере овец. Если бы носители изучаемой культуры практиковали отгон скота в степи на зимний период, то и в равнинных районах были бы найдены материалы культуры, в первую очередь керамика. Зоолог К. Н. Золотов считает, что только «с первых веков н. э. в предгорной — горной части Дагестана повысилось значение овцеводства»³⁶. Мы далеки от идеализации дагестанских и даже чеченских высокогорных пастбищных угодий, тем более что для изучаемого времени реконструируется более жаркий и сухой климат³⁷; только трудности выпаса

крупного рогатого скота по кручам, трудности его прокорма и заготовки сена могли привести к тому, что дагестанская корова, по образному выражению Н. Самурского, «по величине и по своей ловкости стала напоминать скорее козу, чем корову»³⁸. Сложная орография горных и даже предгорных цепей Дагестана, замкнутость высокогорных районов Чечни (хотя бы район поселения Хиндой) действительно могли привести к несколько иному типу хозяйства у носителей каякентско-хорочоевской культуры, чем у населения северных склонов Кавказа того же времени.

Значительную роль в хозяйстве горских племен играла лошадь. Ее кости почти не встречаются в погребениях (череп возле погребения 35 Тарки I), мало костей этого животного и на поселениях. Как видно, лошадь почти не шла на убой. Наоборот, лошадь, как и сейчас у горцев, была окружена заботой: нам известны две специальные могилы с захоронениями молодых коней в Зандакском могильнике. При них найдены бронзовые украшения, кони лежали с подогнутыми ногами (рис. 35, 2).

Лошадь служила в основном для верховой езды. Известны находки псалиев довольно раннего типа — таковы костяные псалии из могильника Зандак (погребение 3, раскопки М. И. Пиккуль: у нее «дуговидная палочка с тремя сквозными отверстиями» и «поделка в форме коромысла»³⁹; погребение 3, раскопки автора. Рис. 38, 4). Типологически они могут предшествовать бронзовым псалиям, известным из того же могильника (в погребении 38 найдены трехпестельчатые псалии и удила). Но и до появления костяных и металлических предметов упряжи все детали упряжи могли изготовляться из кожи. На одном наскальном рисунке из Капчугайского ущелья (шестая гряда скал, лощина первая) изображен всадник, под ним ясно видны подушки мягкого седла, стремя нет (рис. 39, 7)⁴⁰.

Древние горцы Северо-Восточного Кавказа пользовались повозками. Нами уже упоминались находки глиняных колес (Курчалой, Капчугай). Сильная пересеченность местности в горах Дагестана и Чечни не позволяла делать четырехколесные телеги, какие известны для памят-

³⁸ Н. Самурский (Эфендиев). Дагестан. М.—Л., 1925, стр. 11.

³⁹ М. И. Пиккуль. Дагбадский могильник. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, Махачкала, 1961, стр. 302, 306.

⁴⁰ В. И. Маркович. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, 1954, XX, стр. 332, рис. 8.

ников Армении и др.⁴¹ Для Северо-Восточного Кавказа характерна арба-двуколка. Изображение такой арбы было обнаружено Б. Е. Дегеном-Ковалевским у сел. Берекей на одной из плит погребения 2⁴². Арба снабжена центральным дышлом для упряжи двух быков и колесами, имеющими подобие четырех спиц (рис. 39, 2). Мы не думаем, чтобы это были спицы. Судя по конструкции колес современных турецких повозок, они могли состояться из трех-четырех деталей (секторов) и скрепляться деревянным ободом⁴³. Костяная модель колеса с ободом была найдена в зольнике сел. Курчалой. Однако мы не исключаем возможности появления в это время первых колес с примитивными спицами⁴⁴.

Рисунки арб, очень близкие берекейской, обнаружены нами на скале по дороге к сел. Манас-аул, в окрестностях г. Буйнакса (рис. 39, 1). Подобные арбы⁴⁵ могли быть покрыты каркасом, сплетенным из прутьев, и кошмой и использоваться не только для перевозки грузов, но и людей. В Азербайджане найдены модельки таких двухколесных кибиток⁴⁶. Однако нельзя утверждать повсеместное распространение двуколок. Ими, очевидно, пользовались жители предгорий с геологически мягким рельефом. Известно, что в Дагестане еще совсем недавно жители высокогорных районов совершенно не употребляли арб, так как им приходилось пользоваться вьючными тропами, а не дорогами⁴⁷.

Материалы раскопок Нижне-Сигитминского поселения и зольника у сел. Курчалой показывают, что охота играла не последнюю роль в хозяйстве древнего населения. Вплоть до первых веков н. э., как показывают остеологические находки, «27% убитых на мясо животных были

представителями диких видов»⁴⁸. Объектами охоты являлись олени, туры, серны, безоаровые козлы, кабаны, зайцы, птицы и другие животные. Охота велась также и на лис, волков, шакалов. Среди остатков помещений Нижне-Сигитминского поселения были найдены «обломки скалы с высеченными на плоской стороне изображениями животных. На первом камне можно узнать изображения дагестанских туров с характерным для них изгибом рогов. Подобные, но более сложные рисунки были также открыты на скалах, окружающих поселение. Здесь мы видим не только изображения отдельных животных — оленей и горных козлов, возможно, серны, — но и целые охотничьи сцены...»⁴⁹ (рис. 39, 3, 4).

Среди наскальных изображений в районе селений Капчугай, Ленин-кент (Махачкалинского района), Кумтор-кала, Уйташ, в районе г. Буйнакса (селения Манас-аул, Верхнее Казанище, Буглен) — значительное количество древних рисунков со сценами охоты, бегства животных⁵⁰. Интересно то, что под отдельными скалами Капчугайского ущелья обнаружены культурные слои — очевидно, возле них устраивались стойбища⁵¹.

Судя по рисункам на скалах, охота велась пешими и конными лучниками и людьми, вооруженными копьями. Луки довольно сложной конструкции имели значительные размеры (почти в рост человека), их держали у левого бока, правая рука со стрелой во время стрельбы двигалась параллельно груди (рис. 39, 6). Охота снабжала человека не только мясом, но и шкурами и рогами животных. В зольнике Курчалой были найдены рога косули, благородного оленя, заготовки каких-то орудий (рога с надрезами и т. д.).

В охоте и пастушестве большую помощь человеку оказывала собака. Кости ее найдены на Нижне-Сигитминском поселении, в погребениях у курорта Талги (погребение 7)⁵² и сел.

⁴¹ А. О. Мпатакалян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, стр. 139—152.

⁴² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ, стр. 142, 144, рис. 69.

⁴³ Н. Wright, J. Carswell. Survivals from the Second Millennium B. C. in Modern Turkey. «Man», vol. LVI, Art. 35—47, London, 1956, стр. 45, рис. 5. В 1967 г. отдельные колеса подобного типа мы видели в сел. Ачмарда в Абхазии.

⁴⁴ В памятниках кобанской культуры встречаются колесообразные подвески с лучами-спицами.

⁴⁵ В. И. Марковин. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД II, стр. 127, 130, рис. 6 (под рисунком по вине издательства неверная подпись). Скала с рисунками арб покрыта темным загаром.

⁴⁶ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 131, рис. 101.

⁴⁷ П. Павленко. Дорога в Дагестан. «Дагестан», М., 1936, стр. 38.

⁴⁸ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства..., стр. 291.

⁴⁹ В. И. Каньец. Дагестанская археологическая экспедиция..., стр. 160; см. также Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1590, 1616 (отчеты К. А. Бредэ).

⁵⁰ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. «Изв. РГО», т. 85, 1953, стр. 210—212; Он же. Археологические памятники в районе сел. Капчугай..., стр. 325 и сл.; Он же. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1959, № 1, стр. 148 и сл.; Он же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса, стр. 124 и сл.

⁵¹ Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 1000 (отчет М. И. Пикуль).

⁵² М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИ-ИМК, 67, 1957, стр. 130.

Рис. 39. Изображения на скалах (1, 5—7) и отдельных камнях (2—4)
1 — «тележки», скала по дороге из г. Буйнакса в сел. Манас-аул; 2 — плита из погребения 2 могильника у сел. Берекей; 3, 4 — камни из построек Нижне-Сигитминского поселения; 5 — «Лучник среди животных», скала у сел. Ленин-кент (Атлы-Боюн); 6 — «Охота на оленя с луком», рисунок на скале близ грота у сел. Нижнее Казанище; 7 — «Всадник», скала в ущелье Капчугай; 1, 5—7 — материалы В. И. Марковина; 2 — раскопки Б. Е. Дегена-Ковалевского; 3, 4 — раскопки К. А. Бредэ

Шушня⁵³. Изображения собаки можно видеть и на скалах Капчуга⁵⁴.

В пищу помимо мяса, продуктов земледелия, диких плодов и ягод, которыми так богат Кавказ, человек употреблял рыбу. Следы рыболовства (кости и пр.) обнаружены на Нижне-Сигитминском поселении. Этому занятию способствовала близость р. Сулак. В зольнике сел. Курчалой, в верхних его слоях, найдена покровная кость («бляшка») севрюги — *Aeipenser stelatus* и позвонок крупного сазана — *Syrpinus carpio*⁵⁵. Сел. Курчалой находится на значительном расстоянии от крупных рек, таких, как Сулак, Терек, где в определенные сезоны мог производиться лов рыбы, еще дальше находится оно от побережья Каспийского моря. Можно предполагать, что рыбу древнее население умело заготавливать впрок, в первую очередь вялить. В связи с рыболовством можно вспомнить глиняную катушку, обнаруженную в гробнице могильника Тарки II⁵⁶. Возможно, на нее была намотана тонкая леска. На походы к берегу Каспия указывают и ранее перечисленные нами находки каспийских раковин, обнаруженных в целом ряде могильников, в значительной степени удаленных от моря.

Нам неизвестна пища и способы ее приготовления древним человеком. Правда, в районе ст. Алмало в 1963 г. мне и Н. Г. Полихрониди удалось обнаружить среди развееанных песков остатки древнего бивуака. Вокруг баночного сосуда сохранились угольки — в нем варили пищу. Рядом с сосудом лежало глиняное пряслице.

В современной кухне чеченцев и дегестанцев имеется несколько блюд, очень простых по способу приготовления, калорийных, вкусных и традиционно любимых (хинкал, жижаг-галнаш, всевозможные шорпа)⁵⁷, которые могут дать, по нашему мнению, некоторое представление о пище людей изучаемого периода — земледельцев и скотоводов.

Носители каякентско-хорчоевской культуры знали ряд домашних производств. Очевидно, занятием женщин являлось производство керамики, ткачество, шитье одежды. Мы не будем подробно останавливаться на изготовлении

глиняной посуды — древние горшки очень часто расслаиваются, образуя своеобразные керамические обручи, у них отваливаются днища и отпадают декоративные валики. Это позволяет сделать вывод, что в основном посуда лепилась жгутовым способом, валики приделывались в последнюю очередь и т. д. Современное гончарное производство аула Балхар в Дагестане до сих пор сохраняет много архаических черт. В этом селении производство посуды находится в руках женщин, мужчина не смеет брать в руки глину. Посуда в сел. Балхар формируется вручную жгутовым способом («мастерица держит правой рукой «колбаску» и сантиметр за сантиметром «скармливает» ее, лепя стенку изнутри»⁵⁸) с применением самого примитивного круга — жюлла. В балхарской керамике до сих пор сохраняется традиция украшать посуду налепными валиками, шишечками, конусами.

Находки проколов из кости, бронзовых шильев и глиняных пряслиц в памятниках каякентско-хорчоевской культуры указывают на занятие шитьем и ткачеством. Для этой цели могли использоваться шерсть овец и растительное волокно — лен, конопля (в могильнике эпохи бронзы Гатын-Кале в погребении 33 были найдены семена конопли)⁵⁹. Судя по большому количеству бус, трубочек, колпачков и других украшений, обнаруженных в погребениях, одежда горцев была красочной.

Главнейшим занятием мужской части населения, помимо полевых работ, разделяемых с женщинами, являлся выпас скота. Это не исключало и ряда других занятий: охота, изготовление лука и стрел (вспомним находки ретушеров), орудий из дерева и кости, украшений — все это могло быть делом мужчин. Однако самым важным мужским занятием являлась вначале металлургия бронзы, а затем и железа. Вероятно, не в каждом поселке были свои металлургии. Вопрос о местной металлургии упирается в разрешение побочных вопросов — о наличии местных руд, о древних торгово-деловых связях.

Специфические формы украшений (трубочки, колпачки, височные подвески) указывают на существование местных центров производства подобных предметов — ведь именно эти предметы, керамика и некоторые особенности погребальных памятников отличают каякентско-хорчоевские племена от древнекобанских, ходжалы кедабекских и населения эпохи поздней бронзы в Грузии. Можно с уверенностью ска-

зать, что на изучаемой территории существовали собственные центры изготовления металлических предметов. Древние мастера знали технику литья, о чем свидетельствуют некоторые типы браслетов, височных подвесок, украшений из сурьмы, проковки, нанесение пунсонного орнамента. Мы упоминали обломки налобной бляхи с таким выбитым узором из Таркинского могильника. К ней можно присоединить круглую умбоновидную бляху с прекрасным пунсонным узором из коллекции А. Бобринского, найденную при «остове в Дагестане» (рис. 30, 4)⁶⁰.

Если многие формы сурьмянных украшений не вызывают сомнений в их местном изготовлении с использованием местных ресурсов сурьмяного блеска, то иначе обстоит дело с вопросом о добыче медной руды.

Медистых оруденний в Дагестане и Чечне довольно много. Они приурочены к высокогорному «Кахетинскому диабазовому поясу» и поясам, параллельным ему⁶¹, но до сих пор никем серьезно не обоснован вопрос об их использовании в эпоху поздней бронзы⁶².

В связи с этим необходимо вспомнить аналогии, которые приводит Е. И. Крупнов для материалов Каякентского могильника. Он сравнивает керамику и предметы из металла с инвентарем Кедабекского могильника⁶³. Особенно яркое сходство отмечает Е. И. Крупнов для кедабекского могильного комплекса 28 и каякентских ящиков 10, 15—17, 23, 32. Сходны не только сосуды 1-го типа, но и чашки, браслеты, отдельные сурьмяные подвески. Е. И. Крупнов сравнивает также каякентскую бляху из могилы 17 с кедабекскими бляхами⁶⁴. Им же упоминаются сосуд из Лагодехи, «имеющий некоторые сходные черты с каякентской посудой» (тип 1), и керамика из гробниц, открытых у селений Шудух, Пендаб и Баду, «весьма близкая кедабекскому сосуду и керамике из Каякентского могильника»⁶⁵. Известна также находка сосуда интересного нас облика из района ст. Хачмас (высота его

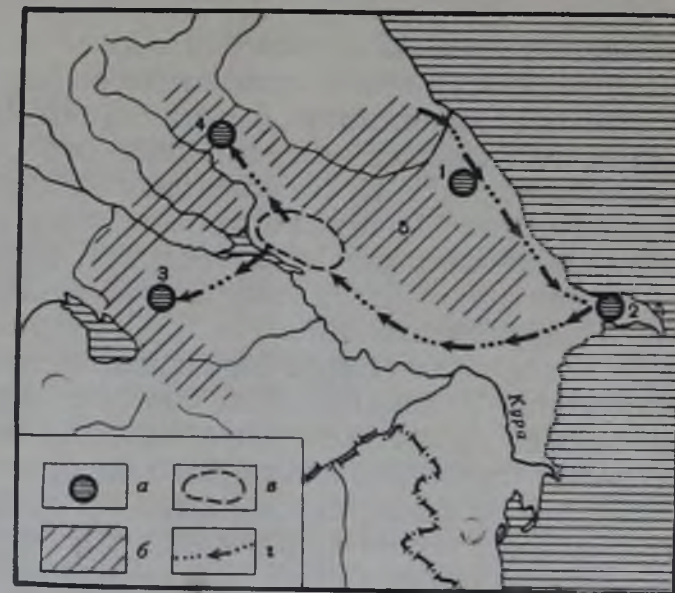

Рис. 40. Пути передвижений племен каякентско-хорчоевской культуры в Закавказье

1 — Куба; 2 — Апшерон; 3 — Калакент; 4 — Лагодехи; 5 — гора Баба-Дог

Условные обозначения: а — районы археологических находок; б — горные массивы с горой Баба-Дог; в — область, занятая удирами; г — предполагаемые маршруты передвижений

40 см, диаметр устья 22 см, дна 9 см)⁶⁶; грубая керамика этого же типа была найдена Д. А. Халиловым на поселении Ибрагим-Халилтепе в Кубинском районе Азербайджана⁶⁷. В 1962—1964 гг. Г. М. Аслановым подобная керамика (каякентско-хорчоевского типа) обнаружена на Апшеронском полуострове, в районе селений Шуваланы, Мардакяны. В этом районе найдены не только керамика, покрытая обмазкой, и прочий инвентарь, но и рисунки на скальных глыбах, плиты (сцены охоты, изображения животных), местные культовые комплексы, напоминающие по плану кромлехи, а по строительной технике — циклопические постройки⁶⁸, весьма оригинальны и датируются эпохой поздней бронзы — раннего железа. Сопоставления, предложенные Е. И. Крупновым, мы можем продол-

⁶⁰ А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 53, 56, рис.

⁶¹ Л. А. Варданянц. О месторождениях цветных металлов в Дагестанской АССР. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», т. I. М.—Л., 1935, стр. 79—91.

⁶² В. М. Котович считает, что такая эксплуатация уже велась в эпоху бронзы, но ни находками, ни специальными исследованиями месторождений пока это не подтверждено. В. М. Котович. Верхнеунибское поселение — памятник эпохи бронзы..., стр. 222 и сл.

⁶³ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 10.

⁶⁴ Там же, стр. 10—13, рис. 2; 3.

⁶⁵ Там же, стр. 17.

⁵³ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, 93, 1963, стр. 64, 67, 68, рис. 22, V, VI.

⁵⁴ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай..., стр. 332, рис. 8.

⁵⁵ Кости рыб определены Е. А. Цепкиным.

⁵⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 242, 253, рис. 13, 8.

⁵⁷ «Кулинария народов Северного Кавказа». Махачкала, 1963.

жить: петроглифы Апшерона⁶⁹, особенно сцены охоты, рисунки животных стилистически близки наскальным изображениям Дагестана (сел. Кумтор-кала, г. Буйнакск — гора Бельги-Тюбе, сел. Капчугай и др.)⁷⁰. Культовые кромлехообразные сооружения Апшерона находят некоторое сходство с кромлехами Старого Чиркея, Капчугая, но особенно близки сооружениям-«оградкам», обнаруженным мною и Л. В. Бутыко в 1951 г. на склонах Нарра-Тюбинского хребта близ курорта Талги. В районе этих «оградок» была собрана каякентско-хорочовская керамика, обломки кремней, прослежены следы золы⁷¹.

Если все пункты Азербайджана и Грузии с подобными находками нанести на карту, то мы получим интересные данные (рис. 40). Все они находятся в районах, наиболее доступных для передвижения, при этом путникам, чтобы достигнуть районов Лагодехи и Кедабека — Калакента, необходимо было попасть на Апшерон, огибая безводную гору Баба-Даг. В этих районах расположены Белокапские (Лагодехи) и Кедабекские месторождения меди, разработка которых велась со II тысячелетия до н. э.⁷² Мы можем сделать вывод о контактах носителей каякентско-хорочовской культуры с закавказскими племенами, о их связи и взаимовлиянии. Культурное влияние закавказского населения ощущается в древнедагестанских памятниках искусства (наскальные изображения), в некоторых культовых постройках. Двигаясь за металлом в страны Закавказья вдоль берега Каспия, местные племена могли использовать и другие дары природы — сердолик, раковины моллюсков, выменивать бусы. Ведь вместе с остатками металла — бронзовых окисей и корольков — в зольнике Курчалоя были найдены раковины каспийских моллюсков. Моллюски были обнаружены во многих памятниках. Такие передвижения-походы длились долго; вместе с мужчинами двигались их семьи, вот почему на своем пути путешествующие группы могли хоронить умерших,

⁶⁹ Г. М. Асланов, П. А. Гаджиев. Художественно-технические особенности наскальных рисунков Апшерона. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. (Тезисы докладов)». Баку, 1965, стр. 86. Рисунки экспонировались на выставке сессии 1965 г. в Баку и в залах Музея истории Азербайджана.

⁷⁰ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай..., стр. 333, 336, рис. 10, 13 и др.; Он же. Наскальные изображения в предгорьях..., стр. 160, рис. 11; Он же. Древние изображения..., стр. 127, рис. 3 (рисунок не на «Кавалер-батареи», а на горе Бельги-Тюбе).

⁷¹ Детально см. в главе VIII.

⁷² Е. Н. Черных. Спектральный анализ и проблемы происхождения металлов. «Методы естественных и технических наук в археологии (тезисы докладов)». М., 1963, стр. 22.

вступать в контакты со встречным населением, попасть в плен и т. д. Может быть в результате таких передвижений и появились погребения в районе сел. Маджалис и г. Дагестанские Огни с сосудами, характерными для северных районов культуры. В этих местах древние путники похоронили своих сородичей. Для этого времени (самый конец II — начало I тысячелетия до н. э.) можно говорить о контактах с местным закавказским населением. Возможно и то, что отдельные представители закавказцев также заходили на территорию Дагестана. В связи с этим можно вспомнить два погребения — у сел. Берекей и ст. Манас.

В 1939 г. Б. Е. Деген-Ковалевский осматривал каменный ящик (погребение 1) в сел. Берекей. В могиле он обнаружил скорченный костяк человека и большой сосуд, заполненный еще двумя скелетами. А. П. Круглов с удивлением констатирует этот факт⁷³. Подобный обряд погребения мы не можем считать местным⁷⁴. Каменный ящик с сосудом, в котором находились, несомненно, детские костяки, был сооружен для женщины. Мы вправе видеть в ней иноплеменную представительницу, но погребенную в характерном для Дагестана ящике.

В 1951 г. К. Ф. Смирнов в кургане 2, расположенном близ ст. Манас (местность Каркома-Хола), вскрыл впускное погребение 4 в каменном ящике (ориентировано с юго-запада на северо-восток; размеры камеры: 0,85 × 0,65 — 0,46 × 0,50 м). На дне его, покрытом галечником и песком, обнаружены слои золы, пепла и обломки кальцинированной детской нижней челюсти. У юго-восточной стенки ящика стояли два целых сосуда с наклепным и нарезным узором. В заполнении ящика найдены обломки третьего сосуда и кремневый отщеп⁷⁵. Это погребение не находит аналогий в материалах культуры, хотя обнаруженные в нем сосуда (тип 1, рис. 19, 8) явно относятся к местной керамике. Подобный обряд зафиксирован в это время в Азербайджане и, в частности, среди памятников ходжалы-кедабекской культуры⁷⁶.

⁷³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 142. В ящике найдены трубочки, браслеты и т. д.

⁷⁴ М. Г. Гаджиев. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIII. Махачкала, стр. 258.

⁷⁵ Работы К. Ф. Смирнова, 1951 г.

⁷⁶ И. Г. Нариманов. Археологические памятники Ганджакайского района Азербайджана (с древнейших времен до эпохи железа). Автореферат канд. дисс. М., 1955, стр. 7; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. «Материальная культура Азербайджана», т. IV. Баку, 1962, стр. 110 и сл.

Может быть, под определенным влиянием Закавказья в западной части культуры (Хорохой) появились и погребения, содержащие конструкции из дерева⁷⁷. Однако подобные погребения единичны и говорить о значительном влиянии закавказских племен на местную культуру не приходится, хотя в результате контактов и могли в среду северо-восточных кавказских горцев вкрапываться отдельные чужеродные племена. Интересно то, что современные жители Нухинских районов — удины — по языку близки горцам лезгинско-дагестанской группы и удицам, в частности, приписываются могилы с сожжениями, относящиеся к эпохе раннего железа⁷⁸. Мы не считаем возможным заниматься здесь данным вопросом, но сам факт, что удины жили на пути движения изучаемых племен к рудным источникам, подтверждает предположение Е. И. Крушова о связях каякентско-хорочовской культуры с удицами⁷⁹, не подменяя вопрос о связи с ними иным содержанием — их широким проникновением на территорию Дагестана. Однако могли ли в XI—IX вв. до н. э. в районе Нухи уже жить удины? Данный вопрос требует специального рассмотрения, хотя урартские походы известны с IX в. до н. э. К этому времени удины («уды») могли переселиться с территории Армении в районы современной Нухи. То сходство памятников Азербайджана и Дагестана, о котором мы говорили, позволит, возможно, выделить в дальнейшем еще одну группу памятников, оставленных населением, родственным носителям изучаемой культуры.

Жители Северо-Восточного Кавказа привозили к себе на родину не только металл, который уже на месте подвергался обработке (изготавливались чисто местные украшения), но также и готовые изделия — бронзовое оружие, орудия труда и некоторые украшения. На территории Чечни и Дагестана известно довольно много подобных интересных находок (часть из них уже упоминалась)⁸⁰.

1. Бронзовый меч, отлитый вместе с рукоятью. Навершие плоское, конец обоюдоострого орнаментированного клинка закруглен (рис.

⁷⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 53; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Указ. соч., стр. 119.

⁷⁸ Л. М. Мелпксет-Беков. К истории удин. «Труды Тбилисского гос. ун-та», т. XXIII. Тбилиси, 1942, стр. 27, 29, 53; Н. И. Мещанинов. Доисторический Азербайджан и урартская культура. «Изв. Общества исследования Азербайджана», № 1. Баку, 1926, стр. 10.

⁷⁹ Е. И. Крушов. Каякентский могильник..., стр. 15—18.

⁸⁰ Наконечник стрелы из Берекей, копьей и ножи из Таркинских и Талгинского могильников. См. главу V.

41, 1). Длина меча с рукоятью 70,5 см. Найден в 1925 г. в сел. Хуштада при рытье канавы⁸¹. Подобные мечи датируются XII—IX вв. до н. э.⁸²

2. Бронзовый меч с обломком черенка (имеет отверстие). Клинок сильно заострен, срединная его часть закруглена (рис. 41, 2). Длина меча с обломком черенка 77,5 см. Найден в сел. Хуштада вместе с предыдущим мечом⁸³. Мечи этого типа известны из Самтавро (Грузия), Астраханбазара (Азербайджан)⁸⁴. Т. Н. Чубинишвили сравнивает их с рапировидными крито-микенскими мечами и считает, что они могли употребляться до XIII—XII вв. до н. э.⁸⁵

3. Бронзовый кинжал иранского типа с цельно-отлитой рукоятью. В пазы рукояти было вставлено дерево (рис. 41, 3). Длина его 42,5 см. Найден в 1935 г. в сел. Маджалис⁸⁶. Подобные кинжалы датируются концом II тысячелетия до н. э.—IX в. до н. э.⁸⁷

4. Обломок верхней части кинжала, отлитого вместе с рукоятью. Сечение рукояти круглое (рис. 41, 4). По средней части клинка проходит первюра. Происходит из сел. Турчи (коллекция А. П. Млокосевич)⁸⁸. Обломок принадлежит, вероятно, кинжалу закавказского типа с ажурным навершием. Датируются такие находки XI—X вв. до н. э.⁸⁹

⁸¹ Дагестанский краеведческий музей, № 2367.

⁸² Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах..., стр. 125—126, табл. V; А. А. Мартirosyan. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 118, рис. 48, 1; А. Мпачаканян. Раскопки могильников в сел. Голловино. «Труды Гос. Исторического музея Армении», т. V. Ереван, 1959, стр. 31, рис. 13; О. В. Ткешелашвили. Погребение эпохи поздней бронзы в Навтлуги. «Вестник Гос. Музея Грузии», XXIV-V. Тбилиси, 1963, стр. 49—53.

⁸³ Дагестанский краеведческий музей, № 2366.

⁸⁴ Экспозиция Гос. Музея Грузии и Гос. Исторического музея Азербайджана.

⁸⁵ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 123, табл. VIII, № 2279.

⁸⁶ Дагестанский краеведческий музей, № 2268.

⁸⁷ А. А. Нессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАНМ. вып. 120, 1935, стр. 162, рис. 27; Е. И. Крушов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 1951, № 23, стр. 66—68; М. Н. Погребов. Несколько иранских кинжалов на Кавказе. КСИА. 103, 1965, стр. 11 и сл.; рис. 3.

⁸⁸ Гос. Эрмитаж, № 1741-12; в этой же коллекции имеется обломок клинка такого кинжала. См. А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 75, рис. 18, 5.

⁸⁹ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. Музея Грузии», XIX-A и XIX-B. Тбилиси, 1957, стр. 140, табл. I, 82; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах..., стр. 131, табл. VIII.

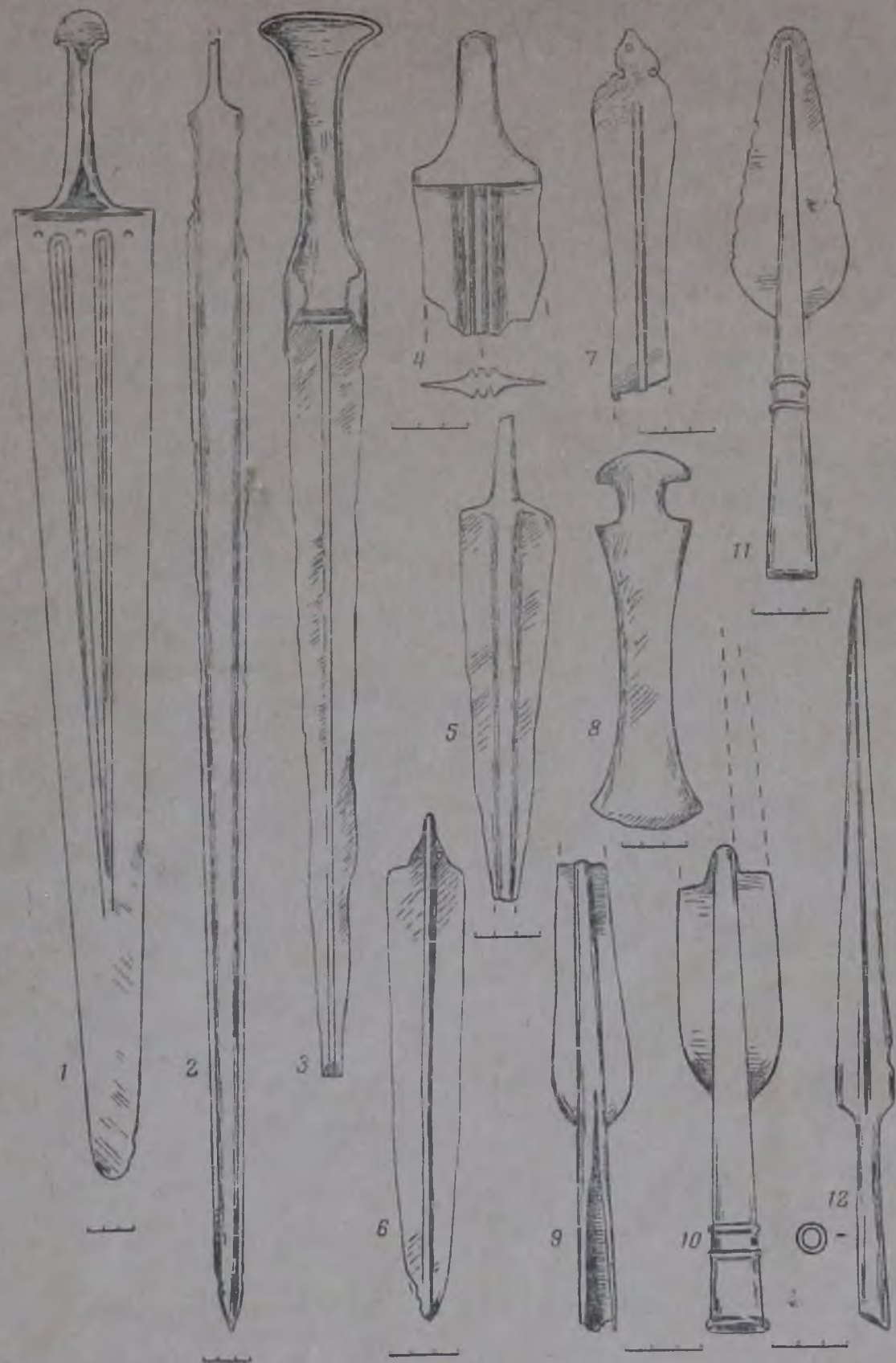

Рис. 41. Бронзовые мечи, кинжалы (1—7), палстав (8) и наконечники копий (9—12)
1, 2 — из сел. Хуштада; 3 — из сел. Маджалис; 4, 6, 9, 10 — из сел. Турчи; 5, 7 — из бывш. Казн-Кумух-
ского округа; 8 — из сел. Чох; 11 — с территории Дагестана; 12 — из бывш. Веденского округа; 1—8, 11 —
Дагестанский краеведческий музей, инв. № 2367, 2368, 2288, 2343; 4, 7, 9, 10 — собрание А. Л. Млокосевич,
Гос. Эрмитаж, № 1741; 5, 6, 8 — по А. П. Круглову; 12 — собрание Н. В. Орла, Гос. Эрмитаж, № 177

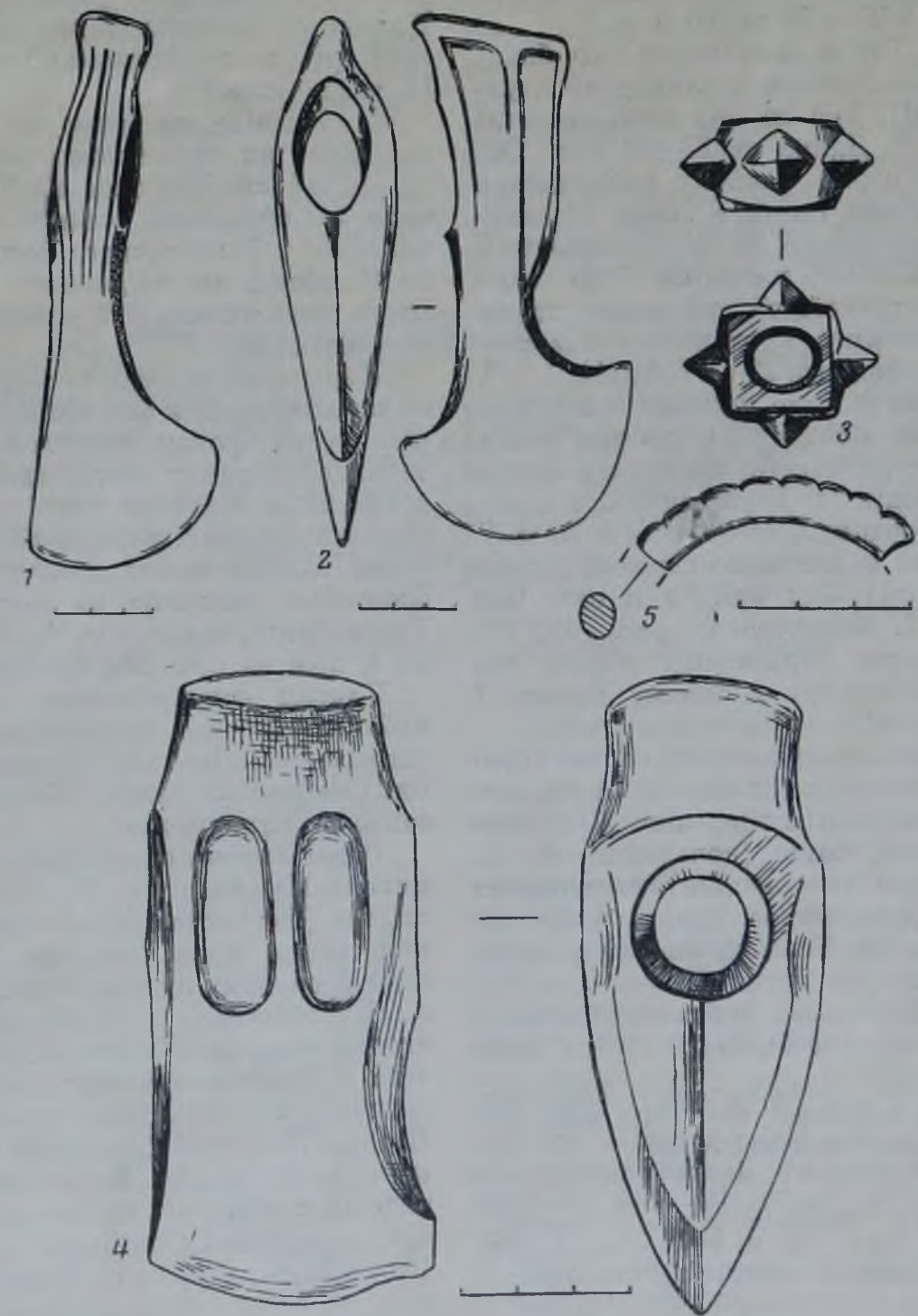

Рис. 42. Предметы из бронзы (1—3, 5) и камня (4)

1 — топор «рабочего» типа из сел. Ведено; 2 — топор колхидского типа из сел. Хунзах;
3 — булава из сел. Хунзах; 4 — топор из серого кварцита из сел. Вачи; 5 — обломок рубчатого
браслета, урочище Тарнаир в районе г. Махачкала; 1 — собрание А. А. Бобринского, Гос. Эр-
митаж, № 1363; 2, 3 — по Е. Зичи; 4 — находка Г. Сунгурова, Дагестанский краеведческий
музей, № 7072; 5 — находка В. И. Марковина

5—7. Три кинжальных клинка из бронзы
снабжены нервюрой. Имеют черенки и отвер-
стия возле них (рис. 41, 6). Происходят из сел.
Турчи (коллекция А. П. Млокосевич)⁹⁰. Отно-

сятся к переходному времени от эпохи бронзы
к железу⁹¹.

8. Бронзовый секирообразный топор. Длина
его 18,5 см. Найден в бывш. Цунтинском райо-

⁹⁰ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ...,
стр. 74, 75, рис. 18, 6, 7; Гос. Эрмитаж, № 1741-10.

⁹¹ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскоп-
ки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 51.

не Дагестана⁹². Подобные находки также могут быть отнесены к XIII—IX вв. до н. э.⁹³

9—14. Из сел. Турчи происходят пять бронзовых копий с раскованной и замкнутой втулкой (рис. 41, 9 10). Три из них опубликованы А. П. Кругловым⁹⁴. Длина их 17—21,5 см. Одно с обломанным пером. Копье с попорченной втулкой было найдено где-то в бывш. Казикумукском округе (собрание А. Л. Млокосевич).

15. В Музее ДАССР хранится еще одно копье с цельной втулкой, на ней между двумя поясками-выпуклостями проделано сквозное отверстие. Длина предмета 22 см (рис. 41, 11)⁹⁵.

Подобного типа копье было найдено в погребении 10 могильника Зандак⁹⁶. Подобные копья с цельной втулкой часто встречаются в районах Грузии, примыкающих к Дагестану. Суммарно могут быть датированы XIII—X вв. до н. э.⁹⁷

16. Бронзовый пальстав со следами ударов (длина его 16,3 см) был найден в сел. Чох (коллекция А. Л. Млокосевич, рис. 41,8)⁹⁸. Подобные предметы характерны только для Закавказья и относятся к самому началу I тысячелетия до н. э.⁹⁹

17—19. Бронзовые втульчатые копья. Одно из них напоминает штык (длина его 34 см, рис. 41, 12), другие с округлым оперением. Найдены в бывш. Веденском округе (коллекция Н. В. Орла)¹⁰⁰. Штыковидные копья известны из позднебронзовых комплексов Триалети (погребение 13 могильника Бешташен-Сафар-Хараба¹⁰¹), Брили, Цихур в Грузии¹⁰².

20. Обломок бронзового рубчатого браслета (рис. 42, 5). Диаметр его был около 5,0 см. Най-

ден на Тарнаире (район г. Махачкала)¹⁰³. Подобные браслеты характерны для кедабекской группы памятников Азербайджана XI—IX вв. до н. э.¹⁰⁴

21. Медные щипчики со срединной вставкой. Края их пилообразно зазубрены. Размеры: 5,0 × 0,4 см. Найдены на Тарнаире¹⁰⁵. Щипчики без срединной вставки известны из Ворнакского и Самтаврского могильника (Грузия), из Кедабекского могильника (Азербайджан) и могут быть отнесены к самому началу I тысячелетия до н. э.¹⁰⁶

Интересно то, что на Тарнаире неподалеку от данных находок был обнаружен патинированный кусок бронзы пористой выплавки. Кусок металла сохранил следыковки, царапины. От куска была отломана часть с помощью миниатюрного зубила (ширина лезвия 0,5 см)¹⁰⁷. К этому списку можно добавить упоминавшиеся бронзовые кинжалы из могильников Зандак, Талги, копье, найденное М. И. Исаковым в Тарки I, нож из сел. Кафыр-Кумух.

Таковы сохранившиеся до наших дней в публикациях и в коллекциях предметы, ясно указывающие на широкое использование горцами Северо-Восточного Кавказа импортных — закавказских изделий.

Однако этими предметами не исчерпываются импортные находки. В литературе имеются ссылки (без рисунков) на серии предметов явно неместного происхождения. Таковы обломки двух бронзовых рукоятей кинжалов, купленные А. Л. Млокосевич в сел. Кидеро; где-то в «Дидоевском обществе» были найдены еще один пальстав и бронзовые топоры; обломки бронзовых закавказского типа кинжалов обнаружены в сел. Никаро (Никарой); длинный бронзовый кинжал происходит из сел. Кабир; находки бронзовых кинжалов известны из селений Кули, Казп-Кумух; проушной топор типа секпры — из сел. Бабия-Хади (район г. Дербента); топор-секпра — из сел. Кубачи; медный топор неизвестного типа найден в сел. Кикун; бронзовые копья известны из селений Мюреги и Бетлитль¹⁰⁸; в пещере у сел. Мекеги (урочище Борхила-Када)

¹⁰³ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, 67, 1957, стр. 124.

¹⁰⁴ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК VI, 1911, стр. 93, 178, табл. II, 2; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах..., стр. 126, табл. V.

¹⁰⁵ В. И. Марковин. Археологические находки..., стр. 124.

¹⁰⁶ А. А. Ивановский. По Закавказью, стр. 107, табл. IV, 8; Б. Б. Плотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 118, табл. 5.

¹⁰⁷ Находка автора в 1951 г.

¹⁰⁸ Список дан по А. П. Круглову («Северо-Восточный Кавказ...», стр. 76, 77).

обнаружены бронзовые топор и наконечник копья; медные кинжалы происходят из ящиков у селений Верхние Гулли и Гушпи¹⁰⁹; бронзовый меч найден в гробнице у сел. Капир, а бронзовое копье — в могиле сел. Леваша¹¹⁰.

Как видим, закавказский импорт был достаточно широк. Находки таких вещей, в основном оружия, охватывают значительную территорию Северо-Восточного Кавказа.

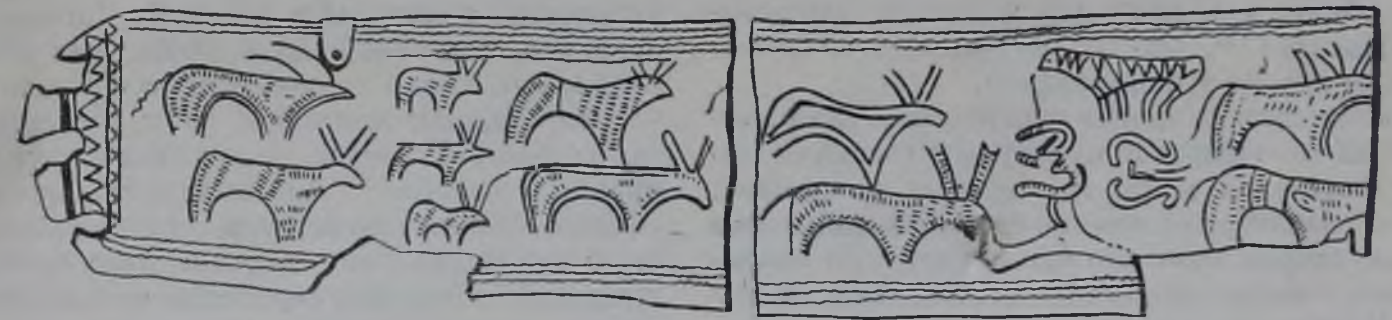

Рис. 43. Обломки бронзового пояса с гравировкой. Сел. Каякент

Через посредство закавказского населения вдоль Каспия и через высокогорные перевалы к горцам Северо-Восточного Кавказа попадали и пастовые бусы переднеазиатского происхождения и раковины каури (найденны в районе г. Буйнакса, раскопки Ф. А. Афанасьева).

Однако носители каякентско-хорозовской культуры имели связи не только с населением Закавказья. Тесные контакты были установлены ими и с более северным населением — жителями гор Северного Кавказа (носителями раннекобанской культуры). Мы уже упоминали находки пластинчатых височных подвесок в сел. Шали, подобных подвесок и керамики с обмазкой на поселениях в Сержень-Юрте. С освоением и успешным использованием северокавказских месторождений меди¹¹¹ эти связи с Севером и Северо-Западом усиливаются. Так, в район сел. Шарой (Чечня) попадают бронзовый кинжал пламевидной формы и булава с навершием в виде лопаты¹¹², характерные для племен центральной части Кавказа¹¹³. Возможно, северо-

кавказским по происхождению является листовидный нож из гробницы у сел. Тарки (рис. 26, 7). В районе сел. Ведено найден бронзовый топор рабочего типа (рис. 42, 1) первых веков I тысячелетия до н. э.¹¹⁴ Эти находки относятся уже к концу II — к самому началу I тыс. до н. э. Связи с Севером в дальнейшем усиливаются, на что указывают находки кобанских бронз в могильниках Зандак, Яман-Су, Балан-Су и т. д.

Однако такое расширение связей в начале I тысячелетия до н. э. с районами Северного Кавказа не ограничивает деловых контактов с Закавказьем. Так, в сел. Хунзах в Дагестане найден бронзовый топор колхидского типа и шипастая булава (рис. 42, 1, 3)¹¹⁵, а в сел. Вачи — каменный (кварцитовый) топор¹¹⁶, близкий по форме рабочему типу топоров, распространенных в памятниках кобанской и колхидской культур (рис. 42, 4). На связи с Закавказьем указывает и находка бронзового листового пояса в сел. Каякент (рис. 43). На нем изображены идущие в два ряда быки и овцы¹¹⁷. Подобные находки очень характерны для закавказских памятников начала I тысячелетия до н. э.¹¹⁸ Найдены они были и на Апшеронском полуострове.

Уже в верхних слоях Нижне-Сигитминского поселения были обнаружены железные шлаки и другие следы сыродутного изготовления желе-

¹¹⁴ Гос. Эрмитаж, № 1363, колл. А. А. Бобринского; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 83, рис. 8, 5.

¹¹⁵ E. de Zichy. Voy a des ap Caucase et en Asie Centrale, v. 2. Budapest, 1897, стр. 413, табл. IV, № 49; V, № 5.

¹¹⁶ Дагестанский краеведческий музей (г. Махачкала), инв. № 7072, находка Г. Сунгурова, 1948 г.

¹¹⁷ Б. В. Техов. Бронзовые пояса Центрального Кавказа. «Изв. Юго-Осетинского НИИ АН Груз. ССР». Цхинвали, 1964, стр. 261—300.

¹¹⁸ А. А. Ивановский. По Закавказью, стр. 64, табл. 1; Д. Халилов. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане. «Материальная культура Азербайджана», т. IV. Баку, 1962, стр. 68—108.

⁹² М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 92, № 1124, табл. 4, 7; Дагестанский краеведческий музей, № 2345.

⁹³ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета, стр. 111, 123, рис. 16; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., синхронистич. табл. XXV; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах..., стр. 121, табл. II.

⁹⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 74, 75, рис. 18, 1—4; Гос. Эрмитаж, № 1741.

⁹⁵ Дагестанский краеведческий музей, № 2343.

⁹⁶ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, 98, 1964, стр. 84, 85, рис. 24, 1. См. главу V настоящей работы.

⁹⁷ Р. М. Абрамшвили. К вопросу о датировке..., стр. 140, табл. I, 225, 226, 180.

⁹⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 74, 75, рис. 18, 8.

⁹⁹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., табл. XXV; Т. Пассек, Б. Латыпин. Очерк доистории Северного Азербайджана. «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 3. Баку, 1926, стр. 147.

¹⁰⁰ Гос. Эрмитаж, № 177.

¹⁰¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 67, табл. XIV.

¹⁰² Экспозиция Гос. Музея Грузии.

за¹¹⁹. Следы производства железа найдены и на территории Мугерганского могильника¹²⁰. Такие памятники, как Макинский, Ругуджинский могильники и отдельные погребения Зандакского могильника, позволяют говорить о широком распространении железа примерно с VIII—VI вв. до н. э.¹²¹, хотя впервые изделия из него появляются в X—IX вв. до н. э. На относительно позднее проникновение железа в горы Северо-Восточного Кавказа указывает также «отсутствие общих названий для железа в дагестанских языках»¹²². Однако изучение этой новой эпохи не входит в наши задачи.

Несомненно широкие связи носителей каякентско-хорочоевской культуры с соседями были основаны на каких-то меновых операциях. Трудно сказать, что именно являлось единицами обмена, скорее всего это были продукты земледелия и скотоводства, таким продуктом могла быть также соль (соляные источники по р. Аргун в Чечне, Туралинские и другие соляные озера в Дагестане).

Сосредоточение в руках мужчины скотоводства, основных земледельческих работ, охоты, большое количество оружия позволяет сделать вывод о его возросшей роли в обществе¹²³. Мы вправе говорить о господстве патриархальных отношений в среде носителей каякентско-хорочоевской культуры. Большие дома, раскопанные на Нижней Сигитме, позволяют предположить существование больших семей. Особое положение главы семьи, которым он пользовался при жизни, выделяет его и после смерти среди сородичей, похороненных рядом на родовом кладбище. Во время погребения ему воздавались особые почести, лицо такого человека украшали палочными бляхами и лентами из бронзы. Известно, что тухумные — родовые — отношения и у дагестанцев, и у чеченцев в пережиточно форме сохранялись до самого последнего времени¹²⁴.

¹¹⁹ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 26.

¹²⁰ Краткий научный отчет М. И. Пиккуль, 1963 г. (рукопись, передана автору матерью покойной М. И. Пиккуль).

¹²¹ В. Г. Котович. Некоторые вопросы древней истории горного Дагестана. «Дагестанская правда», 21 января 1959 г.; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Уч. зап. ИИЯЛ ДАГ. филиала АН СССР», т. VIII. Махачкала, 1960, стр. 350.

¹²² Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, стр. 17.

¹²³ На данном вопросе детально останавливается В. М. Котович. См. ее «Верхнегуньбское поселение — памятник...», стр. 235 и сл.

¹²⁴ Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк аваров. «Бюлл. Кавказского историко-археол. ин-та в Тиф-

Такие отношения в древности документируются родовыми участками на кладбищах — рядами могил. Редкие, но все же встречающиеся парные захоронения в памятниках культуры мы можем рассматривать как захоронения мужа — владелина и его спутницы — жены. Известны многие этнографические наблюдения, подтверждающие подобный обычай в древности¹²⁵.

Равномерное распределение продуктов между членами рода не исключало приниженного положения женщины и детей. Ф. Энгельс замечает, что «в древнейших первобытных общинах речь могла идти в лучшем случае о равноправии членов общины; женщины, рабы, чужестранцы, само собой разумеется, не входили в круг равноправных людей»¹²⁶. Адамы горцев Северо-Восточного Кавказа хотя бы в пережиточном виде дают яркую картину подчиненного положения женщин¹²⁷. Только умершим мужчинам клали в могилы спинной хребет животного — жертвенную почетную часть туши барана¹²⁸. Мужчина-властелин мог вкушать ее на «том свете».

Племена каякентско-хорочоевской культуры не были отсталыми по сравнению с другими племенами Кавказа; те черты их быта и материальной культуры, которые кажутся на первый взгляд консервативными, даже архаичными, являются чисто местными, специфическими чертами, которые и отличают культуру местных племен от культуры соседнего населения Северного Кавказа и Закавказья. Каякентско-хорочоевские племена пользовались теми же достижениями эпохи, что и граничавшие с ними жители Кавказа.

лисе», 1928, № 4, стр. 7; С. Ш. Гаджиева. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 75—83; Х. А. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961; С. Агаширинова. Патронимия у лезгин. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIV. Махачкала, 1965, стр. 310 и сл.; Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. III. М., 1888; М. Мамакаев. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.

¹²⁵ Факты подобного типа упомянуты нами: В. И. Марковин. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, стр. 39, 40.

¹²⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 105.

¹²⁷ Ф. И. Леонтович. Адамы кавказских горцев, вып. I—II. Одесса, 1882—1883; М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1888; Х. М. Хашаев, М. С. Сандов. Гидатлинские адамы. Махачкала, 1959; М. Алибеков. Адамы кумыков. Махачкала, 1927; «Памятники обычного права Дагестана (XVII—XIX вв.)». М., 1965.

¹²⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 57—58.

Глава VIII

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКИХ ПЛЕМЕН

Для изучения духовной культуры каякентско-хорочоевских племен у нас чрезмерно мало материала. Мы никогда не сможем судить о музыкальном творчестве, о фольклоре, о многом, что скрашивало трудную жизнь человека. Археологический материал, извлеченный из могил, как правило, приоткрывает завесу только над тяжелыми моментами в жизни человека — над его страхами, его печалью. И только как светлые проблески ощущается его любовь к украшениям, гармоничным краскам цветных камней и стеклянных бус, чувство ритма в размещении рисунков на плоскости скалы, простота и выразительность форм керамики.

Для того чтобы правильно оценить и изучить идеологические представления древних племен, надо попытаться поставить себя на их место, ощутить тяжесть воздействия грандиозной природы так, как ощущал ее древний человек¹.

Мы не можем переоценивать эстетическую потребность носителей древних культур. Главное место в их жизни занимала борьба за существование, борьба с трудностями природы. Чувство красоты бытия, любовование ландшафтом, животным и растительным миром пришло к человеку вместе с определенной степенью благосостояния. «Человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»². Искусство было подчинено повседневным запросам жизни, оно было сильно связано с идеологическими представлениями, часто диктовалось ими, как это наблюдается и сейчас в творчестве некоторых народов.

Памятники, оставленные носителями каякентско-хорочоевской культуры, с несомнен-

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 4—8.

² Г. В. Плеханов. Письма без адреса. Сб. «Литература и эстетика Г. В. Плеханова», т. 1. М., 1958, стр. 75.

ностью указывают на существование веры в загробную жизнь, поклонение солнцу — огню, веру в охранные и магические силы, заключенные в узоры и отдельных предметах. И всюду проскальзывает главенствующее положение мужчины и подчиненная роль женщины. Единственная привилегия ее — быть на «том свете» со своими детьми — документируется отдельными погребениями.

Вера в загробную жизнь, очевидно, была одним из значительных компонентов в идеологических представлениях древних племен. Умерший должен был иметь свой дом — каменный ящик, пищу, окружен теми вещами, которые служили бы ему в потустороннем мире, как и при жизни. В могилу вместе с телом опускалось все самое необходимое: сосуды с пищей, миски, огнива, украшения, некоторые орудия труда. Умерший человек лежал или сидел в могиле в ожидании новой, очевидно, лучшей жизни (во всех современных религиях «тот свет» является «лучшим» из миров). Покойника хорошо одевали, особенно нарядной была одежда женщин, часто даже ее обувь окружена бисером, а волосной мешок унизан бусами, трубочками, колпачками. У осетин, которые сохранили много ярких пережитков древних верований, особенно тщательно снаряжали покойника в последний путь. Если при жизни он не мог из-за бедности прилично одеваться, то в могилу его клали одетым в богатые наряды (для этого продавали все имущество покойного), чтобы на «том свете» он мог без стыда показаться умершим людям и «его сердцу было бы светло и весело». Грузины-ингулоиды на покойника одевают всю его лучшую одежду, сколько бы ее не было³.

Потусторонний мир представлялся древним слепком земного: те же отношения между людьми ожидали их. Женщина была и там покорной

³ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 162.

спутницей мужчины, и известны отдельные случаи совместных захоронений супружеских пар (Хорочой, Чир-Юрт, Тарки 2, Талги, Кая-Кент, Зандак и др.). В частности, в Каякентском могильнике (раскопки В. И. Долбстева) из 34 могил семь содержат такие парные захоронения.

Интересны погребения 31 и 46 Хорочоевского могильника, где возле ног мужских костяков были найдены женские украшения. А. П. Круглов совершенно справедливо рассматривает эти находки как следы «отрезания и помещения женской косы» в мужскую могилу⁴. Возможно, так должна была поступать жена по отношению к мужу, дочь по отношению к отцу и сестра — к брату. Так символически женщина сопровождала мужчину на «том свете». Пережитки подобных ритуалов до последнего времени сохранялись в среде дагестанцев, чеченцев, осетин, сванов, абхазцев и других народов⁵.

Известны отдельные случаи, когда животные также были предуготовлены для служения человеку на «том свете»: собаки охраняли его покой (Талги, Шущия), лошади сопровождали хозяина (Зандак).

Вера в загробную жизнь, несмотря на все ожидаемые от нее радости, не могла отнять у людей чувства страха перед смертью. Люди боялись, что мертвые могут покинуть свои убежища и вернуться к живым. Многие костяки каякентско-хорочоевских могил настолько сильно скорчены, что можно говорить о связывании трупов. Возможно, из чувства страха в могилы почти не клали оружие: покойник мог встать и нанести удар живым. И только отдельным лицам, возможно вождям или жрецам, оружие опускалось в могилу. Боязнь мертвых привела к устройству кладбищ вдали от жилья, к стремлению умилостивить их, принести им в дар жертву⁶. А. П. Круглов отмечает поминальные очаги, которые в виде небольших ямок находились между погребениями 19, 29, 31, 41 Хорочоевского могильника. В них найдены кости и обломки керамики⁷.

Во многих исследованных погребениях были встречены угольки. Они известны и для более ранних памятников и для памятников позднего средневековья⁸. Как видно, в процессе похорон

⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 1958, № 68, стр. 86.

⁵ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 171—173; П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», т. XII, СПб., 1860, стр. 297.

⁶ Н. Харузин. Этнография. СПб., 1905, стр. 197—199.

⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 58, 59.

⁸ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. ДЧИ, стр. 244—256.

производились какие-то действия с огнем. Возможно, считалось, что он «очищает» покойника и его могилу. Можно вспомнить в связи с этим и шестигранные небольшие очаги Нижне-Сигитминского поселения⁹. Они находились в домах, и огонь, разводимый в них, очевидно, «обеспечивал благополучие» членам семьи. Угольки еще и сейчас играют определенную роль при обрядовых действиях у чеченцев¹⁰. Огонь у осетин считался «сотоварищем солнца, защитником от злых духов»¹¹. Думаем, что родство солнца, главного обогревающего светила, с огнем для представлений древнего человека являлось вполне логичным. Каменные оградки-кромлехи вокруг могил символически «обогревали» умершего. Подобные кромлехи ученые давно связывают именно с культом солнца¹². Ориентировка покойников головой или лицом в южную сторону или к восходу (юг, восток) также указывает на почитание великого светила.

Как видим, представления древних людей о загробной жизни были переплетены с астральными верованиями.

Человек жил в коллективе, и на «том свете» он не покидал свой коллектив — своих родных и находил место на родовом участке кладбища, в ряду других могил. Интересно то, что «накануне XVIII в. у отдельных чеченских родов имелись даже свои родовые божества — покровители (дела)»¹³.

До сих пор у горцев всего Северного Кавказа сохраняются пережитки древних представлений о загробной жизни: на могильных памятниках-стелах изображаются нагрудные украшения — застёжки, газыри — оружие и предметы быта, т. е. те вещи, которые раньше положили бы в могилу вместе с умершим. Памятники украшают даже орнаментом в виде солнечных розеток и свастики, и все это соседствует с православными крестами или цитатами из корана. Лезгини, осетины и другие кавказские народы в определенные дни зажигали костры на своем

⁹ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана». Махачкала, 1959, стр. 26.

¹⁰ А. А. Исламов. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна. «Изв. ЧИНИИ», т. III, вып. 1. Грозный, 1963, стр. 139, 140.

¹¹ Б. А. Калоев. Осетины. «Народы Кавказа», т. 1. М., 1960, стр. 334; Он же. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967, стр. 133.

¹² И. И. Мещанинов. Кромлехи. ИГАИМК, т. VI, вып. 3. Л., 1930, стр. 7, 8.

¹³ М. Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962, стр. 18.

дворе или на могилах с тем, чтобы «светлы были мертвые и доля их огня не потухла»¹⁴.

Наблюдения этнографов показывают, что в первобытных религиях все реальное часто рассматривается только как кажущееся и, наоборот, все кажущееся чем-то воспринимается как действительно реальное¹⁵. Всевозможные магические приемы древний человек рассматривал как реальные действия, которые могут помочь в его жизни. По всему Кавказу до последнего времени существовала вера в различные амулеты, талисманы, магические приемы (заговоры, врачевания)¹⁶. В могилах каякентско-хорочоевских племен, даже самых бедных, почти всегда можно найти бусины из сердолика, реже из гагата. Эти камни с древнейших времен считались амулетами и талисманами, т. е. они должны были не только «охранять» их хозяина, но и приносить ему все блага, исцеление от недугов. Так, сердолик, по средневековым поверьям, останавливал кровотечение, укреплял руку, приносил счастье¹⁷; гагат, по Ал-Бируни, был прекрасным средством от болезней глаз¹⁸.

На поселениях и в зольнике сел. Курчалой были обнаружены глиняные и костяная модельки колес (рис. 26, 2—4, 31, 2). Это не простые детские игрушки — встречаются они довольно редко и сделаны достаточно тщательно. А. Донини допускает интересное сопоставление: «Колесо, наделенное в глазах первобытного человека необычайными свойствами — столь велики преимущества, которые оно дает, — очень рано отождествляется с солнечным диском, чье благотворное влияние регулирует ход сельских работ». По А. Донини колесо с четырьмя спицами в различных художественных изделиях символизирует крест, «который первоначально связан с культом солнца»¹⁹. Это заставляет нас вспомнить погребение в сел. Берекей, в котором была найдена плита с изображениями арбы и колес с перекрестиями (рис. 39, 2) (у горцев Кавказа такое крест-колесо носит название «хорошего креста»), и наскальные рисунки с арбами у сел. Манас-аул (рис. 39, 1). Изображение креста, появляясь задолго до возникновения христианской символики, часто фигури-

¹⁴ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии..., стр. 182.

¹⁵ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия..., стр. 271.

¹⁶ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

¹⁷ В. И. Марковин. Сердолик — «камень счастья». — «Новое в советской археологии». МИА, 1965, № 130, стр. 270—274.

¹⁸ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). М., 1963, стр. 186.

¹⁹ Амброджо Донини. Люди, идолы и боги (очерки истории религии). М., 1962, стр. 50, 51.

рует в орнаментике посуды эпохи бронзы Кавказа и Азии²⁰. Известны для этого времени и бляхи-подвески с крестами²¹. Кресты часто украшают металлические зеркала сарматского и последующего времени, средневековые постройки Чечено-Ингушетии и Дагестана²². Интересно и то, что древнегрузинская языческая символика богини солнца Кал-Бабар также связана с изображением креста. Новогодние моления сванов, обращенные к Владыке неба с просьбой: «даруй нам благую зиму, дай дожить благополучно до весны», сопровождались поднесением ему крестовидных предметов, и в первую очередь круглых обрядовых хлебцев со знаком креста²³. Таким образом, культ солнца переплетался с культами плодородия. И это неудивительно: солнечное тепло обогревало и человека и его поля. У всех народов Кавказа круглый хлеб — отголосок почитания солнца²⁴.

Возвращаясь к моделькам колесиков и рисункам «хорошего креста» и арб каякентско-хорочоевских памятников, мы вправе считать их предназначенными для культовых действий. Модельки колесиков могли подвешиваться к пахотным орудиям, к упряжке быков и тем самым «обеспечивать удачу» в весенних работах. Символическое солнце, заключенное в них, легкость вращения колеса могли вселять веру в облегчение тяжелого труда. У талышей до самого последнего времени различные амулеты привешивали на орудия труда, ружья, даже на кувшины для сбивания масла²⁵.

Рисунки арб и крестов, как и другие изображения, указывают на веру в связь между изображением и изображаемым²⁶. Такие рисунки могли быть своеобразными пожеланиями

²⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, табл. XXIV; В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 157—159.

²¹ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. ИГАИМК, вып. 100. Л., 1933, стр. 133.

²² Д. М. Атаев, В. И. Марковин. Петрография горной Аварии. «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», вып. XIV. Махачкала, стр. 345—350; П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, стр. 31, 32, рис. 18; 22 и др.

²³ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 171, 172.

²⁴ Г. Ф. Чурсин. Фигурные обрядовые печенки у кавказских народов. «Бюлл. Кавказского историко-археол. ин-та в Тифлисе», № 6. Л., 1930, стр. 19.

²⁵ Г. Ф. Чурсин. Талыши. «Изв. Кавказского историко-археол. ин-та в Тифлисе», т. IV. Тифлис, 1926, стр. 23.

²⁶ В. Харузин. Этнография, вып. 1. М., 1909, стр. 301.

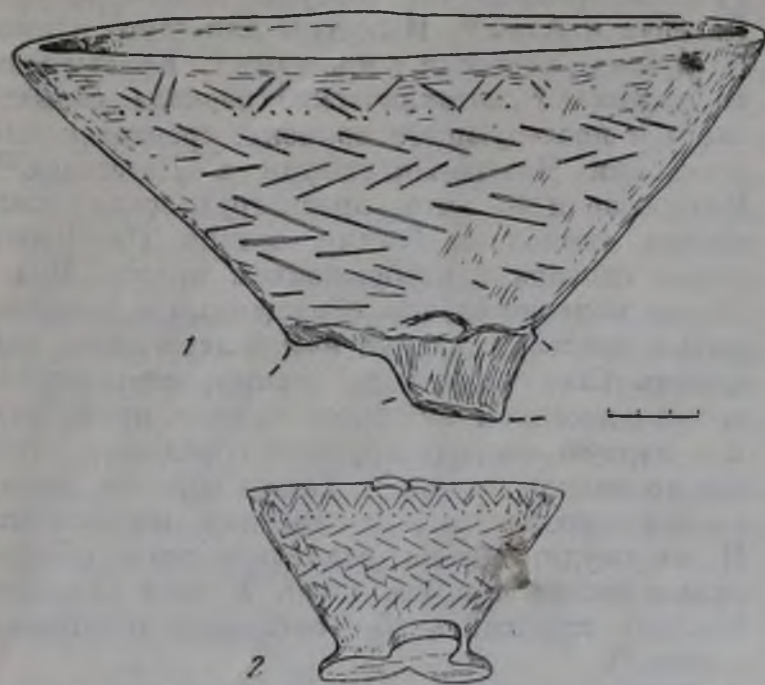

Рис. 44. Чаша-«курильница» из погребения 15 Каякентского могильника (1) и та же «курильница» в зарисовке В. И. Долбежева (2)

счастливого пути, освещенного солнцем, успеха, благополучия. Их наносили по принципу: хорошо нарисую — и в жизни будет также хорошо; и в этом — огромная сила искусства: в нем неосуществленное может предстать в виде осуществленного²⁷. Очевидно, плита с рисунком арбы в берекейской могиле должна была обеспечить умершему счастливые поездки и на «том свете».

К культовым предметам можно отнести и довольно объемистую чашу на ножках (рис. 44), обнаруженную в погребении 15 Каякентского могильника (раскопки В. И. Долбежева)²⁸. Это чаша очень напоминает курильницы эпохи бронзы²⁹, однако ножки у нее малы, нет перегородки, которая обычно делит резервуар на две неравные части. Такова конструкция даже у курильниц сарматского времени³⁰. Чаша из Каякента по функциональному назначению близка сосудам на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы³¹. Ножки подобных сосудов

²⁷ В. Турбин. Товарищ время и товарищ искусство. М., 1961, стр. 15.

²⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 148, 149, рис. 15а, б; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Труды ГИМ», вып. XI. М., 1940, стр. 10, 11, рис. 1.

²⁹ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского» типа. СА, 1957, № 1, стр. 161—172.

³⁰ Н. В. Анфимов. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. КСИИМК, 58, 1955, стр. 31—33, рис. 6, 7.

³¹ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА, 84, 1961, стр. 59, рис. 17, 4.

скорее всего имитируют соски коровьего вымени. У многих скотоводческих племен мира существует до сих пор поверье, по которому для хранения и потребления молока, чтобы не снизить удой его, должна существовать особая посуда. Часто такая посуда имеет особую, специфическую форму, ибо «всякий вред, причиненный молоку, симпатически сообщается корове»³².

Наше сопоставление правомерно, так как крупный рогатый скот играл видную роль в жизни каякентско-хорочоевских племен.

В. В. Гольмстен считает, что «в орнаментации глиняных сосудов следует видеть отражение мировоззрения и, следовательно, она заключает в себе определенное смысловое значение»³³. Было бы, конечно, крайностью для изучаемого времени все орнаментальное искусство полностью связывать с символикой, но отдельные символические элементы в нем осмысливаются.

Мы упоминали налпные знаки в виде рогов, буквы «М». Такие знаки обычно наносились на крупные горшки первого типа. Знак «М» является стилизованным изображением головы быка (рис. 17, 4; 18, 2, 7). Сосуды с такими значками, очевидно, предназначались для хранения продуктов скотоводства — мяса, масла, сыворотки и пр. Значок мог «охранять» содержимое сосудов от порчи, мог символически «способствовать» восполнению естественной убыли животных. Еще совсем недавно у черкесских и грузинских племен деревянная или железная развилка, двурогие хлебцы являлись талисманами, с ними производили различные манипуляции для «обеспечения плодородия» скота³⁴. Рогатые элементы часты в вышивках горцев Северо-Восточного Кавказа, черепа быка, овцы до сих пор служат амулетом у многих народов Дагестана и всего Кавказа.

А. П. Круглов рассматривал налпные валики на хорочоевских сосудах как «имитацию реальной обвязки сосуда» шнурком³⁵. Мы будем правы, если налпные валики и отдельные налпы причислим к своеобразным оберегам. Они должны были сохранять сосуды от порчи. В XIX в. в ауле Балхар, когда во время обжига

³² Г. Фрезер. Фольклор в ветхом завете. М.—Л., 1931, стр. 344—356.

³³ В. В. Гольмстен. Об элементах орнаментации керамики родового общества Юга СССР. «Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. 1. Л., 1941, стр. 2.

³⁴ В. Бардавелидзе. Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти. «Вопрос этнографии Кавказа», 1919, стр. 301—317.

³⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 60.

Рис. 45. Капчугай. Район наскальных изображений

портилась посуда, волнение было всеобщим. «Тогда плачут, словно умер член семьи. В таких случаях общество делает складчину и жертвует, по состоянию, сколько может сосудов»³⁶. В сел. Балхар был неплохо организован труд гончарок, у них был гончарный круг, и все же неудача расценивалась как беда. Понятна надежда женщины на магическую помощь орнаментов-оберегов. Совсем недавно в быту дагестанцев сохранялась вера в магическую силу орнамента, ручки сосуда, должных «уберечь» и сосуд, и содержимое от порчи³⁷.

Особую серию памятников культуры составляют отдельные группы наскальных изображений, открытые в местах выпаса скота и охоты — в районе селений Верхний Чир-Юрт, Капчугай (рис. 45), Ленин-кент, Буглен, Манас-аул, Уйташ, Кумторкала, г. Буйнакса и др.³⁸ Этот

³⁶ Абдулла Омар-Оглы. Воспоминания муталима. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 35.

³⁷ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1. Л., 1927, стр. 31 и сл.

³⁸ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. «Изв. ВГО», т. 85. Л., 1953, стр. 209—213; Он же. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 325 и сл.; Он же. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 147 и

интересный материал почти не исследован, не завершены и его сборы³⁹. И самые неожиданные открытия могут ожидать их исследователя. Последняя наша поездка к скалам сел. Уйташ позволила не только найти здесь интересные группы изображений, но и собрать явно неолитический материал. Возможно, что отдельные группы рисунков, высеченных на плотной поверхности скал, покрытых рыже-черным загаром, могут быть очень древними. С другой стороны, на скалах встречаются и неумелые рисунки, сделанные рукой художника-мусульманина. Находки рисунков среди строительных камней поселения Нижняя Сигитма, на плитах культовых комплексов Апшерона, на стенке ящика в Берекее и, наконец, на отдельных скалах Капчугая, Ленин-кента и в других пунктах дают группу изображений, которые могут быть смело отнесены к изучаемому времени.

Мы не можем подходить к древним наскальным рисункам только как к памятникам искусства. «Искусство имеет общий со всеми идеологическими явлениями источник», и таким источником является трудовая деятельность

сл.; Он же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД П. Махачкала, 1961, стр. 124 и сл.

³⁹ Сейчас наскальные рисунки в нагорных районах Дагестана обнаружили П. М. Дебиров, М. И. Исаков и В. М. Котович.

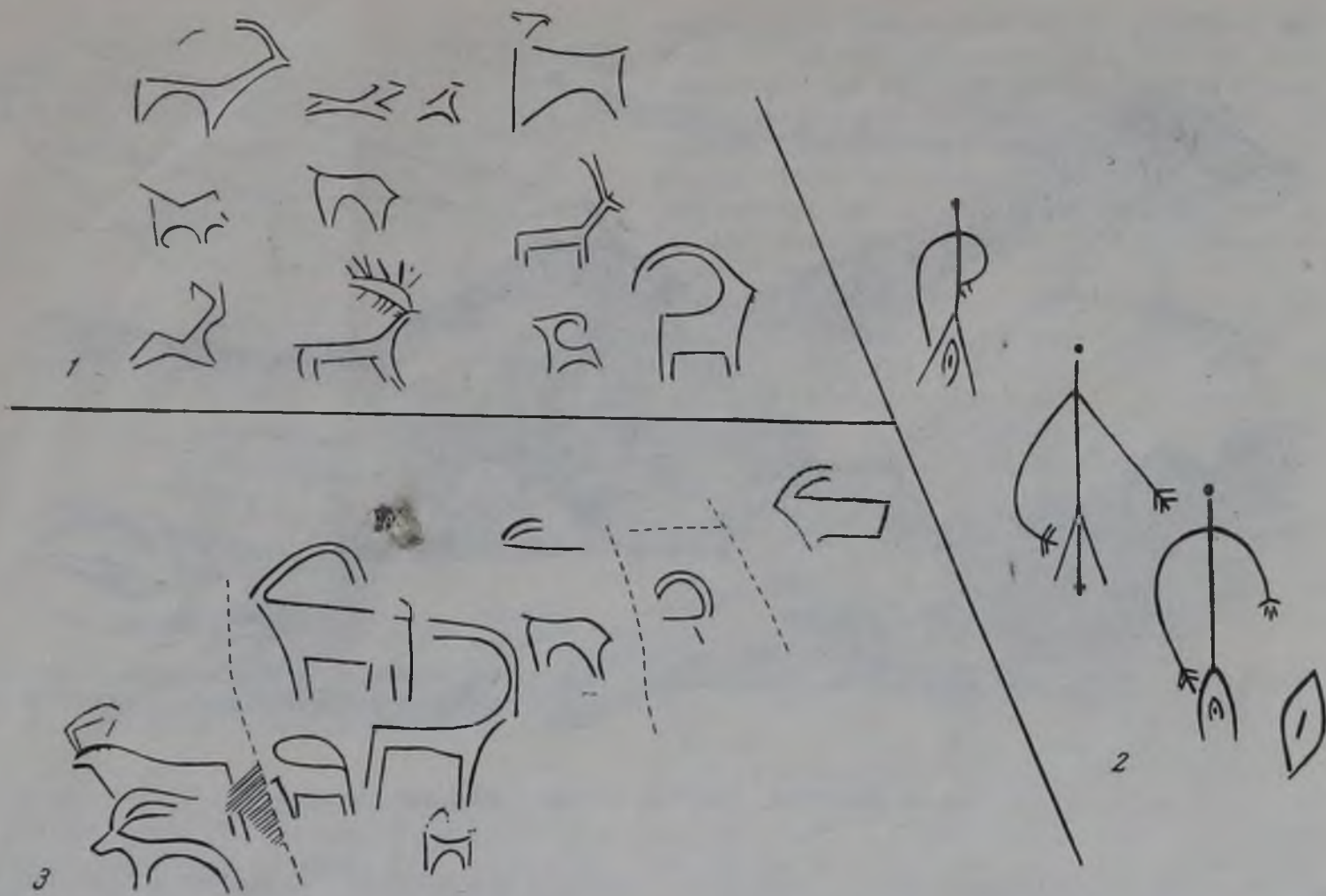

Рис. 46. Наскальные изображения

1 — животные различных видов: туры, базаровые козлы, кабаны, олени, шакалы или лисы (подборка с рисунком на скалах в ущельях Капчугай и окрестностях г. Буйнакск); 2 — человеческие фигуры. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, группа IV; 3 — часть наскальной композиции. Гора Бельги-Тюбе в окрестностях г. Буйнакск (рисунок и скала покрыты сильным загаром)

человека⁴⁰. Труд заставлял человека сталкиваться с силами природы, познавать их и объяснять. «Религия возникла из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»⁴¹. Желание облегчить свой труд могло порождать веру в магическое, что находило отражение в искусстве. А. А. Миллер замечает: «Мы не находим данных, которые могли бы обусловить невозможность сочетания охотничьих сцен с изображениями религиозного характера или даже их полного слияния»⁴². Но и в тисках религиозного регламента искусная рука художника всегда находила выход в мастерстве композиции, изяществе линий, смелости разрешения поставленной задачи.

⁴⁰ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 152.

⁴¹ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1952, стр. 48.

⁴² А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. «Изв. РАИМК», т. II, Пг., 1922, стр. 295.

Наскальные рисунки, выполненные по гладкой поверхности скал процарапыванием⁴³ и пунктирными ударами, в основном содержат сцены охоты на различных животных — оленей, туров, кабанов, безоаровых козлов, хищников, сцены их бегства (рис. 46). Реже встречаются изображения пасущихся домашних животных, людей, в руках у них луки, копья, иногда щиты (рис. 39, 5, 6,); единичны изображения всадников, фигур мужчин и женщин с подчеркнутыми признаками пола (рис. 46, 2). У некоторых животных точками отмечены уязвимые места. В. А. Городцов считал, что наскальные рисунки делались с целью, чтобы охота была такой же удачной, какой она изображена на рисунке, чтобы увеличивалось поголовье скота и дичи⁴⁴. Рисунки арб (Ма-

⁴³ В районе сел. Ленин-кент найдены каменные орудия, с помощью которых, возможно, наносились такие изображения.

⁴⁴ В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. «Труды ГИМ», вып. 1. М., 1926, стр. 52.

Рис. 47. Центральная часть культового места у курорта Талги (ущелье р. Черкез-Озень)

нас-аул) могли служить пожеланием благополучного пути. Возможно, с целью обеспечить счастье семье, здоровье потомству в древности изображали группы обнаженных людей и знаки плодородия. Наскальные изображения в определенной степени являются отражением реальной обстановки и позволяют представить жизнь человека, его потребности и занятия.

Рисунки на скалах обычно выполнены довольно смело, животных легко узнать, так как древние художники умели подчеркнуть характерные детали, экстерьер. Графически рисунки чрезвычайно лаконичны и представляют собой лишь абрис изображаемого (рис. 39; 46). Очень интересны рисунки арб, они трактованы в развертке: в виде плана даны и колеса, и корпус тележек. Изящество контуров (линия то сходит на нет, то утолщается), умелое расположение рисунков на скальной поверхности, часто в два-три ряда, создает впечатление монументальности, внутренней силы скупого графического рассказа. Мы должны признать у древних художников прекрасное чувство композиции и чувство той меры, которое делает рисунок произведением искусства. Очевидно, древние люди любили посещать такие «картинные галереи». Почти всегда под скалами с рисунками, даже если здесь нет культурных слоев, можно найти кое-какие утерянные древние предметы.

В районе наиболее посещаемых скал (Капчугай, Ленин-кент, Кумтор-кала, Уйташ) устраивались стойбища и рисование на скалах, очевидно, сопровождалось каким-то ритуальными церемониями⁴⁵.

Каякентско-хорочоевские племена, вероятно, имели и настоящие культовые центры, расположенные в заповедных местах. Помимо обширных кромехов, нам известно интересное культовое место близ курорта Талги (рис. 47; 48). Оно занимает слегка покатый облесенный склон горы. В центре площади возвышается довольно большая расколовшаяся скала высотой в 2,5 м. С восточной стороны она имеет ровную поверхность и обрамлена полукруглой кладкой (радиус ее 2,5—3 м) из плотно пригнанных камней. С юго-западной стороны также выложен небольшой подобный полукруг. Вокруг северной и восточной части сооружения разбросано более 30 небольших скал с оградками диаметром в 3—5 м. Кладка их сложена насухо. Некоторые оградки устроены над углублениями. Входы оградок обращены к центральному сооружению. Расположены они амфитеатром вокруг данного «жертвенного места». В отдельных углублениях и оградках были обнаружены

⁴⁵ Этнографическая литература содержит массу описаний подобных предохотничьих действий у народов Африки, Южной Америки, Австралии, тропических островов. Известны они для народов Севера.

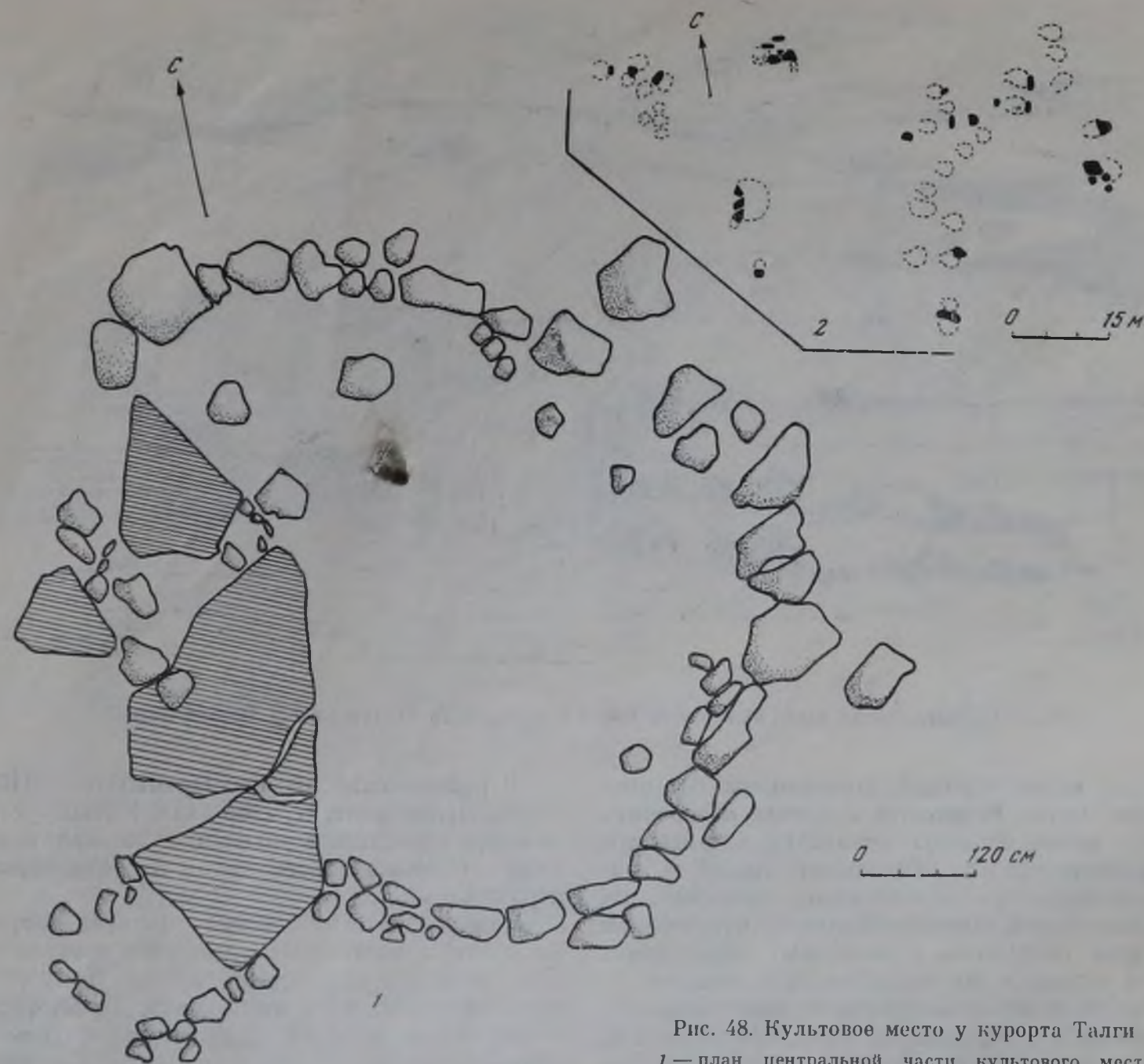

Рис. 48. Культное место у курорта Талги
1 — план центральной части культового места;
2 — схематический план оградок культового места

обломки древней керамики, угольки. Камни сооружений сильно замшели, вросли в почву⁴⁶. Нечто подобное встретил Г. М. Асланов на Апшеронском полуострове. Здесь же им были найдены камни и плиты с древними рисунками. Г. М. Асланов подчеркивает, что культовые сооружения имели круглый план и по конфигурации напоминали циклопические постройки. Здесь же прослежены неясные кладки⁴⁷. Думаем, что мы имеем право на определенное сопоставление Апшеронского и Талгинского культовых памятников. К сожалению, мы не можем пока восстановить характер ритуальных дей-

вий, хотя можно думать, что главное действие, производившееся в ограде большой центральной скалы, могло дублироваться людьми, находившимися в малых оградках.

Появление железа в обиходе древних племен привело к созданию новых верований, возникновению новых форм и приемов в искусстве. Эта большая тема еще ждет своего исследователя, эпоха раннего железа, особенно на территории Дагестана, еще только начинает изучаться⁴⁸.

Дальнейшие археологические и этнографические исследования пережиточных институтов позволят дать более полное и красочное представление о жизни и занятиях носителей каякентско-хорочоевской культуры.

⁴⁸ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа показывает их определенное своеобразие. Действительно, они не похожи на синхронные им комплексы кобанской и ходжалы-кедабекской культур, хотя это не исключает контактов между посетителями названных территориально близких культур и изучаемой нами каякентско-хорочоевской культуры. Указанное своеобразие проявляется как в погребальном ритуале, так и в инвентаре, собранном исследователями в каменных ящиках и на поселениях. К сожалению, фрагментарность использованного материала не позволяет более четко, чем это было сделано выше, представить черты жизни древнего населения Северо-Восточного Кавказа. В результате исследования можно прийти к следующим выводам.

1. Памятниками каякентско-хорочоевской культуры являются грунтовые могильники, содержащие в основном каменные ящики. Иногда подобные гробницы являются впускными в более ранних курганах. Поселения культуры изучены хуже. Выявление и раскопки их — дело будущего.

2. Погребения изучаемой культуры содержат в основном скорченные костяки, положенные в могилы на бок или в сидячем положении. Такие различия в деталях ритуала, как ориентировка погребенных могил, число сосудов в ящиках, их размещение и т. д., позволяют считать их местными чертами, не нарушающими общей монолитности культуры.

3. Погребальный инвентарь довольно однообразен. Он состоит из сосудов специфических форм, покрытых зачастую обмазкой, с узором в виде налечных валиков и прочерченной елочки; изделий из бронзы — пластинчатых и массивных височных подвесок, браслетов, подвесок из сурьмы. Оружие и орудия труда крайне редко встречаются в погребениях — возможно, это являлось ритуальной чертой. В отдельных памятниках найдены бусы, морские раковины и пред-

меты из камня. В могилах встречаются угольки и кости живых (остатки заупокойной пищи).

4. Памятники каякентско-хорочоевской культуры охватывают два периода:

I период — время оформления характерных черт культуры: примерно 1300—1100 гг. до н. э.

II период является основным, определяющим своеобразие культуры: примерно 1100—900 гг. до н. э.

Далее с интенсивным освоением нового металла — железа меняется характер памятников, монолитность культуры заметно исчезает. Этому способствует и проникновение на Кавказ инородной скифо-савроматской культуры.

5. Территориально каякентско-хорочоевская культура охватывает основную часть Дагестана и восточную, прилегающую часть Чечни. Внутри этой значительной территории могут быть выделены локальные зоны, как мы думаем, соответствующие отдельным племенам — предкам современных народов Северо-Восточного Кавказа.

6. Носители каякентско-хорочоевской культуры вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством. Подсобным занятием являлась охота, а для населения прикаспийских земель — рыбная ловля. Они представляли общество с патриархальными отношениями, со сложным кругом верований, своеобразным искусством.

Культура эпохи поздней бронзы не прошла бесследно для населения Северо-Восточного Кавказа последующих периодов. Ее отголоски можно проследить на протяжении многих веков, подобная тема могла бы явиться объектом специального исследования. Памятники эпохи раннего железа и скифского времени продолжают сохранять многие черты, выработанные в течение долгих веков предыдущего развития. Так, материалы могильника Шуши сохраняют преемственность с каякентско-хорочоевскими тра-

⁴⁶ Сооружение ничем не напоминает современные загон для скота, устраиваемые у скал.

⁴⁷ Г. М. Асланов. Новый комплекс археологических памятников Апшерона. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965, стр. 65.

дициями и в конструкциях могил, и в ритуале, и в инвентаре¹. Керамика каякентско-хорочевских форм известна в памятниках сарматского времени². Керамика близкого типа существует и в средние века³. До сих пор женщины-дагестанки носят височные кольца-подвески, нашивая их на головной убор, хотя изменилась и форма таких украшений, и материал (бронзу сменило серебро). Гончарки аула Балхар по традиции декорируют свою посуду налепами и

¹ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник Яман-су на границе Чечни и Дагестана. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968, стр. 165 и сл.

² К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албанско-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД II. Махачкала, 1961, стр. 209; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Записки ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963.

³ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 163, 164, рис. 24, 1, 5.

валиками. И в этом смысле каякентско-хорочевская культура связывает неразрывной цепью современность с более древними эпохами, уводя нас к периодам освоения металла. И, наконец, наскальные изображения, на которые впервые обратил внимание старейший дагестанский краевед М. И. Исаков⁴, могут быть увязаны со средневековыми рисунками на каменных блоках зданий, на отдельных могильных стелах.

Наша работа, посвященная изучению каякентско-хорочевской культуры, является по существу попыткой показать специфику местной культуры эпохи поздней бронзы. Мы не ставили перед собой задачи раскрыть следующий за ней период — эпоху раннего железа, когда происходят новые членения внутри родственных племен, выделение совершенно новых, более мелких племенных образований.

⁴ М. И. Исаков. Следы каменного века в Дагестане. «Социализм дин пайдах», 15 ноября 1949 г.; «Ленин ёлу», 15 марта 1950 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
ИА — Институт археологии
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
КОРГО — Кавказский отдел Русского (Российского) географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАЭ — Музей антропологии, этнографии
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РГО — Российское Географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт при Совете Министров ЧИАССР
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА . . .	4
Глава II	
ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ПРОБЛЕМА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	9
Глава III	
ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ .	15
Глава IV	
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	30
Глава V	
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНВЕНТАРЯ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВ- СКОЙ КУЛЬТУРЫ	42
Глава VI	
АРЕАЛ, ХРОНОЛОГИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАЯКЕНТСКО- ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	77
Глава VII	
ЛЮДИ КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИХ ХОЗЯЙСТВО И БЫТ	89
Глава VIII	
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКИХ ПЛЕМЕН . .	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113

Владимир Иванович Марковин
Дагестан и Горная Чечня в древности

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор *О. Н. Евтюхова.*

Редактор издательства *С. Н. Васильченко.*

Художник *И. П. Борисов.* Технический редактор *И. Н. Жмуркина*

Сдано в набор 2/VIII 1968 г. Подп. к печ. 30/I 1969 г. Формат 84×108^{1/16}. Бумага типогр. № 1.
Усл. печ. л. 12,18 Уч.-изд. л. 12,7 Тираж 1900 Т-00959.

Тип. зак. 1221. Цена 80 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10

80 коп.

Э. КИИ О

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА